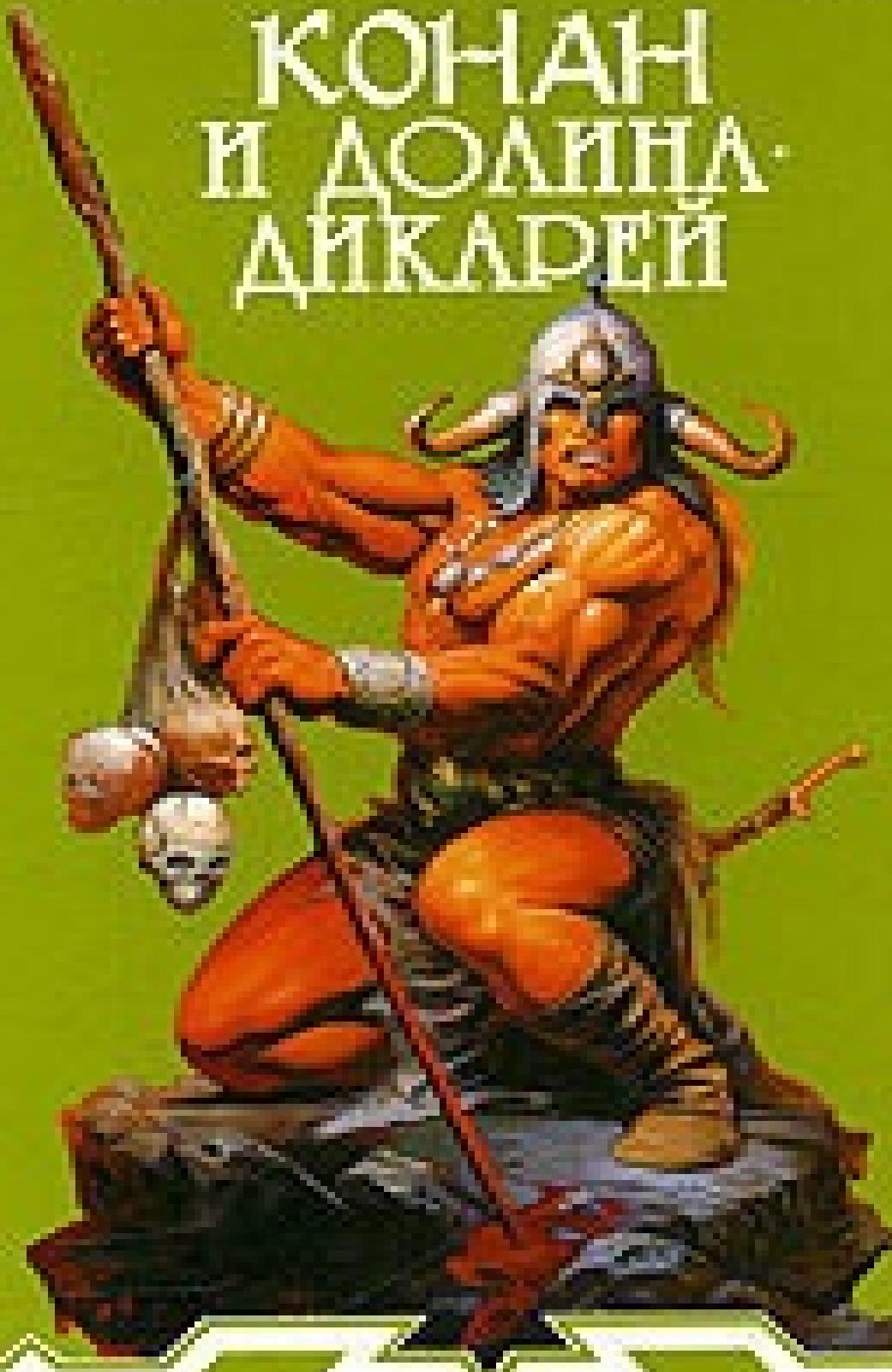

Сказки

КОНАН И ДОЛНА ДИКАРЕЙ

Annotation

Приключения Конана продолжаются в повестях Ника Харриса:

- * Странная женщина Иолина
 - * Кость демона Уробаха
 - * Сокровища Стоомина
 - * Тайны Ирема
 - * Нашествие из-за Круга
-

- [Ник Харрис](#)
 - [Странная женщина Иолина](#)
 - [Ник Харрис](#)
 - [Кость демона Уробаха](#)
 - [Ник Харрис](#)
 - [Сокровища Стоомина](#)
 - [Ник Харрис](#)
 - [Тайны Ирема](#)
 - [Ник Харрис](#)
 - [Нашествие из-за Круга](#)
-

Ник Харрис

Странная женщина Иолина

Он слышал: шаги бухали в пустом коридоре, как в бочке. Судя по звуку, к двери подходила еле живая старуха, да к тому же еще и хромая. Стук одного каблука был мягче, нежели другого. Именно так ходят хромые люди. А шарканье подошв говорило о старости того, кто это подошвы носил.

Скорее всего, это шарканье деревянных башмаков, какие носят старухи. Истертых, измочаленных о мостовые, старых деревянных башмаков...

Так думал Конан, валяясь на лежанке в комнатке на втором этаже харчевни толстого Асланкариба. Эту каморку он снимал каждый раз, когда у него заканчивались деньги. Хитрый трактирщик знал, что киммериец сполна расплатится, как только у него появится золото или серебро. Ну а пока... Пока он согласен ждать, будучи уверен, что ожидание обернется хорошим прибыtkом.

Шаги затихли у самых дверей. Раздался осторожный, неуверенный стук. Конан глухо заворчал, как разбуженный в неурочное время пещерный медведь.

Дверь медленно отворилась. В изящных туфлях, сверкающих переливами драгоценных камней, через порог переступила молодая женщина. Конан от неожиданности проглотил язык и, приподнявшись на локте, молча созерцал явившееся чудо. Женщина с холодной брезгливостью оглядела каморку.

Черты ее лица, достаточно красивые, чтобы ими любоваться, и слишком правильные, чтобы быть милыми, хранили выражение высокомерного презрения. Прямой нос, тонкие губы аристократки, отстраненные серые глаза. На голове сверкал бриллиантами тонкий золотой обруч. Светлые волосы рассыпаны по плечам. Легкая, полупрозрачная и, вероятно, очень дорогая ткань не скрывала изящную, точеную фигуру.

— Ты — киммериец Конан, — она не спрашивала, а значит, не было нужды, и отвечать, — варвар, который молится только своему Крому, а других богов не признает.

Конан по-прежнему молчал, пытаясь связать воедино шаркающие шаги и облик стоящей перед ним высокомерной аристократки. Одно с другим явно не клеилось. Невозможно представить, чтобы вот эта женщина вдруг потащилась по коридору старушечьей походкой!

— Ты мне нужен, варвар, — продолжала гостья, с презрением глядя в окно, из которого открывался вид на заваленный отбросами задний двор таверны, — точнее, нужна твоя сила и ловкость! Я хочу нанять тебя для одного очень опасного дела.

И, так как Конан молчал, женщина, потеряв терпенье, крикнула:

— Неотесанный варвар! Ты мог хотя бы встать, когда с тобой говорит... — она замолчала, не желая называть себя, и, уже спокойнее, добавила, когда с тобой говорит... знатная дама.

Конан одним слитным движением поднялся с лежанки. Так умеют двигаться леопарды — в мгновение ока, плавно перетекая из одного положение в другое. В серых глазах аристократки презрение уступило место невольному восхищению. Не считая набедренной повязки, киммериец был обнажен. Его мощное, гибкое, темное от загара тело бугрилось мышцами, как тела бронзовых богов, грозно взирающих на людей с высоких постаментов

тайных святилищ.

Женщина прикрыла глаза длинными ресницами. Непостижимые, прекрасные, величественные боги и... такой же человек из плоти и крови, к тому же варвар, не признающий тех самых богов...

— Мне нужен надежный телохранитель. Солдаты из охраны правителя вашего города посоветовали найти тебя...

— Ты не местная? — Конан не смущаясь, оглядел аристократку с головы до ног и остался доволен. Высокомерие, правда, в ней еще сохранялось, но взгляд уже не был таким отрешенно-презрительным.

— Я из... другой страны.

— Из какой?

— Это неважно, — женщина попыталась вновь надеть маску надменной аристократки, — важно, что я плачу золотом и столько, сколько ты скажешь! Завтра на рассвете я жду тебя у городских ворот, варвар! Не опаздывай!

— Как твое имя? — Конан продолжал разглядывать гостью и находил ее все более привлекательной.

Она, как бы, менялась на глазах... Так хамелеон изменяет окраску, приспосабливаясь к цвету временного жилища. Черты лица ее, казалось, стали мягче, губы ярче и чувственней... Даже волосы стали не такими светлыми. Или это просто солнце зашло за тучу, и в каморке стало темнее?

— Имя?.. Зови меня Иолина... Да, так будет лучше.

— Для кого лучше? — уточнил Конан.

— Для тебя, конечно!

— Думаешь, если я узнаю твое настоящее имя, то умру от страха?

Конан ощущал нарастающее беспокойство. Что-то он не мог вспомнить... Голова постепенно наполнялась сладким туманом... Что-то, связанное с необычностью этой женщины... С ее странным появлением. Какая-то неясность, несуразность...

В голове шумело, как от крепкого вина. Виделись только глаза гости — бирюзовые, как утреннее небо... Нет..... серые, как сталь... Нет, теперь... темные, как ночь...

И полные, ласковые губы, тепло которых ощущалось задолго до их прикосновения... И нежные руки, тянущие его вниз... на дно колодца... Или — в омут... В самый темный, самый глубокий омут этой, голубой, как небо, реки...

* * *

Очнулся Конан от ритмичного топота и криков. Завсегдатаи таверны затянули бравую песню, топая в такт подкованными сапогами — у кого они были. А кто не имел сапог — стучали об пол задубевшими пятками, больше походившими на конские копыта. И звуки, рвущиеся из натуженных глоток, скорее напоминали крик ужаса, нежели песню.

Конан потряс головой, прогоняя остатки морока. Оглядел комнатку. Никаких следов недавнего присутствия странной аристократки, напустившей на него непонятные виденья. Впрочем — киммериец усмехнулся — видения эти были не лишены чувственности, Вероятно, это был всего лишь сон... И теперь ясно помнилось то, что внезапно забылось — несуразность. Не могла сверкающая бриллиантами красавица тащиться по коридору

старушечьей походкой, да еще так шаркать ногами!

Конан вздохнул — сегодня опять придется пить и есть в долг. И хитрый, мерзкий хозяин будет угодливо, но со значением, заглядывать в глаза, молчаливо требуя скорейшей уплаты всех долгов. Кром!

«Что там говорила эта женщина... это виденье... о работе? Опасная, но заплатит она столько, сколько я запрошу!.. Завтра, на рассвете у городских ворот...»

Конан сморщился, как от зубной боли — да была ли она, эта женщина? Не померещилось ли ему?

Он натянул кожаные шаровары и достал из-под лежанки сапоги. Странное виденье... Но, допустим, женщина действительно приходила. Как увязать ее старческую походку и блестательный облик? За дверью, в коридоре, она претворялась старухой? Конан осмотрел сапоги — давно надо бы купить новые... Но как могла красавица прикинуться старухой?! Разве что, набросив на себя покрывало? Укутавшись в чадру? С неудовольствием натянув сапоги, он стал искать глазами рубашку. Хоть бы попалась на глаза какая-нибудь брошь... Как в сказках, которые так любят рассказывать дервиши на базаре — красавица обязательно должна уронить брошь с бриллиантом... или кольцо... или, на худой конец, заколку для волос... Но на грязном полу ничего не валялось...

Так, может, ее и не было — странной красавицы? И не стоит завтра тащиться к воротам?.. И, все же... Конан резко выдохнул, затем стал втягивать воздух небольшими порциями, принюхиваясь, как выслеживающий добычу хищник. Есть какой-то запах... Не то, духов из Вендии, не то... Ну, да... она же увлекла его в омут любовных утех... Остался запах женщины. Голова вновь закружилась. Как далекий сон, вспомнились необычные ласки, которыми его только что одарила эта колдунья. Одарила... и заставила забыть! Но он помнит! Пусть не все, но помнит!

Прорвав усилием воли пелену сладостного дурмана запретных воспоминаний, Конан осмотрел рубаху — богато расписанная, она когда-то стоила недешево. Но краски давно выцвели, а ткань побелела от пота. Пожалуй, теперь бы в самый раз получить хорошее вознаграждение.

Спускаясь по стертым, скрипучим ступенькам, киммериец морщился от нежелания обращаться к толстому Асланкарибу с просьбой опять поесть и выпить в долг. Да, он пойдет на заре к воротам и возьмется за любое дело, если оно сулит хорошие деньги.

* * *

Городские ворота освещались несколькими факелами. Стражники, конечно, спали или резались в кости. А на барабакане виднелась одинокая, тощая фигура новобранца, которого и поставили охранять ворота за десятерых.

— Эй, там, внизу, — стражник увидел вынырнувшего из темноты Конана, — ворота открываются только на рассвете!

Голос у него был мальчишеский и немного испуганный. Даже стоя на крыше барабакана, он оценил богатырское сложение и решительную походку подошедшего к воротам воина.

— Я подожду рассвета, — спокойно сказал Конан и присел на скамью, вероятно специально вкопанную для бедолаг, пришедших к воротам ночью.

Скоро на востоке небо слегка порозовело. Затем свет невидимого пока солнца

обозначил силуэты домов и деревьев. Защебетали, запели птицы. И с первыми лучами пробудился город.

После ночного отдыха вчерашнее виденье удивительной женщины и вовсе стало казаться далеким сном. Конан досадовал, что поверил призраку и пришел к воротам. Ведь вполне возможно, что это действительно был призрак! Или бред. Или морок.

Солнце уже рассыпало щедрые лучи по лицам купцов и простолюдинов, спешащих по своим делам, а сверкающей аристократки не было. Конечно! Вся эта история не стоит даже того, чтобы о ней кому-то рассказать! Мало ли, что померещится человеку?! Закряхтев с досады, Конан поднялся со скамьи и... остолбенел. Перед ним стояла вчерашняя незнакомка. Все так же легкий золотой обруч стягивал светлые волосы, так же надменно смотрели серые глаза. Только сегодня на ней был походный плащ, из-под которого выглядывала рукоять тяжелой шпаги, возможно даже легкого меча, с которым справиться далеко не каждая женщина.

— Когда же ты подошла? Я тебя не заметил! — Конан чувствовал легкое замешательство.

— Ты стал рассеян, варвар-киммериец, — с усмешкой сказала женщина, — я уже сомневаюсь, будешь ли ты надежным телохранителем!

Шагая следом за незнакомкой к небольшому каравану, стоящему неподалеку, Конан вновь почувствовал в голове странный хмельной туман. Эта женщина не может быть простой княгиней, или дочерью сатрапа какой-нибудь страны. В ней определенно есть что-то колдовское. Что-то демоническое... или божественное. Любаясь плавной походкой женщины, Конан заметил, что она слегка прихрамывает. Совсем чуть-чуть. Так, что не каждый и заметит. Легкая хромота и меч на поясе. Похоже, она побывала не в одной переделке. И еще: в ней чувствовалась привычка повелевать. Определенно там, где она жила, ее власть была безгранична.

Караван состоял из десятка верблюдов с поклажей и двух лошадей. Одна лошадь — красивая гнедая кобыла — безусловно, предназначалась для хозяйки. Конану подготовили мощного вороного жеребца. Погонщики верблюдов — два молчаливых человека в черных плащах с низко надвинутыми капюшонами, взобрались на лениво жующих животных и застыли в ожидании команды.

— Как тебе нравится твой конь, варвар? — с нотками не то, насмешки, не то восхищения, спросила женщина, бросив на Конана быстрый взгляд из-под полуопущенных ресниц.

Иолина! Киммериец вспомнил ее имя, полузабытое, как и все остальное. Он попробовал на вкус мягкое сочетание звуков. Иолина... Имя красивое, под стать этой таинственной незнакомке, но явно не настояще. Впрочем, она и не скрывала, что называлась придуманным именем.

— Конь хороший, — Конан могучей рукой сдерживал горячего жеребца.

— Ты не называешь цену, варвар? Не хочешь разве услышать, сколько я готова заплатить?

— Ты вчера сказала — заплатишь столько, сколько я запрошу. А запрошу я после окончания твоего дела. И цена будет зависеть от того, насколько солено нам придется.

Весь день караван неспешно продвигался в направлении Кезанкийских гор, пересекая обширные, покрытые пожелтевшей травой, пространства. Конан не спрашивал ни о цели путешествия, ни о предстоящих опасностях, полагая, что если потребуется, хозяйка расскажет сама. Но женщина молчала. Только хмурилась, будто рассматривая что-то за горизонтом. Лошади, разомлевшие на жаре, понуро бреди, опустив головы. Привычные ко всему верблюды, шли размеренным, неспешным шагом. Все, как всегда. Степь, жара, пыль, белое, палящее солнце. И все же, почти физически ощущалась некая потаенная тревога, напряженное ожидание чего-то страшного. Молчаливые, так и не откинувшие капюшоны, погонщики, мрачная задумчивость Иолины... Даже птицы, парящие высоко над степью, выглядели зловеще, и, казалось, предсказывали неминуемую беду.

К вечеру жара стала спадать. Кони вскинули головы и веселее затопали по чуть заметной тропе, с каждым шагом поднимая небольшое облачко пыли. Прямая, как стрела, тропинка указывала строго на восток.

— Ты должен кое о чем узнать, варвар, — нарушила молчание женщина, — я расскажу тебе только то, что необходимо и запрещаю задавать вопросы!

Конан молча кивнул, не удивившись такому обороту. Что-то вроде этого он и ожидал. Иолина посмотрела на кровавый диск заходящего солнца и продолжала:

— Каждую ночь я буду исчезать и каждое утро появляться. Ты должен следить за верблюдами и конями и ожидать моего возвращения.

— За верблюдами следят погонщики, — не поворачивая головы, бросил киммериец.

— Нет, ночью они не смогут за ними следить... Они тоже... уйдут, по своим делам... — женщина, казалось, хотела сказать что-то еще.

Она искоса глянула на Конана, словно оценивая можно ли ему доверить некие тайны, затем нахмурилась и отвернулась.

Усталое солнце стремительно уходило за горизонт, позволяя кромешной тьме охватить щупальцами мир и выпустить на охотуочных тварей. Повинуясь скромному жесту Иолины, Конан остановил караван, расседлал и стреножил коней, искоса наблюдая за действиями погонщиков. Те, двигаясь, словно бы с трудом, медленно сняли тюки, и пустили верблюдов пастись. Затем, присели на пожухлую траву и застыли в странных, неестественных для человека позах. Быстро темнело. Конан решил, что пора поужинать, распаковал седельную сумку и оглянулся, намереваясь узнать, собирается ли его странная хозяйка разделить с ним вечернюю трапезу.

«Конечно, — думал он, откупоривая кувшин с вином и раскладывая снедь, — знатная госпожа не должна сидеть за одним столом с охранником, но... ведь стола-то и нет! Только полог, расстеленный на пыльной траве. Кроме того, в походных условиях разрешается нарушать этикет. Ну и, наконец, она ведь... разделяла с ним кровать, если, конечно, это не было пустыми виденьями. Так что...»

Но женщины нигде не было. Нахмутившись, Конан оглядел степь. В полумраке он заметил бы удаляющуюся фигуру. Значит?.. Значит, она просто исчезла. Переместилась в одно мгновение, может быть, в другой мир. А, следовательно, она не человек. Во всяком случае, не обычный человек. В общем-то, он это подозревал с самой первой встречи...

Погонщики все также неподвижными силуэтами чернели поодаль... Конан подумал, не позвать ли их, затем махнул рукой и налил вина в кружку, которую он, с некоторых пор всегда возил с собой.

Волшебник Эскиламп утверждал, что в этой глиняной посудине, до сих пор чувствуется

присутствие демонической силы. Сам Конан ничего не ощущал. Когда-то голоса, раздававшиеся в этой кружке, привели его в иной мир, где правил демон алмазного замка...

У хозяйки неплохое вино, решил Конан, задержав во рту последний глоток. Он еще раз осмотрел барельефы драконов, мрачные лики горгулий, по-хозяйски расположившихся на глиняных боках демонической кружки, и вновь налил вина. Взошла ущербная луна. Степь, освещенная тусклым, неживым светом, серебрилась паутинками. Погонщики также исчезли. Конан был один в степи, не считая, конечно, коней и верблюдов.

Странно, что днем паутина не заметна, неспешно подумал киммериец, разжевывая жесткое вяленое мясо. Луна как-то по-особому высвечивает серебристые нити... Куда же, демоны их всех побери, они исчезли?!

Отдаленным эхом прокатился по степи волчий вой. Звук задрожал, завибрировал в конце и затих, оставив после себя звенящую, тягостную тишину. Умные животные подошли поближе к человеку. Лошади тревожно прядали ушами, верблюды, будто ничего и не замечали, только, как бы невзначай, стали щипать траву рядом с тем, кто сможет их защитить.

Конан проверил, легко ли меч покидает ножны, и вновь принялся за еду. Кром! Кто же они такие?! Почему и куда исчезают на ночь? Переносятся вгроем в другие миры? Стоп! Он потер лоб — почему это он решил, что они уходят куда-то все вместе? Вряд ли... Как она сказала? «Они тоже уйдут по своим делам».

Волчий вой раздался гораздо ближе, нежели в прошлый раз. Не это ли их дела? Не оборотни ли путешествуют вместе с ним под видом погонщиков верблюдов? Впрочем, работу погонщиков они тоже выполняют.

Лошади тревожно заржали. Луна зашла за тучу, и в степи стало темнее. Теперь Конан с трудом различал силуэты коней и верблюдов. И еще два силуэта мелькали поодаль. Две тени. Две пары горящих глаз. Погонщики пришли проверить, как чувствуют себя верблюды? Конан поднялся, сделал несколько шагов и пронзительно свистнул. Волчьи силуэты отдалились, но две пары глаз по-прежнему горели во тьме. Перемещались, исчезали на миг, вновь зажигались, источая злобу, ненависть и подлую трусость зверей, привыкших нападать большой стаей.

Ночь казалась необычайно длинной. Два волка по-прежнему кружили вокруг, и Конан почти не спал. Только ближе к рассвету парные огоньки злобных глаз исчезли, и удалось, наконец, немного подремать.

— Как прошла ночь, варвар? — мелодичный голос вырвал киммерийца из легкого забытья.

Конан встал, расправил затекшие члены и бросил наугад:

— Скажи своим погонщикам, пусть охотятся подальше от меня! Отрублю им головы, а верблюдов буду навьючивать сам!

Иолина вспыхнула:

— С чего ты взял?.. Как ты?.. Ну, хорошо! Ты догадался.

Она изящно повернулась, окинув быстрым взглядом фигуры в черных плащах с надвинутыми капюшонами.

— Я наложила на них заклятие — тебя они не тронут. Но, вот, коней и верблюдов... Поэтому я и приказала их охранять.

— А я за себя и не боюсь, — усмехнулся Конан, — уж с парой волков-оборотней я как-нибудь справлюсь. Но не спать все夜里, охраняя животных!.. Нет, лучше я отрублю им

головы! — он решительно двинулся к погонщикам.

— Подожди, — женщина с неожиданной силой схватила его за руку, — подожди, я постараюсь им внушить приказ охотиться дальше в степи...

Плавной походкой, которую только слегка портила легкая хромота, она направилась к оборотням.

— Пойдем со мной, варвар, посмотришь, на их лица!

Когда Конан подошел, Иолина отрывисто говорила что-то на странном шипящем языке. Погонщики молча кивали, не поднимая глаз. Не говоря ни слова, Конан резко откинулся капюшон одного из оборотней.

То, что он увидел, заставило его содрогнуться и схватиться за рукоять меча.

— Они не простые оборотни, — быстро говорила Иолина, — они, вообще, не из вашего мира, поэтому так и выглядят. Но днем они послушны и работяги. Хорошие слуги.

Конан не отпуская рукояти меча, смотрел в красные глаза человека-волка. Это действительно были не те оборотни, которые днем выглядят, как люди, а ночью превращаются в волка. Черты лица, или, точнее, морды, стоявшего перед Конаном чудовища, являли собой жуткую смесь человека и зверя. Сама по себе волчья морда не кажется страшной, думал Конан, она даже по-своему симпатична. Но вот, на эту ужасную мешанину волчьих и человеческих черт, невозможно смотреть без содрогания!

Оборотень щелкнул зубами и поспешил натянуть капюшон. Иолина приказным тоном прошипела еще несколько слов и увлекла Конана подальше от своих ужасных слуг. Как ни в чем не бывало, погонщики принялись навьючивать порученных их заботам верблюдов.

— Почему же, ни лошади, ни верблюды их не боятся? — спросил Конан.

— Ночью боятся, — беспечно ответила женщина и рассмеялась.

Затем, потянула Конана за рукав к импровизированному столу.

— Подкрепись перед дорогой, — она заботливо налила вино и вдруг с криком разжала пальцы, неотрывно глядя на украшенную барельефами кружку. Пролитое вино темным, кровавым пятном растеклось по пологу.

— Откуда у тебя эта кружка?!

— Подарок одного демона, — небрежно ответил Конан.

Женщина долго молчала, неотрывно глядя в синие глаза киммерийца. Затем, с трудом оторвав взгляд, посмотрела на кружку. Драконы и горгульи, казались, вполне живыми — этакие миниатюрные существа, приkleенные к серой, обожженной глине.

— Спрячь ее, — изменившимся голосом тихо попросила женщина, — спрячь и не доставай при мне. Я не хочу, чтобы...

Она замолчала и подвинула Конану вяленое мясо и лепешки.

— А ты не хочешь закусить перед дорогой? — с набитым ртом спросил киммериец, обмотав кружку тряпками и упрятав в сумку.

— О, я хорошо поела ночью! — Иолина опять весело рассмеялась и, лястясь, как избалованная домашняя кошка, прижалась к плечу Конана.

Удивляясь столь резким сменам настроения хозяйки, воин вспомнил ночь в комнатке над таверной толстого Асланкариба и невольно посмотрел на погонщиков — они же все увидят...

— Не смущайся, мой варвар, — проворковала Иолина, — они просто животные, для них это естественно...

Она пристально посмотрела в глаза Конану, и тот ощутил уже знакомое головокружение.

И вновь этот волнующий запах... И гибкое, горячее тело... И полные, мягкие губы... Он уже знал, что будет вспоминать ласки женщины, как далекий прекрасный сон...

С последним проблеском сознания варвар подумал — не чудовище ли он обнимает?..

* * *

— Просыпайся, варвар! — голос звучал по-прежнему мягко и нежно, однако в нем уже угадывались стальные нотки суповой и надменной хозяйки.

— Ты зря пытаешься заставить меня забыть... — пробормотал Конан, одеваясь, — я все помню.

— Все ты не можешь помнить, мой варвар, — с насмешкой проговорила женщина, — а ту часть, что помнишь... Это не страшно.

«Интересно, — думал Конан, машинально помогая хозяйке усесться на лошадь, — какую же часть нашей любовной игры она заставила меня забыть? И почему? Значит, что-то я, как человек, мог не принять? Ужаснуться?»

Он вспомнил все изысканные ласки, которыми его награждали женщины на протяжении многих лет, с тех пор, как он познал любовь.

Казалось бы... удивить его теперь сложно... Так что же это были за игры, столь ужасные для человека, что эта женщина заставила его их забыть?! Эта женщина... Кто она? Демон? Хозяйка оборотней? Почему она так испугалась кружки, подаренной демоном? И хотелось бы знать — чем (или кем?) она пообедала этой ночью?

День был как обычно жарким, небо безоблачным, а разомлевшие лошади еле плелись. Конан искоса наблюдал за погонщиками и хозяйкой, но ничего необычного в их поведении не было. Оборотни вели себя смирно, а Иолина, как всегда ехала молча, глубоко задумавшись и устремив невидящий взгляд куда-то за горизонт.

— Может, ты мне скажешь, куда и зачем мы едем? — решил нарушить молчание Конан.

Он не надеялся на ответ, но женщина, очнувшись от задумчивости, сказала:

— В сердце Кезанкийских гор есть одно место... Мне необходимо там побывать... Надолго мы не задержимся и почти сразу отправимся в обратный путь... если будем живы, — она ласково улыбнулась, и Конан заметил, что зубы у нее значительно остreee человечьих и, пожалуй, длиннее.

— Может, расскажешь подробней? Что это за место, кто там живет?

— Заранее лучше не знать, мой варвар, — тихо ответила Иолина и отвернулась, давая понять, что разговор окончен.

Ехали целый день, не останавливаясь. Конан закусывал на ходу, Иолина есть отказалась, а погонщикам он и не предлагал, справедливо полагая, что лепешки придутся им не по вкусу. К вечеру на небе стали собираться облака, затем они слились в одну огромную тучу, которая к ночи закрыла весь небосвод.

— Он знает, что я приближаюсь, — как бы про себя пробормотала женщина, а вслух сказала: — Сегодняшняя ночь может быть бурной! Приготовь меч, варвар!

Конан промолчал. Что тут говорить, если она не желает ничего рассказывать? А меч, — он усмехнулся, — всегда наготове.

Иолина пристально посмотрела на своего телохранителя и удовлетворенно кивнула.

— Если будет тugo, я постараюсь появиться пораньше и помочь... Берегись черных

птиц, варвар, — она подняла руку, останавливая караван на ночлег.

Вдали непрерывно громыхало. Змейки молний, извиваясь, падали на землю. Запахло прохладой. Конан наскоро перекусил, наблюдая за хозяйкой — ему хотелось уловить миг ее исчезновения. Иолина сидела, плотно сжав губы и, по обыкновению, задумавшись. Позади раздался какой-то звук. Конан мигом обернулся — в степь убегали два огромных волка. Погонщики... Интересно, выполнят ли они приказ хозяйки — охотиться подальше от коней и верблюдов?

— Как думаешь, они поняли, что надо... — начал Конан, но перед ним уже никого не было.

Миг исчезновения пропущен... Конан причесал пятерней волосы на затылке. Какая разница — увидит он момент исчезновения или нет?! Что он, собственно, хотел увидеть? Останется ли после нее радуга?

Стреноженные животные, чувствуя приближение грозы, жались поближе к человеку. Ночь может быть бурной, так, кажется, она сказала? И еще — берегись черных птиц. Конан сложил продукты в сумку. Сколько раз он смотрел в глаза смерти? Не сосчитать... Было ли ему страшно? Когда как... Если дело касалось колдовства — чаще всего, да — было страшно.

Он накрыл сумку пологом, чтобы не промокла. Что же будет сегодня? Он прислушался. Волчьего воя не слышно. Похоже, оборотни послушались приказа и убежали подальше. Что будет, если они не смогут никого убить в степи? Прибегут, все-таки сюда?

Гроза приближалась. Молнии теперь не выглядели маленькими змейками, а походили, скорее, на огненных удавов — огромных, грозных, пожирающих все на своем пути. Стемнело настолько, что не видно было даже вытянутую руку. Только вспышки молний озаряли, притихшую в ожидании степь. Черные птицы... Конан вытащил из ножен меч и положил на колени. Да разве разглядишь в темноте черных птиц?! А молнии — если смотреть на небо — ослепляют до того, что после вспышки, некоторое время, вообще, ничего не видишь.

Зашуршал дождь. Постепенно набирая силу, скоро он уже поливал степь сплошным мутным потоком. Конан прислушался. Ему показалось, что сквозь шум ливня, пробиваются иные звуки, похожие на клекот птиц. Черные птицы... Если они будут нападать, придется наугад крутить мечом над головой, в надежде поразить, хоть одну из них, чтобы потом, при вспышке молнии или утром, хорошенько рассмотреть. Что же это за черные птицы? Конану представлялись огромные летающие существа, вроде дракона. Но ведь, она сказала — птицы! Может, обычные вороны? Просто стая ворон, наусыканная для нападения? Но тогда бы она так и сказала — вороны! Хотя... если эта женщина из другого мира... она могла называть ворон черными птицами. Непривычно, но, в общем, верно.

Шум, клекот, хлопанье крыльев раздались над головой. Конан вскочил и поднял меч. Описал несколько восьмерок, постепенно раскручивая тяжелый клинок так, чтобы он служил надежной защитой от любого нападения. Любой? Нет, если верху ринется что-то огромное, массивное — не поможет никакой меч. Стая — а, похоже, что это была именно стая — постепенно удалялась. Клекот стих. Только дождь по-прежнему шумел мутными струями.

Внезапно Конан ощутил чье-то присутствие. Казалось, кто-то, затаившись, стоит рядом, сдерживая дыхание. Но вспышки молний освещали только пустую, мокрую степь, не считая сбившихся в кучу коней и верблюдов, сиротливо стоявших неподалеку. Конан старался при каждой вспышке осматривать другой участок степи. Никого. И в то же время — кто-то стоит рядом. Ждет. Выжидает, потихоньку подбираясь все ближе и ближе. И скоро наступит миг,

когда можно будет нанести удар — всего один, точный, смертельный.

Описывая мечом восьмерки, Конан стал перемещаться по кругу, надеясь, в конце концов, поразить невидимого противника, подло подкрадывающегося в темноте. Вновь над головой загадели птицы, зашумели, захлопали крыльями. Дождь припустил еще сильнее. Вода падала с неба сплошным потоком, и казалось немыслимым, что кто-то может летать под этими жесткими струями. Остановившись, Конан вновь раскрутил меч над головой — угроза с неба была более явственной. Раздался странный, непривычный, ни на что не похожий клекот. Меч вздрогнул — раз, другой, третий... Кто-то попадал под удары широкого вороненого клинка. Утром будет видно. Гомон стаи отдалился, птицы поднялись выше, но, по-прежнему, кружили над головой. Конан продолжал раскручивать меч. Усталости он не чувствовал. Наоборот — затекшие, стосковавшиеся по работе мышцы, казалось, радовались возможности размяться, наливались силой, требовали еще большей нагрузки. Конан не сомневался, что вращать мечом он сможет до самого утра. Вот только днем придется все-таки спать...

Птичий гомон отдалился и исчез. Но явственно чувствовалось чужое присутствие. Кто-то невидимый, настороженный, расчетливый стоял неподалеку. Может, оборотни вернулись? Но они были бы видны во вспышке молний. Нет, рядом кто-то другой. И он гораздо опаснее, и оборотней, и птиц.

Время шло, но невидимое существо не нападало. Конан опустил меч и прислушался. Не считая шуршания дождя — тихо. Кром! Неужели чувства его подвели? Может, рядом действительно никого нет? И все же ощущение чужого присутствия не оставляло его до самого утра.

Дождь к рассвету затих. Птицы больше не появлялись, а когда ночная темнота сменилась предрассветной серостью, Конан стал осматриваться в поисках наткнувшихся на меч тварей. Три странных существа лежали неподалеку. Осторожно перевернув их носком сапога, Конан с удивлением разглядывал странные создания, величиной с грифа. Явно не птицы. Кожистые крылья, как у летучих мышей, лапы снабжены длинными, загнутыми когтями. Отвратительный запах гниющей плоти, хотя времени прошло мало, и разложиться они не успели. Значит, этот запах присущ им от рождения. Но самое странное заключалось в том, что твари имели человеческие головы! Этиакие уменьшенные копии злобных людских лиц с круглыми глазами. А вот глаза, скорее, были все же птичьими.

Пока Конан разглядывал странных тварей, окончательно рассвело. Незаметно, как и в прошлый раз, появилась рядом Полина, около верблюдов сутились оборотни-погонщики.

Конан кивком указал на убитых тварей:

— Что это за создания?

— Это *его* творения. Таких у него тысячи! Конан развернул полог, расстелил на мокрой земле и, укладываясь, пробормотал:

— Придется вам подождать, пока я немного посплю... Я не могу бодрствовать подряд двое суток...

Иолина присела рядом. Закрывая глаза, Конан успел заметить, что на сей раз, она была опоясана мечом. Вчера оружия при ней не было... Значит, сегодняшняя ночь действительно была опасной...

И уже засыпая, он услышал:

— Ты ловко управляешься с мечом, варвар! Ночью я приходила, чтобы тебе помочь, но ты справился и один.

Проснулся Конан от легкого, ласкового прикосновения. Чья-то нежная ладонь, как пух легла на его лоб, погладила щеку, шею...

— Пора ехать, — мягко сказала Иолина. — Путь неблизкий.

Конан заворчал и медленно поднялся. Караван был готов немедленно тронуться в путь. Хозяйка смотрела ласково и насмешливо. Конан поймал себя на мысли, что от той надменной аристократки, которая явилась ему в Шадизаре, не осталось и следа.

— Так, значит, ночью приходила ты? — зевая, спросил Конан.

Затем нахмурился и добавил:

— А ведь я мог тебя...

— Не мог, — перебила женщина, — я являлась не во плоти!

— Тогда как же ты могла бы помочь?

— Если бы тебе пришлось туго, я облеклась бы в нужную плоть! — И она ловко вскочила в седло.

Конан накоротко перекусил и сел на коня. Пока он завтракал, караван уже отъехал на некоторое расстояние, и это позволяло взглянуть на него со стороны. Цепочка верблюдов. Двое погонщиков, которые, оказываются, оборотнями, да еще и не из нашего мира. Немного поодаль едет женщина, которая, как выяснилось, может по желанию облечься в плоть, а может выйти и бродить по степи в виде бесплотного духа.

Киммериец поежился. Вспомнилось ощущение чужого присутствия. Значит, это была ласковая и нежная Иолина? Ее дух? Но от него, казалось, исходила немалая опасность! Или это была готовность к бою? Наверное, и он, Конан выглядит не очень-то ласково перед сражением! И еще — как она сказала?

«Облеклась бы в нужную плоть! В нужную! Значит, она может менять облик, как ей вздумается. Вот и ответ на загадку, мучавшую его с того, первого дня — по коридору шла старуха, а на пороге возникла красавица. Она сменила плоть. Только и всего».

Конан тронул каблуками коня — пора уже догнать караван, может, удастся узнать что-нибудь еще.

Значит, эта женщина — не женщина, а неизвестное существо, запросто меняющее облик. И направляется она в Кезанкийские горы к нему. Кто это — *он*, пока неизвестно, но ясно, что нежных чувств они друг к другу не испытывают. *Он* вот, наслал птиц... Не птиц, а странных тварей — маленьких чудовищ с человеческими лицами... И таких тварей у него тысячи. Стало быть, можно предположить, что есть и другие, гораздо опаснее. Которые не будут долго кружить перед атакой, а, потеряв пару-тройку собратьев, улетать восвояси. И, вообще, кто это — *он*? Некое существо, засевшее в Кезанкийских горах, с которым собирается свести счеты его милая дама? А он, Конан, сдуру и от бедности ввязался в эту авантюру, от которой теперь отказываться поздно, потому что... Потому что, демоны из всех забери и изжарь на медленном огне, надо купить новые сапоги и рубашку! Потому, что надо заплатить, наконец, мерзкому, толстому хозяину харчевни, чья, лоснящаяся рожа недавно приснилась ему ночью и требовала уплаты долга! И еще потому... Что он не может забыть ласки, которыми ублажала его эта странная женщина... Да нет, не женщина... Хотя, почему? Возможно, что это существо именно женского пола! И, еще... хорошо бы узнать, что же она заставляла его забыть? Что там были за извращения, которые он, по ее мнению, не смог бы

принять?

Конан догнал караван и поехал бок о бок с существом, которое он знал под именем Иолины. День опять обещал быть жарким.

— Каких тварей он пошлет сегодня? — спросил воин, поглаживая медную рукоять меча, — опять птиц?

— Я думаю, что атаки пока не будет, — помедлив, ответила женщина, — он испытал твою силу и выдержку и теперь станет размышлять...

— О чём?

— Понимаешь, мой варвар, — медленно, как бы нехотя, начала Иолина, — убить его может только смертный... От нас, бессмертных, он хорошо защищен — об этом позаботилась его мать... А защита от смертных не предусмотрена, потому, что...

— Потому, что ни один смертный не сумеет подойти к нему даже на выстрел из арбалета — так?

— Примерно так...

— Тогда зачем же мы едем?

— Я постараюсь тебе помочь подобраться к нему. Я не могу его убить, но тебе помогать могу... Вместе мы — сила, мой варвар!

— Кто же он такой? — помолчав, спросил Конан.

— Он... мой брат... один из братьев.

Конан некоторое время переваривал это сообщение. Значит, брат. Что ж,ссора между родными — обычное дело, особенно когда речь идет о наследстве.

— Что же вы не поделили? Наследство?

— Ты почти угадал, варвар, — засмеялась женщина, — но давай на этом закончим: много знать — потерять мужество!

— Я не потеряю, — проворчал Конан, но Иолина уже дала шпоры коню и унеслась в степь.

— Я скоро вернусь... — издалека донесся ее голос.

Конан подъехал ближе к оборотням-погонщикам.

— Ты говорить умеешь? — обратился он к одному.

Человекозверь молчал, угрюмо сверкая из-под капюшона волчьими глазами.

— Значит, нет, — вздохнул киммериец, — или же просто не знаешь нашего языка...

Прискала Иолина. Судя по хлопьям пены на конской морде, она успела проделать немалый путь.

— Увидела что-нибудь интересное? — усмехнувшись, спросил Конан.

— Кое-что увидела, — серьезно отзвалась женщина.

— Что именно?

— То, что нам наперерез скачет отряд вооруженных до зубов горцев! И, судя по их целеустремленности, они кем-то направлены...

— Твоим братом? — Конан уже не улыбался.

— Кем же еще?

— Может, они просто едут по своим делам, и нам стоит остановиться и пропустить их?

— Они скачут к нам, мой варвар, так что, приготовься к бою!

Конан угрюмо кивнул и посмотрел на оборотней.

— Они нам не помогут?

— Они превращаются только ночью. Днем — это не воины.

— Сколько человек в отряде?

— Около тридцати, наверное. Мне некогда было считать — они меня увидели. Спасла только ревность коня.

— Так, значит, они могли действительно ехать по своим делам, а ты просто попалась на пути?

— Нет, мой варвар, не обольщайся, — женщина неожиданно засмеялась, — я чувствовала, что братец натравил на нас горцев, потому и поехала на разведку.

— И скоро они будут здесь! Ты не могла их намного опередить. Что ж, будем драться! — Конан обнажил меч.

В степи показалась длинная цепочка всадников.

— Вот и они, — Иолина спокойно посмотрела на горцев, скачущих во весь опор, затем — насмешливо — на Конана, приготовившегося к бою.

— Не волнуйся, мой варвар... — начала она, с улыбкой.

— А я и не волнуюсь, — мрачно перебил Конан, — я встречу их в степи, подальше от каравана, и постараюсь увести за собой.

Он уже собрался дать шпоры коню, но женщина остановила его повелительным жестом.

— Не спеши, герой. Твоя задача охранять моего коня и верблюдов. На тот случай, если кто-то из них прорвется, — она спешилась и быстрым шагом направилась в степь. Конан заметил, что при ней не было даже меча.

— Постой! Как ты собираешься драться?

— Ты забыл, кто я, — крикнула Иолина, не оборачиваясь — стереги караван!

— Забыл?! Я не знал, кто ты! И до сих пор не знаю...

Горцы приближались. Уже можно было рассмотреть их гнедых и вороных коней, смуглые, бородатые лица.

Конан оглянулся на караванщиков. Какой с них толк, вообще? Если они не могут даже защитить свою хозяйку?! Оборотни собрали в кучу верблюдов и схватили под уздцы коня Иолины.

В степи вдруг раздался крик ужаса. Конан мигом обернулся и... застыл в изумлении. Огромный дракон, распустив кожистые крылья, палил огнем пытающихся спастись всадников. Многие горели, многие, уже обгоревшие и почерневшие, вместе с лошадьми лежали посреди выжженной проплешины. Конан вложил меч в ножны. Понятно. Она же умеет... Да, я действительно забыл, кто она.

Горстка уцелевших горцев, нахлестывая коней, пыталась спастись в степи. Дракон захлопал крыльями и поднялся в воздух. Высохшая трава вокруг горела. Горцы с криками погибали, сгорая заживо в драконьем пламени. Вскоре в степи не осталось ни одного всадника — только обгорелые трупы. Конан вдруг ощутил острую жалость — не к людям, к лошадям. Бедные животные! Они-то в чем виноваты?

Люди вокруг, почти всегда были злоказненными, исключая, может быть, нескольких друзей. Да и те, для других — такие же враги. Человеческая стая! Люди не могут жить в одиночестве и не умеют мирно жить в стае! Что ни говори, а человек — самое странное и самое страшное существо на земле! Да, люди почти всегда были врагами! Но лошади!.. Эти благородные животные, верно служат хозяину и погибают, не зная почему, за что... Погибают потому, что человек оказался втянут в битву, или в злые козни, вот, как сейчас...

Трубный звук, раздавшийся с небес, заставил Конана поднять голову. Дракон летал кругами и издавал победный клич. Конан махнул рукой — спускайся. И тут же подумал —

насколько затемнено сознание Иолины, сменившей тело на драконье? Может быть, она с трудом помнит прошлое, и все люди для нее теперь — враги? Не набросится ли она на него, как на несчастных горцев?

Дракон, сложив крылья, спикировал на выжженную посреди степи поляну. Затормозив, плавно приземлился и уставился на Конана огромным, круглым глазом. Злобы в нем не было, скорее, любопытство. Конан спешился, чтобы не пугать коня и спокойно подошел к дракону. Заметил, какая у него морщинистая кожа — на шее... да, в общем, и по всему телу. Чешуи не было. Может, этот дракон недавно полинял, и теперь будет неспешно отращивать новую чешую?

Конан не заметил, когда чудовище исчезло, и перед ним предстала Иолина — восторженная, со сверкающим взором, с радостно вздыхающейся грудью.

— А почему у дракона не было чешуи? — буднично спросил Конан.

Женщина разочарованно вздохнула:

— Ты совсем не испугался... А ведь я могла раздавить тебя одной лапкой!

— Мне приходилось биться с драконами, — сдержанно ответил Конан.

Повисла неловкая пауза. Тут уж, нужно было, или нескольких суток подряд расспрашивать обо всех чудесах, или ограничиться замечанием насчет отсутствия чешуи.

Подошли к каравану. Верблюды совсем не выглядели испуганными, и Конан подумал — может у них просто не хватает мозгов, чтобы осознать опасность? Вон лошади — даже мелкая дрожь их бьет!.. Еще бы — вот так, неожиданно, встретиться с огнедышащим драконом!

Кезанкийские горы угрюмо нависали над степью, подавляя мрачным величием и дикой, необузданной красотой. Караван казался крошечным по сравнению даже с небольшими скалами, рассыпанными по отрогам великой горной гряды. По мере приближения к таинственному брату-злодею, засевшему в горах, Иолина становилась все более нервной, и Конан с удивлением обнаружил, что демоны имеют вполне человеческие чувства. В том, что его хозяйка — демон, он теперь не сомневался. Кто же еще может менять тела, как рубашки? Кто еще может, вот так, запросто, превратиться в дракона и поджарить врагов? Была, правда, еще возможность того, что Иолина — богиня. Но, если разобраться, велика ли разница? И те, и другие, занимаются своими делами и равнодушны к людям. Некоторые наивные человечки, думают, что боги помогают людям, но ведь они ошибаются! Конан был уверен: они ошибаются! Боги, в лучшем случае, иногда следят за людскими делами, но помогать?! У них свои дела, свои заботы, свои битвы и воины. Вот, например, как у Иолины — вражда с братом. Причем, вражда, насколько он, Конан, понял, смертельная. Правда, Иолина — все же, скорее, демон, а не бог.

— Теперь нам нельзя терять времени, — резко сказала женщина, разглядывая что-то на заснеженных вершинах, — брат обрушит на нас всю свою мощь, и если мы не поспешим — увязнем в мелких стычках.

— А если поспешим? — Конан пытался понять, что же она увидела в горах.

Может, уже ползут какие-нибудь чудовища?

— Если поспешим, битва будет в его логове. Тогда у нас есть шанс победить.

Конан хмыкнул и, тронув каблуками коня, повел караван в горы еле заметной тропкой, змейкой петляющей меж валунов и скал. Верблюды шли нехотя. Они любили пески, а не валуны и скалы. Погонщикам то и дело приходилось прохаживаться кнутом по их лохматым бокам. Вечерело. В горах, как известно, ночь, наступает быстро.

— Остановимся на ночлег? — спросил Конан, придержав коня.

— Придется, — нехотя ответила Иолина и, заметно нервничая, опять глянула на горные вершины, освещаемые последними лучами заходящего солнца.

Конан, как ни старался, не мог разглядеть ничего необычного. Остановив караван, он, привычными движениями, распаковал седельную сумку, разложил дорожную снедь, и вдруг подумал: а ведь его хозяйка так ни разу и не разделила с ним трапезу.

Собственно, он не помнил, чтобы она, вообще, ела. И это наводило на некоторые мысли. Конан невольно глянул на погонщиков — вот-вот исчезнут... Побегут охотиться, набивать кровавым мясом волчьи утробы. А их хозяйка? Она ведь тоже где-то пропадает по ночам. Более того — однажды она прямо сказала, что хорошо пообедала ночью!

Киммериец задумчиво жевал сухие лепешки. Может быть, спросить ее прямо, пока не исчезла?

— Скажи... Ты, чем питаешься? — против обыкновения, он чувствовал себя неловко.

— Кровью, конечно, — буднично ответила женщина, — а ты как думал?

— Да, я, в общем, так и думал...

— Но не бойся, мой варвар, твою кровь и твою жизнь я буду беречь, ты мне нужен.

— Пока, нужен, — уточнил Конан.

Ему все более становилось не по себе. Во что, собственно, он ввязался? Что помешает ей, победив брата с его, Конана, помощью, в качестве благодарности выпить всю его кровь? И платить не надо. Хотя... Конан одернул себя — насчет платы он не прав. По всему видно: деньги нашего мира, земные деньги — золото, камни, серебро, она не считает. И заплатить за службу ей ничего не стоит. А ему, если случится победить и, вообще, остаться в живых, не следует стесняться, назначая цену!

Вероятно, все эти мысли отражались у него на лице, потому, что Иолина смотрела с усмешкой.

— Ты мне нужен, варвар, — повторила она, — и не только для схватки с братом...

— А для чего еще?

— Поговорим об этом после битвы... Совсем стемнело, мне пора...

— Подожди! На кого ты охотишься? Чью кровь пьешь? Зверей? Ведь тут никого больше нет!

— Я летаю в ближайшие города... — донесся из ночной тьмы ее затихающий голос.

— О, Кром! — Конан был обескуражен.

В ближайшие города? В Аренджун? В Шадизар? В Султанапур? Куда, демоны ее забери, она летает?

Он представил, как опускается на улицы ночного города ее стремительная тень. Как неожиданно появляется она перед загулявшими прохожими. Может, ее принимают за проститутку? И спокойно позволяют красивой блуднице поцеловать себя в шею. Потом, почувствовав острые зубы, пытаются вырваться, но поздно — нежные руки вдруг стискивают тела беспечных гуляк железной хваткой, пухленький ротик превращается в ненасытную пасть упыря, у человека кружится голова от недостатка крови, и вот он уже бездыханный лежит на дороге. А красавица-вампирелла идет на поиски следующей жертвы.

Конан потряс головой. Он назвал бы ее упырем, но это, вероятно, не совсем верно. Что такое упырь, вурдалак, вампир? Мертвец, вставший из могилы для того, чтобы пить кровь. Днем он мертвееет и спит в гробу, или где придется. Но Иолина днем чувствовала себя прекрасно. И она явно не была мертвецом. Нет, она не упырь. Тогда кто же? Демон, бог? Неясно, так же, как и в начале их знакомства. Она — существо, питающиеся кровью, умеющее менять обличия, летать, напускать морок и, вероятно, еще много чего. И вообще — Конан покачал головой — почему это люди решили, что знают всех существ, обитающих в мире? Тем более, в соседних мирах? Он вспомнил частые споры в харчевнях о вампирах, оборотнях, чудовищах. Всегда находились «знатоки», рассказывающие о чем-либо с таким видом, будто знают все на этой земле. А сами, конечно же, не видели и сотой части того, о чем толкуют.

Окончательно стемнело. Верблюды и лошади испуганно сбились в кучу и смирно стояли неподалеку. Конан прислушался. Ночи в горах редко бывают тихими. То скатится в ущелье валун и эхо пойдет гулять меж заснеженных вершин. То горные козлы, прыгая с камня на камень, вызовут небольшой обвал, то ветер донесет несмолкаемый говор водопада, шумящего где-то вдали. Все эти звуки Конан, выросший в горах, хорошо знал. И теперь, приставив ладони к ушам, прекрасно различал, и шум водопада вдали, и эхо горных обвалов. Но слышался еще какой-то звук. Непонятный, неопознанный. Напоминающий многократно усиленное шуршание ползущего по стене жука. Вспомнились тревожные взгляды Иолины. Она явно пыталась различить что-то на далеких горных вершинах. Может, она, благодаря сверхъестественным способностям, уже тогда чувствовала приближение... Чего? Кого? Что за чудовище ползет по горам, пробираясь к их стоянке? Не зря испуганные животные жмутся к человеку. Вот только, сумеет ли он их защитить? Сумеет ли он защитить себя?

Теперь уже явственно слышался грохот падающих в пропасть камней, выкатывающихся из-под чьей-то тяжелой лапы. Ночная темнота, очевидно, не была помехой чудовищу. Сколько раз Конан проклинал свои глаза, не видящие в темноте, сколько раз завидовал волкам, собакам и кошкам! Даже летучие мыши, вовсе не имеющие глаз, хорошо «видели» ночью! Что же за проклятие наложено на человека, неющего различить в темноте подкрадывающегося хищника?! Кому, каким богам понадобилась их ночная слепота? Зачем они лишили человека ночного зрения?! Чтобы ночами людей ловили чудовища? Чтобы не слишком плодился человек на этой земле? Но они просчитались — глупые боги! Человек все равно остается царем зверей, хозяином земли!

Внезапно дрожь холодной волной прокатилась по позвоночнику. Да в своем ли он уме?! Какой там хозяин?! Вспомнились демоны, которых он знал и о которых слышал. Вспомнились гиганты, спящие до поры в подземных убежищах. Нет, не человек хозяин на этой земле! Мнить себя хозяином, значит быть неисправимым: глупцом. Так же таракан, живущий в закромах у толстого Асланкариба, Может вообразить себя хозяином таверны! Нет, человека в этом: мире просто терпят. Пока. Терпят до поры, до времени. До тех пока он не разозлит по-настоящему великих: богов... Или ужасных демонов... Или: тех, кто бьется между собой за власть над миром — Богов Седой Старины и Властителей Древности. Вот кто правит эти миром! Точнее, нет, не правит... Все они, похоже, боятся за право владеть и управлять миром, но пока... Пока все идет само собой. Но это не значит, что человек — жалкая, смертная букашка — владелец мира!

На счастье, из-за горной вершины показался тонкий серп нарождающегося месяца. Стало светлее, Силуэты испуганных верблюдов и лошадей стали явственней выступать на

мутном фоне неба.

Конан: вздохнул — ночь только начиналась.

* * *

Из таверны на окраине Шадизара, еле переставляя заплетающиеся ноги, вышел человек, одетый для этой части города весьма прилично. Мягкие, высокие сапоги на изящно изогнутом каблуке, дорогая, расшитая бисером рубаха, пара украшенных драгоценными камнями кинжалов за поясом на котором висел не слишком длинный, но тяжелый и внушительный меч. Человек явно имел деньги и любил их тратить. Поводя по сторонам темными слегка раскосыми глазами южанина, человек направился к центру города, очевидно в поисках дальнейших удовольствий.

Ночные улочки не были пустынны. По закоулкам сновали тени каких-то темных личностей. Блудницы, как вампиры, внезапно появлялись из темноты и предлагали свое потасканное — но иногда и молодое — тело. Пьяные гуляки с песнями и хохотом иногда поодиночке, иногда целыми оравами — перебирались из кабака в кабак. Наконец, зловещим предзнаменованием, дорогу то и дело перебегали черные кошки.

Ограбления и драки в этой части города не были редкостью, и человек знал это. Несмотря на свое состояние, он зорко оглядывал окрестности и хватался за меч каждый раз, когда замечал неподалеку подозрительные силуэты. Увидев, что пьяный гуляка хорошо вооружен, разбойники испарялись, ругаясь вполголоса и проклиная очередную неудачу.

Две черные фигуры уже давно шли за человеком, не рискуя приближаться, но и не отставая. Вероятно, они надеялись, что пьяница скоро уснет где-нибудь под кустом, и тогда они без труда смогут как следует поживиться. Но человек и не думал спать. Наоборот, он стал напевать старую песню наемников, которая всегда придавала ему, да и всем другим воинам, бодрость.

Очередная тень встала перед ним на дороге. Но рука человека, схватившаяся за меч, медленно опустилась, и довольная улыбка появилась на его тонких губах.

Перед ним стояла женщина. Прекрасная, как юная пери, со сверкающим золотым обручем на высоком челе, с тонкой талией, украшенной несколькими золотыми и серебряными цепочками. Тонкая, прозрачная ткань, всего лишь в нескольких местах прикрывала прекрасное тело и была столь эфемерна, столь призрачна, что только легкой дымкой оттеняла грудь и живот этой необычной женщины. Словно во сне человек протянул руки и заключил в объятия тонкое гибкое тело юной прелестницы. Горячие, мягкие губы ласково коснулись его шеи...

Двое бродяг, шедших по пятам, остановились невдалеке, наблюдая за происходящим. Неизвестно откуда взявшаяся красавица ласково обнимала их предполагаемую жертву. Похоже, что в эту ночь им опять ничего не перепадет. Блудница, конечно, уведет его к себе, сумеет еще подпоить, а затем ограбит. А они, похоже, зря топтали тут землю. Но что это?! Человек забился в объятия красавицы, как рыба в силках. Что-то закричал...

— О боги, — сквозь стиснутые от боли зубы кричал человек, — кто ты? Что тебе надо? О, если бы со мной был Конан, ты бы жестоко поплатилась за это!

Женщина вдруг отняла испачканные кровью губы от шеи жертвы и внимательно посмотрела в темные, раскосые глаза.

— Ты знаешь Конана? — она по-прежнему крепко держала его за плечи, не позволяя убежать.

— Знаю... — слабым голосом отозвался человек, — вот уже несколько дней я ищу его по всем тавернам...

— Как тебя зовут? — Женщина, казалось, раздумывала: отпустить этого пьяницу, или, все же выпить его, разбавленную вином, кровь.

— Я — Култар, друг Конана... Уже несколько дней...

— Ты действительно его друг или просто знакомый? — Красные губы незнакомки растянулись в улыбке, от которой у несчастного гуляки похолодела душа.

— Друг! Мы вместе с ним ходили в проклятый монастырь, были в Городе Колонн... Мы, вместе с ним...

— Ладно, — сильные руки встряхнули шатающегося человека и он, приободрившись, поднял голову, — ладно живи. Если ты действительно друг Конана я не буду тебя убивать. А кто это там? Они, кажется, шли за тобой?

Женщина метнулась к бродягам, в оцепенении наблюдавшими за разыгравшейся перед ними сценой. Послышался крик, затем другой.

Култар, прижимая платок к окровавленной шее, не оглядываясь, поспешил прочь. Конан вновь спас ему жизнь, даже не подозревая об этом. Ничего, когда он найдет друга — расскажет ему все...

* * *

Конан устал вглядываться в ночную тьму, окутавшую горы. Прикрыв глаза, он полностью положился на слух. Чудовище приближалось и, судя по шуму, им производимому, имело огромную массу. В ожидании Конан подготовил и сложил в кучу все, что могло гореть — сухую траву, ветки кустарника, свой платок, одну из седельных сумок... Но запалить костер сейчас, значило привлечь внимание чудовища. И хотя не было сомнений, что огромная туша ползет именно к нему, все же зажигать костер заранее не стоило. Оставался, хоть небольшой, но шанс, что эта тварь не послана братом Иолины, а ползет по своим делам. Еще меньше была вероятность того, что монстр его не найдет. И все же, не стоило заранее оповещать о своем присутствии. Да и костра надолго не хватит...

Еще раз убедившись, что кремень и трут наготове, Конан застыл в ожидании. Деревья с неимоверным треском падали уже неподалеку. Вскоре послышалось хриплое дыхание, походившее на работу огромных — неимоверно огромных — кузнецких мехов. Лошади испуганно заржали и забили копытами. Может, стоило их освободить от пут? Конан поморщился. Стреноженные лошади могут, конечно, погибнуть, но избавленные от пут они со страху ускакут так далеко, что придется надолго стать пешеходом. Если — останешься в живых...

Месяц скрылся за тучей, и ночь превратилась в осязаемый сгусток вязкой черноты. Пронзительно закричала ночная птица. Ее тревожный крик подхватила другая, за ней — третья. Конан хмыкнул — им-то чего боятся? Вспорхнули и улетели! А все опасности остались там, на земле, далеко внизу.

С грохотом упало дерево. Может, пора запалить костер? Нет, рано... Земля заметно подрагивала при каждом шаге чудовища. Небольшое ущелье, где остановился караван,

наполнилось грохотом катящихся камней. Конан попытался представить размеры монстра. Но с чем сравнить? Как? По звуку? Бегущее стадо слонов, производит, пожалуй, такой же грохот и сотрясение земли. Значит, если всех слонов собрать воедино и слепить из них некое существо — вот и будет монстр, что сейчас приближается к нему в темноте.

Внезапно наступившая тишина оглушила. Зверь остановился. Конан взял в руки кремень — пора зажечь костер! Чудовище принюхивается, через несколько мгновений бросится! Удар кремнем по кресалу! Искры рассыпались и погасли. Трут даже не задымился. Еще и еще. Конан сжал зубы и заставил себя успокоиться. Неужели у него задрожали руки?! Чудовище с силой втянуло воздух. Оно учудило присутствие человека. Присутствие пищи! Очередной спон искр, небольшая струйка дыма и... нечего. Трут отсырел! Ночи в горах прохладные. После жаркого дня, возможно, пала роса. Раздалось низкое, угробное рычание. Если раньше монстр только чуял, то теперь, вероятно, и увидел человека. Конан несколько раз с силой дунул на трут, пытаясь его просушить. Неужели из-за такой малости, как ночная прохлада, придется лишиться жизни?!

Удар за ударом... кремень-кресало... трут задымился... теперь нужно раздувать пламя... вот только, есть ли на это время? Уже чувствуется смрадное дыхание зверя! Он где-то рядом — темнота надежно скрывает приближающуюся смерть... Ночь, оказывается, может быть милосердной...

Внезапный удар! Надрывно закричал смертельно раненый верблюд. Значит, чудовище неразумно. Брат Иолины надеялся, что оно, проголодавшись, сожрет того, кого следует! Пока же попался верблюд. Раздалось отвратительное чавканье. Раздувая огонь, Конан подумал, что стреноженные животные теперь все равно убегут так далеко, как только сумеют...

Маленькое пламя заплясало в ладони киммерийца. Не чувствуя боли от ожога, он медленно поднес трут к костру. Топливо, конечно, тоже отсырело... Кром! Сегодня ему не ведет! Но огонь, как проголодавшийся зверь, набросился на траву и ветки, и скоро костер выхватил из тьмы невероятную картину. Огромная темная туша закрывала половину ущелья. Бородавчатую голову, величиной с хороший дом, украшали две пары прямых рогов, длинной в рост человека. Из жующей пасти капала слюна и кровь, а жалкие останки одного из верблюдов лежали под когтистой лапой. Пламя костра беспокойно металось, отражаясь в бессмысленных глазах чудовища. Конан вскочил, но тут же остановился в нерешительности. Что он сможет сделать такой громадине?

Чавкающая морда наклонилась, мелькнул длинный, как удав, язык, и останки верблюда исчезли в огромной пасти.

— О, Кром! — Конан торопливо озирался по сторонам.

Если бы под руку попалась сухая ветка — он сделал бы факел и ткнул им в эту жующую пасть! Но вокруг — только камни! Все, что могло гореть — уже додгорало.

Чудовище повернуло в его сторону окровавленную морду. Языки пламени весело плясали в его выпуклых глазах. Монстр увидел еще одну жертву, еще один шевелящийся кусок мяса. Конан лихорадочно искал выход. Что делать? Бежать? Вряд ли далеко убежишь в кромешной тьме от зверя, который хорошо видит ночью. Попытаться спрятаться? Слиться с каким-нибудь валуном? Найдет по запаху.

Зверь повернулся и неспешно направился к костру. Над Конаном нависла бородавчатая пасть, с торчащими окровавленными зубами, между которыми змеей мелькал толстый, раздвоенный на конце язык. Сейчас он с быстротой молнии метнется к человеку, к добыче, к куску мяса, костей и вкусной крови и тогда...

Внезапно время остановилось. Конан увидел яркое солнце, синее небо и сидящего на камне старца, рассказывающего ему, мальчику из Киммерии, как можно убивать свистом. По словам учителя, если начать с детства и тренироваться ежедневно по несколько часов, можно овладеть необычайной техникой свиста такой силы и пронзительности, что люди и животные будут терять сознание и даже умирать. Мозг, и человека, и зверя просто не в силах воспринимать эти разрушающие звуки и, спасая себя, станет на время отключаться. И в этот момент потеря сознания, врага — если это человек, можно заколоть, а если зверь — добыть с такой легкостью, которая и не снилась ни одному охотнику. Если же стоять над противником и свистеть каждый раз, когда он очнется — он вскоре погибнет. Но — пояснял старец — ждать, когда противник придет в себя просто глупо, проще его прикончить сразу же, после потери сознания. Да и свист этот, даже тренированному человеку дается нелегко. Нет, не стоит свистеть часто — достаточно одного мощного звукового удара!.. А дальше в действие вступает кинжал или меч.

Конан слушал старца вполуха, не убегая только из уважения к его почтенному возрасту. Да еще, может быть, опасался — а не свиснет ли он в след убегающему ученику? А когда перешли к практическим занятиям, и юный Конан едва не порвал щеки, старец, оказавшийся добрым, долго учил мальчика сложной технике этого ужасного, убивающего все живое, свиста.

От посвиста Конана никто, конечно же, не падал в обморок, и он засомневался — а не шутка ли это почтенного старца? Может, он любит рассказывать сказки и, оставшись в одиночестве, смеется над доверчивостью учеников? Но старец, на глазах у Конана, которому предварительно заткнул уши тряпками и залил воском, поверг наземь свистом сразу нескольких лошадей и одного проходящего мимо верблюда. Юный Конан поверил старику и на некоторое время стал его прилежным учеником. Но вскоре увлекся сражением на палках и забросил изнуряющие тренировки по свисту.

Техника смертельного свиста была сложна даже на первый взгляд, и практически недоступна тому, кто не сможет посвятить ей всю жизнь. Конан, конечно же, не овладел ей в полной мере...

Следовало особым образом сложить язык — только для этого требовалась длительная тренировка — прижать ладони к щекам, набрать в грудь воздуха столько, чтобы только-только не лопнуть, напрячь и, опять же, сложить в нужный «узор» губы, затем мысленно «закрыть» уши, чтобы уменьшить нагрузку на свой собственный мозг и — свистеть. Но свистеть не так, как это делают мальчишки, гоняя коров и коз — свистеть, следовало тоже особым образом! С неожиданными переливами, повышая и понижая тон, работая языком и губами!

Все это в один миг пронеслось в сознании Конана, когда над ним угрожающе нависла мерзкая окровавленная пасть.

Мелькнула безумная мысль — попробовать оглушить монстра свистом? Давно забытая техника вспомнилась сама собой.

Киммериец сложил губы, «поставил» язык, прижал руками щеки (для чего пришлось бросить меч), набрал воздуха и засвистел с нужными переливами. Легкие, казалось, вот-вот разорвутся, уши заложило — о, боги, он забыл их «закрыть» — но Конан свистел до тех пор, пока сам не упал на колено, ощущая тошнотворное головокружение.

Чудовище застыло. Нет, оно не упало, конечно, и не упадет — но застыло огромной каменной глыбой. Ничего не слыша, кроме шума в ушах, Конан поднял меч и скользнул под

пульсирующее брюхо. Запах свежих экскрементовшибанул в нос — ужасный звук расслабил монстру кишечник, и теперь позади него возвышалась свежая, дымящаяся куча.

Конан знал, что у него есть несколько мгновений — всего лишь. Несомненно, чудовище скоро очнется, и тогда придется все начинать сначала... Выбрав место, он вонзил меч в серое, равномерно вздывающиеся и опадающее брюхо и, сделав несколько режущих движений, выпустил — вывалил — кишки.

Чудовище даже не шелохнулось.

Весь обрызганный кровью, Конан торопливо отбежал на несколько шагов. Только теперь монстр стал приходить в себя. Словно бы с удивлением сделал несколько шагов, остановился и оглянулся. Тупо посмотрел на волочащиеся за ним кишки. Затем медленно, все еще будучи в заторможенном состоянии, наклонил морду и его ужасный язык подхватил с земли окровавленные внутренности. Костер догорал, но в неясном свете еще можно было разглядеть, как чудовище жует и с чавканьем заглатывает собственные кишки.

Конан, уже спокойно, вытер меч о траву и вложил в ножны. Затем — в полной темноте — отправился на поиски протекающего неподалеку ручейка, намереваясь смыть с себя кровь и слизь смертельно раненного монстра.

5

Утром Иолина разбудила Конана нежным поцелуем. Киммериец видел, как шевелятся ее губы, и не слышал ни слова.

— Я оглох — громко, как все глухие, сказал Конан.

Иолина понимающе кивнула.

«Что случилось? — спросили ее глаза.

— Я оглушил свистом чудовище, но и сам оглох, — прокричал Конан, — надеюсь, недолго!

Лицо женщины выразило удивление, затем, что-то вспомнив, она посмотрела на киммерийца с восхищением.

«Да, я знаю, что свистом можно убивать, но не думала, что ты владеешь этой техникой» — говорили ее глаза.

— Меня учил когда-то один старец, но я был плохим учеником! Забыл «закрыть уши» — с досадой сказал Конан, на сей раз так тихо, что женщина с трудом расслышала.

Оборотни-погонщики привели верблюдов и лошадей. Навьючивая животных, они бросали быстрые взгляды на лежащую неподалеку тушу, и Конан мельком подумал, что в волчьем обличии они обязательно попробовали бы свежего мяса. Иолина мельком глянула на мертвое чудовище:

— Этот монстр сам себя пожрал, после того, как ты выпустил ему кишки?

Конан кивнул.

— Мой брат всегда держал безмозглых тварей. Как-то он напустил на меня некое существо — искусственно выращенную помесь собаки и льва. Брат считал, что от собаки к твари перейдет преданность хозяину, а от льва — сила и храбрость.

— И что же? — спросил Конан и только тут понял, что слышит. — Подожди! Я нормально слышу!

— Естественно, — нетерпеливо отозвалась Иолина.

Она уже погрузилась в воспоминания и не хотела отвлекаться — такие пустяки я могу вылечить мгновенно! Вот, если бы тебе оторвало руку или ногу... Но и в этом случае, я смогла бы помочь...

Конан подумал, что зря поддался эмоциям и перебил рассказ женщины — теперь она вновь может замкнуться и надолго замолчать.

— Ну, так и что же с этой собакой-львом?

Иолина посмотрела на него невидящим взором. Мысленно она все еще была в том, далеком времени...

— Тварь действительно получилась преданной и сильной, но, почему-то совершенно безмозглой. Я без труда с ней справилась. Тогда брат напустил на меня других, и мне пришлось бежать... Теперь, пришла пора отомстить... — она прервала рассказ и глянула в сторону навьюченных верблюдов и оседланных лошадей.

— Продолжай!

— Нам пора. Не стоит слишком задерживаться, — женщина уже вернулась в настоящее.

Она грациозно вскочила в седло, и Конан на миг увидел ее другой — с горящими глазами, летящей над заснувшей степью в поисках пищи. Представил, как она — самый страшный ночной хищник — устремляется в город в поисках свежей крови. Интересно, как он выглядит сверху — ночной город? И как она летает над ним, высматривая добычу?..

На миг синие глаза киммерийца затуманились. Странная и страшная женщина, чья судьба самым удивительным образом оказалась переплетена с его судьбой...

Иолина замерла в седле, внимательно посмотрела на своего телохранителя — слишком внимательно — и на него обрушилось это.

Нельзя сказать, что это были виденья или морок. Нет, он действительно летел над степью, а над ним сияли мохнатые звезды! Темнота безлунной ночи казалась ему всего лишь серой, как сумерки в пасмурный день. Он летел и наслаждался невиданной доселе легкостью и свободой. Чтобы управлять полетом не требовалось никаких усилий, достаточно было мимолетного желания. Вверх? И земля осталась далеко позади — плоская, как чашка в таверне толстого Асланкариба. Еще выше? И на него, ослепляя, надвинулись звезды, а земля вовсе исчезла из вида. Нет, нет, ниже — туда, где огоньки города... Вдали мелькнули далекие огни. И вот под ним расстилается большой город. Еще ниже. И уже видны горящие факелы на городских воротах,очные улицы с редкими прохожими и чадящие масляные лампы на дверях харчевен. Новое, необъяснимое, волнующее чувство овладело воином; позднее он понял, что чувство это — полная свобода и безнаказанность.

Он может делать все, что пожелает! Абсолютно все! Пить кровь уочных гуляк, украсть городскую казну, похитить красавицу-княжну, которую охраняют днем и ночью, снести у поздних прохожих головы с плеч одним легким движением меча... Возможно все, любой каприз, любое злодейство — все, что вожделает душа!..

И он вдруг понял — когда на тебя обрушивается вседозволенность, можно совершить такие поступки, какие никогда бы себе не позволил в обычном состоянии. И еще одну вещь узнал киммериец — любой, даже самый добрый, самый благодетельный человек, носит в глубинах души ужасные противоестественные желания! Там, за запертymi наглоу дверьми, скрыты до поры такие ужасные монстры, такие злодеи, такие отвратительные чудовища духа, что никогда, ни при каких условиях нельзя позволить им вырваться наружу!

Но состояние вседозволенности... Это страшная вещь! Это ключ, которым открываются те самые потайные двери... И то, что этот город — такой беззащитный — весь в его, Конана,

власти может развратить его и вызвать из глубин души ужасных монстров...

Все исчезло так же внезапно, как и началось и ошеломленный Конан вернулся в настоящее. Он все еще готовился вскочить в седло, а сидящая на коне женщина не сводила с него пристального взгляда.

— И что ты почувствовал, мой варвар? — Иолина с интересом наблюдала за выражением его лица.

Столь частое и внимательное разглядывание его физиономии уже начинало раздражать. Похоже, эта странная женщина видит его насквозь — чувства, мысли, душу... Не зря же она обрушила на него ночной полет в тот момент, когда он заинтересовался ощущениями человека, умеющего летать. Не зря показала, какие монстры таятся в потаенных глубинах души каждого человека, и как абсолютная власть и вседозволенность могут вызвать их к жизни.

Наконец, Конан пришел в себя и часто дыша, словно ему пришлось взобраться на высокую гору, вскочил в седло. Медленно повернул голову и посмотрел в серые глаза хозяйки.

— Что я почувствовал?.. Бездну... Пропасть... Ты это хотела мне показать?

— Именно это! Теперь ты понимаешь, что не многие умеют держать себя в руках, когда становятся всемогущими? Мой брат не сумел... Поэтому он стал опасен и его следует уничтожить. И сделать это сможешь только ты, мой варвар!

Конан посмотрел на тушу мертвого чудовища, на волков-погонщиков, тронул каблуками коня и повел караван в сердце Кезанкийских гор.

6

Ураган бушевал с такой силой, что горные вершины как живые стонали от напора ветра и ударов молний. Словно сухие прутики, ломались вековые деревья.

Дождь лил непрерывно, и ущелье, по которому шли Конан и Иолина, затопило пенистыми потоками мутной воды. Вновь образовавшаяся река с ревом бросала под ноги путникам крупные камни и обломки деревьев.

Конан, не слишком-то обращая внимания на разбушевавшуюся стихию, упрямо пробирался вперед.

Доходившая до колен вода была ему ни почем, льющиеся с неба потоки только приятно охлаждали разгоряченное тело, а молнии... молнии Иолина отводила одним небрежным взмахом изящной, тонкой руки.

— С таким прикрытием можно сражаться хоть с самим демоном, — бормотал киммериец, поддерживая хрупкую спутницу.

Караван остался далеко внизу (не съели бы оборотни лошадей и верблюдов), горная тропа петляла, исчезала и вновь появлялась, брат Иолины обрушивал на приближающихся врагов, то ураган, то камнепад (иногда сель или лавину), но закаленный в боях варвар и его нанимателница упрямо шли к цели.

Уже несколько дней пробирались они незаметными горными тропами — все выше и выше, туда, где в высокогорной пещере засел злодей. Вскоре путники поднялись выше облаков и шли, освещаемые ярким, веселым солнцем, которому явно не было никакого дела до распрай волшебников, демонов и прочих существ.

— Ты действительно хочешь убить своего брата? — на одном из привалов спросил Конан.

Иолина задумчиво посмотрела вдаль.

— Если этого не сделать, миру будет вечно грозить беда. Мы с сестрами пока противостоим его козням, но он набирает силу. И если его не остановить, через несколько лет он разрушит этот мир и попытается создать свой. И я знаю, что тот мир получится ужасным — уродливым и несбалансированным. Но самое страшное — в нем будет безраздельно царить даже не брат, а... тот, другой...

— Кто? — мрачно спросил Конан, не надеясь на вразумительный ответ.

— Тот, кто дает теперь силу моему брату, кто давно пытается властвовать над миром — не важно каким, лишь бы властвовать...

— Ну и... кто же он такой? Бог? Демон?

— Не обижайся, мой варвар, — мягко сказала женщина, — если тебе рассказывать, ты многое не поймешь... Ну и, кроме того, если уж рассказывать, то — все до конца. А на это у нас просто нет времени.

С горы катился огромный снежный ком, рождая и увлекая за собой лавину. Иолина подняла ладонь, и ком прокатился далеко в стороне. Далеко внизу чернели грозовые тучи — вероятно ураган все еще бушевал. Иолина поднялась и посмотрела на заснеженный пик, стрелой уходящий к небесам.

— Сейчас я соберу все силы и перенесу нас на вершину. Там будет небольшая пещера. В ней ты увидишь... может, человека, а, может... я не знаю какое обличие он примет. Убей его сразу и без колебаний. Для твоего меча он будет уязвим. Убей, не слушая, что он скажет, убей, не раздумывая — он попытается обмануть тебя, заморочить голову! Теперь обними меня, и мы полетим на вершину. На этот полет сил у меня, будем надеяться, хватит.

Конан стоял неподвижно. Иолина вскинула брови.

— В чем дело? Ты боишься?

— Я не уверен.

— В чем?

— В том, что злодей он, а не ты! В том, что убив его, я спасу мир, а не погублю его. Разве можно действовать, полагаясь только на твои слова?!

— Так ты хочешь знать всю правду?! — крикнула женщина.

В глазах ее взметнулись искры, и она вновь стала той надменной аристократкой, которую он увидел утром в каморке над таверной толстого Асланкариба.

— Хочешь всю правду? — повторила Иолина, немного успокоившись.

Она вновь опустилась на камень и жестом приказала Конану сесть рядом.

— Ну, что ж... Правда в том, что он отступник. Он откололся он нашего рода и теперь строит коварные планы. То, что я говорила про возможную погибель мира — тоже правда. Ну... может, это случится не так скоро... Но если его не остановить — случится обязательно. Я тебя не обманывала... Просто умолчала кое о чем...

— О чем?

— Это не имеет отношения к делу!

— Сейчас все имеет отношение... О чем ты умолчала? Говори!

Лицо женщины было искалено страданием, но синие глаза киммерийца отражали только ледяную бесконечность. Повисла напряженная тишина. Казалось, стихли даже громовые раскаты далекого урагана.

— Мы любили друг друга — тихо сказала Иолина, — и были самыми счастливыми существами во вселенной. Но ему оказалось мало одной любви — он возжелал власти... Постепенно он стал меняться... Я же говорила, что это не имеет отношения к делу...

— Так ты не можешь его убить, потому что любила... любишь? — осенило Конана. Женщина обреченно кивнула.

— Ты не сможешь убить любимого человека... гм... любимое существо и для этого тебе понадобился я! А вовсе не потому, что его может убить только смертный!

— Да... именно так. Теперь ты видишь, что не представляй он такой угрозы миру — я не стала бы желать его смерти?..

— Да, пожалуй, что так... — нахмутившись, пробурчал киммериец, затем удивленно добавил:

— Он твой брат? Но любила ты его не как брата, а как мужчину?

— Это у вас, людей нельзя любить брата... да и то... У нас же, вообще, все по-другому.

— У кого это «у нас»?

— Мы рождены другими... Мы не люди... Во всяком случае, не такие, как вы...

Конан промычал что-то неодобрительное, вздохнул, поднялся с камня и неловко обхватил женщину за талию, не зная, в каком положении они полетят на вершину.

— Держись крепче, мой варвар! — крикнула Иолина и горы внезапно оказалась далеко внизу. А еще через мгновение они стояли на обширном уступе, нависающем над пропастью. Недалеко зияла пасть небольшой пещеры.

— Сейчас он появится, — торопливо сказала Иолина, — приготовься!

— Он здесь живет?! В это маленькой пещерке?

— Нет, конечно! В его распоряжении вся гора — а вход здесь, наверху. Смотри! Он идет!

Конан не заметил, когда перед ним возник стройный молодой юноша. Серые глаза лучились добротой и искренностью. Юное, свежее лицо было ясным, как солнечный день. Вновь навалились сомнения — действительно ли от этого человека исходит такая опасность?

Несколько мгновений юноша внимательно смотрел на Конана, затем перевел взгляд на Иолину, и его прекрасное лицо исказилось гримасой такой злобы, такой отвратительной ненависти, что все сомнения отпали сами собой.

— Ты знала, тварь, что не сможешь сама убить меня, и притащила сюда этого здоровяка-варвара?! Но мы еще посмотрим, кто кого!

Конан обнажил меч и молча двинулся на противника.

— В бою он не слишком силен, — вдогонку сказала Иолина, — его конек — колдовство, но это я сумею обезвредить!

Неожиданно в руке злобного юноши возник громадный огненный меч. Рассыпая искры, гудело пламя. В лицо пахнуло жаром. Юноша отвратительно захихикал.

— Это иллюзия! — крикнула Иолина, и огненный меч исчез.

Конан увидел, что у противника самый обычный клинок, которым тот стал размахивать без всякого толку. Шагнув вперед, киммериец без труда парировал размашистый удар юноши и... остановился в нерешительности. Перед ним стояла Иолина. Иллюзия была настолько точной, что Конан, сознавая опасность, все же оглянулся, чтобы убедиться — настоящая Иолина стоит позади. Смертельного удара он сумел избежать, уклонившись в последний момент, но почувствовал, как стала обожгла левое плечо. Кровь брызнула алым фонтаном, капли которого мгновенно застывали на снегу.

— Не поддавайся иллюзиям! Убей его, какой бы облик он не принял! — крикнула Иолина.

Зарычав от боли и бешенства, Конан прыгнул вперед и нанес страшный удар наискось справа налево.

Юноша подставил под удар меч, но это не помогло и, обливаясь кровью, он упал на снег. В бешенстве Конан еще несколько раз взмахнул мечом, и тело противника превратилось в бесформенные куски кровавой плоти...

Иолина медленно опустилась на колени перед отрубленной головой любимого. Нежно погладила слипшиеся от крови волосы. Легкой рукой провела по лицу, закрывая глаза. Затем нежно поцеловала холодный лоб юноши.

— Может, все-таки оторвешься и излечишь мою рану, пока я не истек кровью? — Конан все еще злился.

Злился на себя, за то, что попался на самый старый трюк в истории поединков — обернулся по наущению противника. На Иолину, за то, что она так долго прощалась с мертвым братом-любовником. На весь спасенный мир, не знающий спасителя.

— О, прости, мой варвар, — Иолина торопливо поднялась, — я забыла, что ты серьезно ранен!

— Не так уж и серьезно, бывало и хуже, — проворчал киммериец, наблюдая, как останавливается кровь и затягивается рана под нежными пальчиками женщины.

* * *

Теплый ветер ласково шелестел листвой в кроне огромного дерева, приютившего на ночь уставший караван. Стреноженные верблюды и лошади паслись, смешно переступая спутанными передними ногами. Поужинав сухими лепешками, Конан лежал, закинув руки за голову, и вспоминал дымящиеся куски жареного мяса, съеденные им в разное время и в разных местах.

— Я отпустила погонщиков, — сказала Иолина, — теперь тебе придется самому ухаживать за животными.

Конан приподнялся на локте, и посмотрел на спутницу, любовницу и хозяйку, почти также, как когда-то в каморке над таверной толстого Асланкариба.

— Вообще отпустила или на время?

— Отпустила совсем. Их служба на этом заканчивается. Так же, как и твоя.

Это было неожиданностью. За долгие дни совместных скитаний Конан успел привыкнуть к своей странной спутнице, и ему казалось, что так будет всегда — дорога, караван, дневная жара, ночная прохлада и пробуждение от поцелуя странной женщины Иолины. Затем любовь все утро — до тех пор, пока не начнет припекать солнце, дневной переход по раскаленной степи, и опять ночевка под деревом, если таковое попадется на пути.

— Сегодня я тебя покину, мой варвар, — ласково продолжала женщина, — остается только договориться о награде за службу.

Конан заворчал, переходя из лежачего положения в сидячее.

— Хм, да... награда... — начал он, но Иолина нежно коснулась пальчиками его губ.

— Хорошо, что ты заранее не назначил цену за свои услуги! Я подарю тебе сокровищницу целого государства!

— Это как? — хмуро поинтересовался Конан.

— Я помогу тебе стать королем Аквилонии!

Киммериец поморщился.

— Королем я и сам когда-нибудь стану... А вот, сейчас мне не помешало бы золото.

— Не спеши, Конан. Я заглянула в будущее: на пути к трону тебе два раза понадобится моя помощь. Без меня ты погибнешь!

Конан молча смотрел на эту непонятную, но успевшую стать близкой женщину. Жаль было расставаться, хотя он понимал — расставание неизбежно. Слишком они разные — человек и... Он так и не узнал, кто же его таинственная нанимательница. Что касалось награды, то в его душе боролись противоречивые чувства. С одной стороны, хотелось немедленно получить золото — и погулять всласть, насладится возможностью тратить деньги без счета. С другой — и мудрая половина души советовала именно это — хотелось, конечно, стать королем. Немного смущало, что это должно случиться нескоро... Возможно — в далеком будущем. Может, вообще, к старости! Но, похоже, Иолина действительно умеет заглядывать в будущее. И, конечно, ее помощь не помешала бы... Иначе — смерть? Конан нахмурился. Смерть и так ходит по пятам. Погибнуть можно, едва ли не каждый день. Но если она знает точно... Нет, пожалуй, не стоит отказываться от такой награды.

Он нехотя кивнул. Иолина, с интересом наблюдавшая за его лицом, рассмеялась.

— Вероятно, ты даже не узнаешь, мой варвар, где и как я тебе помогу! Но, когда станешь королем, помни — без моей помощи ты не сидел бы на троне!

— Меня столько раз обманывали... — пробурчал воин, — что теперь я...

— Вспомни, обманывала ли я тебя хоть раз? — прервала Иолина.

— Ни разу. Только умолчала... Но это не считается!

— Вот видишь. А за других я не в ответе! — она погладила покрытую шрамами щеку, потрепала его черные, как смоль, волосы.

Конан слегка отстранился. Что-то ему не понравилось... Он и сам сразу не понял, что именно... Ну, да... Ему не понравилось *как* она потрепала его волосы и *как* она погладила его по щеке. Она сделала это *по-матерински*. Так мать ласкает своего выросшего, но все еще неразумного сына. Теперь она обращается с ним, как с сыном, причем, сыном неразумным! А ведь они раньше...

Да, но раз она делает это именно так — по-матерински — значит, не обманет, ибо матери не обманывают детей и не отказывают им в помощи. Он неожиданно для себя, обиженно поджал губы. Иолина рассмеялась:

— Прощай, мой варвар. Я улетаю. Ты будешь королем могучего государства. И ты всегда будешь помнить обо мне!

— Я всегда буду помнить о тебе, — как эхо повторил Конан.

Оставшись один, он пробормотал:

— Странная женщина... — после чего опустил голову и надолго задумался

Ник Харрис

Кость демона Уробаха

Раскаленное солнце поливало белыми лучами окраины Шадизара. Здесь, в квартале ремесленников, мелких торговцев и бедноты, не было прекрасных дворцов, окруженных тенистыми садами, и люди укрывались от зноя в домах, а чаще — в тавернах.

Хепат, последний гном из клана Вармина, нетвердым шагом плелся по раскаленной улочке, с каждым шагом вздымая небольшую тучу пыли. Долго живший среди людей, перенявшний их манеры и любовь к вину, он обходил харчевни Шадизара и в каждой пропускал глоток вина или кружку эля. Ему не нужны были деньги. Завсегдатаи в тавернах хорошо знали крючковатый нос с двумя бородавками и с удовольствием угощали его обладателя вином и пивом.

И хотя Хепат частенько по секрету признавался, что он не уродец-карлик, а самый настоящий гном — последний из великого клана славного короля Вармина — ему никто не верил. Все считали его веселым и немного хвастливым коротышкой. А гномы... гномы, может, и жили когда-то, где-то в недрах гор, но, скорее всего, это просто легенды... Хепат не обижался и не настаивал. Пусть карлик. Зато он знаком с самим Конаном! И он рассказывал добродушно ухмыляющимся слушателям, как однажды некий черный кот вывел их из огромного лабиринта, когда дрогорели все факелы, и темнота приняла их с другом в свои смертельные объятия.

- Значит, вывел кот? — спрашивал какой-нибудь правдолюб.
- Да, кот, — кивал носом Хепат, — кот...
- Черный? — уточнял человек.
- Черный, как сама ночь!
- А как же ты его — черного — рассмотрел в темноте?! Ведь факелы-то погасли!

И громовой смех заглушал разъяснения гнома, о том, что кот был привязан, как собачка... Кто-то хлопал его по плечу, кто-то подливал вина... Люди готовились слушать очередную байку о похождениях карлика, знакомого с Конаном, который, надо сказать, давно не показывался в Шадизаре и не мог подтвердить слова пьяного Хепата.

— А когда мы с Конаном преодолели страх перед мертвецами и пришли в сокровищницу... — начинал Хепат, не замечая подмигиваний и ухмылок веселых слушателей, — ...когда мы увидели сундуки...

— Так почему же ты, найдя сундуки с сокровищами, не живешь во дворце? — перебивал его все тот же правдолюб. — Да и Конан почему-то опять ушел с караваном, а не купил себе второй дворец, рядом с твоим?!

Хепат посмотрел на человека долгим взглядом пьяного. Правдолюб — тощий, усатый человек с изможденным лицом, уставший от разоблачений застольных баек — несколько смущился.

В харчевнях Шадизара не принято было смеяться над Конаном. Закряхтели и немного отодвинулись остальные слушатели. Всем почему-то представилось, что вот сейчас откроется дверь и войдет Конан. И посмотрит на шутника бешеными глазами, в которых будут метаться синие молнии...

И как подтверждение этого с улицы раздался крик:

— Караван пришел!

И скоро в дверях действительно появилась могучая фигура Конана. Правда, синие глаза

его выражали не гнев, а лишь некоторую усталость.

Через мгновение Хепат рыдал, обхватив ногу друга, и с укоризной показывал крючковатым пальцем на шутника-правдолюба. Тот в одиночестве ерзал на скамье.

— Они не верят, — плакал Хепат, — Конан, они не верят, что мы с тобой... Они смеются!..

— Что?! — грозно-насмешливо протянул гигант. — Кто-то здесь не верит?! Не верит моему пьяному другу?!

— Верим... верим... как не верить... — дружно загудела толпа, причем шутник особенно усердствовал, стараясь перекричать других.

Он надеялся, что благородный Хепат не станет больше показывать на него пальцем. И гном проявил великодушие. Он позволил усадить себя за стол и уткнул нос в кружку.

— Эй, хозяин! — прогремел Конан. — Принеси-ка моему другу мяса, он должен закусить... Да и мне... И побольше! И вина пару кувшинов не забудь!

Обстановка разрядилась. Правдолюб воздал хвалу богам и потихоньку убрался восьвояси. Хепат ел мясо и счастливо смотрел на Конана.

— Да, друг мой, — в раздумье протянул Конан, — не зря я согласился сопровождать это караван. Они привезли не простой груз...

— А когда мы поедем откапывать горшок с алмазами? — невпопад спросил пьяный гном.

— Как деньги кончатся, так и поедем! — Конан понял, что сегодня серьезно говорить с другом невозможно и, не теряя более времени, налег на мясо.

* * *

А караван, охрану которого возглавлял Конан, действительно привез не совсем обычный груз. То есть, обычный, конечно, тоже привез — товары в бесконечных тюках, надежно притороченных к верблюдам — но главный груз, ради которого и был снаряжен караван, ради которого владелец не поспешил заплатить Конану и другим воинам хорошую цену, представлял собой маленькую шкатулку, надежно упрятанную внутри одного из тюков.

Богатый купец и, по слухам, колдун, Акцион поручил Конану лично охранять эту шкатулку, точнее тот тюк, где она покоилась, и заплатил, вдобавок к основному жалованью, еще втрое.

Вполуха слушая болтовню пьяного гнома, Конан вспоминал, как один из погонщиков — слишком толстый для простого погонщика верблюдов — все время куда-то исчезавший, подмигнув и кивнув жирными щеками, спрятал шкатулку в заранее помеченный тюк, который и надлежало беречь пуще глаза. И он, Конан, честно выполнял договор — даже спал рядом с верблюдом, нагруженным драгоценной ношей.

Что получил купец Акцион? Что привезли ему в шкатулке? Драгоценные камни? Возможно, но вряд ли... Скорее, чародейские амулеты, колдовские артефакты... Ладно, заплатил он щедро, остальное никого не касается. Все довольны. Каждый получил то, что хотел. Колдун — амулеты, Конан — хорошие деньги. И все же... все же... Что-то тревожило. Чувство пустоты, какая-то неудовлетворенность... Может он, Конан, помог колдуну завладеть артефактом, который принесет великие бедствия? Но ведь он просто охранял караван... Солдаты всегда найдутся... Если тут что-то и произошло — оно произошло бы в

любом случае... И не стоит теперь себя винить!

Конан хлопнул по столу так, что подскочили успевшие опустеть кувшины.

— Клянусь Кромом! Зачем нужны деньги, если мы будем сидеть в этой дыре?!

Мигом проснувшийся Хепат подхватил мысль друга:

— Пойдем в самое лучшее заведение Шадизара! Мы... Конан... мы с тобой... — он воинственно вскочил с места и бросился к выходу.

На улице стало прохладнее. Солнце наполовину спряталось за горизонтом. Из домов и харчевен стали, кто — выходить, кто — выползать, люди. Пустынные днем, извилистее уочки постепенно оживали. Конан, придерживая шатающегося гнома, широко шагал по направлению к центру города.

— А зачем... — забормотал Хепат, — ...ты пригласил еще этих троих?.. Они плетутся за нами... Зачем?..

Незаметно оглянувшись, Конан действительно заметил позади трех вооруженных людей. Может, совпадение? А, может, купец Астион просто не любит оставлять свидетелей? Если так, то это ему дорого обойдется!

Друзья свернули в темный переулок. Солнце садилось, тени удлинялись. Скоро наступит темнота — ее они и ждут... Действовать необходимо раньше! Конан сделал вид, что запнулся, зашатался и прислонился к стене невысокого каменного дома. Троє, отбрасывая причудливые тени, быстро приближались. Зазвенела сталь, освобождаемых из ножен клинков. Хепат вмигпротрезвел, все понял и, вытащив кинжал, встал рядом с другом.

— Спину, — процедил Конан. — Ты забыл, что должен защищать спину? И не попади под меч!

Троє молча стали полукругом. Легкие, кривые сабли были направлены на Конана. В полумраке блестели белки глаз и оскаленные зубы.

— Почему? — спокойно спросил Конан.

Рука его легла на рукоять меча, но сам меч все еще покоялся в ножнах.

— Ты слишком много знаешь, — неожиданно мелодичным голосом сказал один, — а теперь и он тоже, — кривая сабля указала на Хепата.

— Астион? — спросил Конан.

— Да, мы убьем вас по его приказу, хотя нам жаль лишать жизни такого красивого воина, — голосом флейты пропел другой.

И тут Хепат, бывший трусивый гном, совершил безрассудный, но смелый поступок. Издав боевой клич, он сделал вид, что подготовился к бою, затем перехватил кинжал за лезвие и, быстро размахнувшись, бросил его в одного из воинов. Гном лишился оружия, но неожиданность возымела свое действие. Через мгновение трое странных воинов ошарашено смотрели на рукоятку кинжала, торчащую из груди одного из них. С легким стоном воин упал на колени. Двоे других завизжали и бросились на гнома. Две быстрые, как жало змеи, сабли устремились к горлу Хепата. Мгновение внезапно растянулось, звуки исчезли, и гном успел подумать, что ему заложило уши. Не в силах пошевелиться, он с тоскливым ужасом наблюдал, как приближались — медленно, но неотвратимо — блестящие в темноте клинки. Так же медленно выплыл из мрака огромный меч его друга — непонятно, когда он успел вынуть его из ножен — и бесшумно отбил жалящий удар сабель. Хепат заметил, как раскололся один из клинков, на половинки, медленно вращаясь, поплыли в темноту.

И раздался звон, и время опять потекло в обычном темпе, и визжали нападающие, и еще раз мелькнул молнией меч Конана. Расширенными глазами увидел Хепат, как падает верхняя

половина воина, как обнажается на миг позвоночная кость — белая и жалкая — чтобы затем исчезнуть в фонтане темной крови.

Третий воин — у которого оказалась сломана сабля — вытащил кинжал и, по примеру гнома, бросил его в ненавистного противника. Уклоняясь, Конан сделал выпад, и его меч вышел из спины последнего оставшегося в живых воина.

Хепат, собравшись вытащить фамильный кинжал из груди первого убитого, с удивлением заметил, что воин еще жив. Дыхания почти не было, но сердце билось, и человек еле слышно стонал.

— Что делать? Добить? — гном старался разглядеть в темноте лицо Конана.

— Пощадите, — прошептал женским голосом воин, — я расскажу вам все, что знаю... Только пощадите...

— Клянусь Кромом! Это же женщина! — воскликнул Конан. — И те двое — тоже! У Актиона нет воинов-мужчин?!

— Мы самые ловкие... а кроме того, каждый раз он поит нас зельем и шепчет заклинания... Сейчас действие волшебства проходит, и мне больно... Умоляю, спасите... Вы же хотите узнать...

— Потеряла сознание, — Хепат почесал бороду. — Если вытащить кинжал сейчас — она сразу умрет. Если позже, позвав лекаря, — может, и выживет.

— Надо, чтобы выжила, — пробормотал Конан и осторожно поднял на руки женщину-воина. — Пойдем, я знаю, где мы ее спрячем.

* * *

Небольшая комната освещалась несколькими сальными светильниками. Стены, сложенные из грубо обработанного камня, отдавали накопленное за день тепло. В целом тайная комната горшечника Ихарпа, походила на старый, заброшенный склеп. Окон не было. Вместо двери — камень, который приходилось вытаскивать каждый раз при входе в комнату-склеп. Посреди, на грубо сколоченной лежанке, укрытая шкурами, спала женщина-воин.

Хепат, сидя на скамье у лежанки, грустно смотрел в лицо той, которую он чуть не убил. Тонкие, нежные черты. Красиво изогнутые брови. Маленький, острый подбородок и неожиданно черные, как ночь глаза. Но сейчас глаза красавицы были закрыты. Она с трудом перенесла извлечение кинжала из раны... Да, он, Хепат, последний из клана Вармина, чуть не убил женщину... Но ведь она напала первой! Она была под действием волшебного напитка! Им с Конаном оставалось только защищаться... Конан вот не терзается мыслью о том, что ему пришлось убить двух, наверное, таких же прекрасных женщин!..

Хепат вздохнул и стал ждать, когда раненая проснется. Он приготовил отличный бульон с целебными кореньями! Это ее быстро поставит на ноги! Так кормили раненых воинов лекари в клане Вармина.

И неожиданно Хепат спрятал лицо в ладонях и заплакал — от тоски, оттого, что он чуть не убил эту красивую женщину, оттого, что нет больше его племени, и остался он один... если не считать его верного друга — великого воина Конана.

Заскрежетал отодвигаемый камень, и в «склеп», согнувшись в три погибели, пролез сам верный друг Хепата, а за ним горшечник Ихарп — худой, как саксаул, жилистый и быстрый в движениях ремесленник. Однажды Конан спас ему жизнь и приобрел одного из самых

надежных товарищей.

— Ну, как она? — Конан взглянул в лицо спящей.

— Тс-с, — зашипел Хепат, — спит.

— Я вижу, что спит, — понизил голос Конан. — Она сможет говорить, когда проснется?

— Я... проснулась... — слабо произнесла женщина, — и я все расскажу... Но рассказ будет долгим...

— А мы никуда не спешим.

— Но сначала она выпьет бульона, — и Хепат принял с ложечки поить ту, которую он едва не лишил жизни.

Поблагодарив гнома за заботу, женщина на миг задумалась.

— Что ж, начну с начала... А вы сами судите, что важно... Меня зовут Итилия. Нас было десять девочек — привезенных откуда-то с Востока на забаву Акциону. Три умерли сразу, не выдержав грубого надругательства. Семь выжили. Каждую ночь он брал к себе в постель двух из нас и вставлял проделывать разные мерзости. Постепенно мы ожесточались сердцем, становясь злыми и безжалостными. Вскоре Акциян принял за наше воспитание. Его лучшие воины учили нас сражаться, а плату получали нашими телами. Мы ненавидели весь свет. На тренировках мы старались задеть наших учителей саблями. Прошло время, и нам это стало удаваться все чаще. Акциян стал выискивать среди рабов наиболее сильных мужчин и заставлял нас убивать их с особой жестокостью. Нам понравилась кровь.

Убийство стало единственным развлечением. И не было нам равных в умении владеть оружием. С таким воином, как Конан, мы раньше не сталкивались...

Время шло, и Акциян стал поручать нам тайно убивать его противников. Умирали даже те, кто осмеливался косо взглянуть на его похотливую физиономию. Акциян упивался своим могуществом. Но ему было мало наших сабель. Мало тайного убийства. Он стал обучаться колдовству. Благодаря своему богатству, он мог нанимать самых известных магов, и они обучали его тайным премудростям.

Вскоре его чародейское умение стало приносить плоды. От непонятных болезней один за другим умирали его недруги, а таких находилось немало. Акциян в совершенстве освоил науку составления колдовских напитков и зелий, научился пользоваться ядами и вызывать духов и демонов.

Что касается нас — семерых женщин-воинов, то теперь он по ночам поил нас зельем, и мы превращались в бешеных фурий! Мы ублажали его такими ласками, о которых не может мечтать ни один смертный. Мы были неутомимы в своей страсти, и он ценил нас все больше.

Но однажды он приказал нам убить богатого купца — своего главного конкурента, у которого была очень хорошая охрана. Выпив колдовского зелья, мы выполнили задание, но четверо из нас не вернулись. А сейчас, благодаря мечу Конана, у Акцияна не осталось больше женщин-воинов.

Знать Шадизара ненавидела его и всячески старалась досадить в делах. Против него сплотились все честные купцы. Его не приглашали на пиры, и он не мог подсыпать врагам яду. Дела злодея Акцияна шли все хуже. Его последней надеждой стала кость демона Уробаха. Владеющий костью — владеет демоном и страшно представить, что начнется сейчас в Шадизаре, после того как его толстый помощник сумел выкрасть эту кость и доставить ее хозяину.

Этот мерзкий толстяк, который так любил при каждом удобном случае пользоваться нашими телами, убит. Убит нами по приказу хозяина, который не любит оставлять

свидетелей. Я сама проткнула его саблей с огромным удовольствием. Следующим нежелательным свидетелем был Конан и его маленький друг. И тут у нас случилась неудача, почему я теперь очень рада...

— Значит, в шкатулке была кость демона? — помолчав, спросил Конан.

— Да, кость демона Уробаха. К счастью, подчинить себе демона непросто, даже владея его костью. На это потребуется какое-то время...

— Клянусь Кромом, — воскликнул Конан, — времени у него осталось мало! Сегодня же ночью...

— Не спеши, Конан! У Актиона сильная охрана и высокие стены. Не так-то просто пробраться к нему.

— Стены не помеха. Охрана — это, конечно, хуже... — Конан задумался. — Но ведь нельзя терять времени!

— Хорошо, если ты готов рискнуть, я расскажу тебе, как лучше пробраться в покой Актиона...

* * *

Резной, черного камня ларец стоял на небольшом столе посреди комнаты-склепа. Нахмурив брови, рядом, на шаткой скамье, сидел Конан. Итилия, приподнявшись, следила за ним горящим взглядом.

— Как все прошло?

— Нормально, — усмехнулся киммериец, — я когда-то был неплохим вором...

— Акцион?..

— Сбежал... Пока я пробивался в его спальню, он просто исчез.

В комнату не сгибаясь, вошел Хепат, а за ним протиснулся Ихарп.

— В городе только и говорят об ограблении Актиона, — Ихарп подмигнул, — его ведь все ненавидели. Теперь радуются даже те, кто сами постоянно опасаются воров.

— Да... конечно, — откашлялся Хепат, — ну... а ты что-нибудь кроме ларца прихватил?

Конан молча кивнул на кожаный мешок в углу. Горшечник Ихарп и гном с загоревшимися глазами занялись мешком.

— Скольких пришлось убить? — В черных глазах Итилии промелькнул странный отблеск.

— Четверых, — бросил Конан, — это оказались простые солдаты, наемники... мне было их жаль...

Из угла доносился звон монет.

— А из этого кубка я буду пить вино, — мечтательно протянул Ихарп.

— А потом тебе отрубят голову, — засмеялся Хепат, — горшечнику не подобает пить вино из золотого кубка. Вот мне — последнему гному из славного...

Конан придвинул к себе ларец. Казалось, черный резной камень излучал зло. В комнате повисла тишина.

— Когда его открываешь, нужно что-то говорить? Заклинания?..

— Насколько я знаю — нет, — сказала Итилия, — заклинания, это уже потом...

Конан осторожно снял крышку. В ларце лежала небольшая, треснувшая, потемневшая от времени кость. Кость демона Уробаха.

Тяжелая, давящая, пыльная тишина мешала дышать. Воздух потяжелел. Итилия застонала. Ихарп схватился за горло. Хепат выронил золотой кубок, и тот одиноко и потерянно звякнул о каменный пол. В комнате потемнело. Казалось, темнота стала осязаемо сгущаться, формировать плотное облако.

— Ради всех богов, Конан, закрой его, — прохрипел гном.

Конан водрузил крышку на место и перевел дух. Светильники вскинулись веселым пламенем. Все разом вздохнули полной грудью. Хепат покачал головой:

— Еще немного, и...

— И... что? — помедлив, спросил Конан.

— Я думаю, — прошептала Итилия, — что сюда явился бы сам демон Уробах. И нам пришел бы конец...

— Он появляется всякий раз, когда открывают крышку?

— Я не знаю, — как в бреду, шептала Итилия, — Актион не посвящал меня в тонкости... я не знаю...

Некоторое время спустя, успокоившись, горшечник продолжил разбор захваченного добра. На столе, рядом с ларцом, появились золотые кубки — большие и маленькие, украшенные драгоценными камнями и просто литого, тяжелого золота. Россынь монет. Несколько перстней с бриллиантами и изумрудами.

— А этот браслет, — пришедший, наконец, в себя Хепат поднял изящный золотой браслет, перевитый змейками серебра, — я подарю тебе, Итилия — за то, что я тебя чуть не...

Заметив насмешливый взгляд Конана и укоризненный Ихарпа, гном поспешил добавить:

— Ну... то есть... это Конан, конечно, тебе подарит... мы с Конаном... подарим, за то... что...

И киммериец, взяv огромными ладонями изящную руку женщины, бережно надел браслет на ее исхудавшее запястье.

* * *

Унылая, выжженная степь на горизонте дыбилась холмами. Три всадника — двое на конях и один на верблюде — двигались в сторону Карпашских гор. Три маленькие точки с высоты полета орла, нарезавшего круги над равниной, казались крохотными и затерянными среди бескрайних, опаленных солнцем степей.

Конан ехал впереди на вороном жеребце. Легкая, прочная кольчуга поблескивала синевой. Через плечо — перевязь его знаменитого вороненого меча. Следом на горячем скакуне гнедой масти ехала закутанная в черный плащ Итилия. Кончик сабли в изукрашенных драгоценными камнями ножнах, выглядывая из-под плаща, покачивался в такт движению. И замыкал процессию гном Хепат на верблюде. Удобно устроившись между горбами, он то и дело, тайком от спутников, прикладывался к фляге с вином. После чего, развеселившись, вполголоса пел странные песни гномов — грубоевые, резкие, но по-своему мелодичные.

Конан знал, что еще день пути, и начнутся предгорья Карпашских гор. Затем еще день — и над их небольшим караваном нависнут величественные снежные пики, сверкающие на солнце, как хорошо отполированный меч. Там, в сердце огромной горной гряды таится

ледяная пещера, в недрах которой надлежало упокоиться зловещему ларцу с темной, треснувшей костью демона Уробаха.

Только в глубинах подземного озера, навечно скованного панцирем льда, будет недоступен для смертных злой дух страшного демона, таинственными силами прикованный к треснувшей кости. Вода ледяного озера не позволит демону вновь вознестись и творить зло в мире людей.

Так считала Итилия. Так говорил ей в минуты откровенности Акцион, хвастаясь своими познаниями и не подозревая, что верная женщина-воин однажды обратит эти тайные знания против него.

Много дней прошло с тех пор, как Конан добыл ларец. Долго не могла встать с лежанки Итилия, рана ее стала гноиться, и если бы не те травы, которые собирал ночами Хепат, скорее всего, никогда бы не села она больше на лошадь, никогда не смогла бы с диким гиканьем сверкнуть саблей, соперничая быстротой с самим Конаном.

Неустанно заваривал гном травы и коренья, настаивал, укрывал шкурами, шептал старинные заклинания, которыми пользовались лекари его исчезнувшего клана — и исхудавшая и от того ставшая еще прекраснее женщина, стала поправляться. Скоро она уже могла ходить. Затем проделывать легкие физические упражнения, тренироваться с саблей. Стала восстанавливать силы и больше есть. Горшечнику Ихарпу приходилось варить много мяса, тем более что Конан, ежедневно захаживая справиться о здоровье раненой, обязательно оставался для основательной трапезы.

Во время таких сборищ обсуждалась возможная судьба кости ужасного демона. Сошлись на ледяной могиле в озере. Хепат, правда, предложил попробовать самим овладеть секретом, чтобы подчинить демона Уробаха, но, узнав некоторые подробности относительно того, что демон может сделать с несведущим в колдовстве человеком, тут же согласился с Итилией и Конаном. Да, ларец с костью нужно утопить в озере. А заодно проверить там — нет ли в пещерах сокровищ. Или, в крайнем случае, сделать небольшой крюк и откопать, наконец, заветный горшок с алмазами, который Конан когда-то так безрассудно зарыл в местах, где волчьими стаями рыщут разбойники.

* * *

К вечеру достигли взгорий. Местность вздыбилась складками — вначале безлесными, затем поросшими кустарником, а дальше — лесом.

— Переночуем на опушке, — решил Конан, глядываясь в темнеющий впереди хвойный лес.

Остановились путешественники в небольшом распадке. Привычно расседлали и пустили пасться животных. Вскоре беспокойно заметался, запыпал костер.

— Странно, — Итилия подбросила дров и оглянулась, — обычно костер приносит радость... а у меня на душе тревожно. Это пламя... будто предупреждает о чем-то...

— У меня тоже на душе камень, — мрачно произнес Хепат и собрался приложитьсь к фляге.

— Гром и молния! Да ты выдул все вино! — Конан отобрал у гнома полупустую флягу и подал женщине.

— Согрейся. Тогда и костер станет в радость.

Но на душе и у самого Конана было тревожно. Не выходил из головы исчезнувший колдун. Он, конечно, попытается им помешать. Не так уж сложно догадаться, куда они повезут кость. Он обязательно устроит засаду. Возможно, он уже рядом... Подкрадывается, подбирается, скрытый темнотой, готовя внезапный удар или какую-нибудь пакость...

Нахмурив брови, киммериец обнажил меч и положил рядом с правой рукой. Пламя костра с неистовым весельем заплясало на отполированном вороненом клинке. Итилия, в черных глазах которой, отражались искры, достала свою изящную, с плавным изгибом саблю. Хепат, недовольный тем, что его лишили очередной порции вина, вытащил кинжал и демонстративно стал нарезать им мясо. Затем так, чтобы все видели, спрятал обратно в ножны. Конан едва заметно усмехнулся.

Тишина нарушалась только потрескиванием сучьев в костре. Неслышно было дажеочных птиц — любителей попугать путников внезапными пронзительными криками. Странная, противоестественная тишина висела над распадком.

— Что-то должно случиться, — проворчал Конан, настороженно прислушиваясь, — это затишье перед боем.

Итилия часто отворачивалась и подолгу всматривалась в темную стену леса.

— Скоро... — сказала она внезапно, — уже скоро он нападет... Я чувствую... Я знаю его манеру.

— Каким будет это нападение? — спросил Конан. — Не бросится же он на нас с сабелькой?! Может, он успел собрать с десяток-другой оборванцев?

— Он собрал... — прошептала женщина, — но не разбойников... ему служат другие...

В лесу треснула ветка. В тот же миг Конан стоял у костра, приняв боевую стойку и направив меч в сторону возможного нападения. Тишина звенела. Еще хруст сухих веток — в другой стороне. Еще и еще.

— Похоже, они взяли нас в полукольцо, — сказал Конан, — скоро бросятся в атаку. Эй, Хепат, ты готов защищать мне спину?

Но гному было не до шуток. Мрачнее тучи он стоял по другую сторону костра, сжимая резную рукоятку старинного кинжала. Длинный крючковатый нос его издавал сердитое сопение. И только Итилия осталась спокойно сидеть у костра.

— Нет, Конан, нападение будет другим... А эти звуки... Он просто старается нас напугать.

Потянуло холодным ветром, и пламя костра колыхнулось, задергалось, заплясало.

— У меня почему-то волосы на затылке шевелятся, — прошептал Хепат, — ветер слишком холодный... И дует со стороны леса. Так не должно быть...

Ветер внезапно усилился. Теперь костер, жалобно разбрасывая искры, мог потухнуть в любой момент.

— Хепат! — рявкнул Конан. — Костер!

Гном бросился подбирать близлежащие сучья. Вскоре костер вновь запыпал в полную силу. Теперь он был другом. Теперь он согревал, отгонял темноту с ее страхами, шорохами, опасностями. Сулил защиту и тепло.

Ветер донес запах падали, будто кто-то набросил аркан на давно павшую лошадь и пытается оттащить ее с дороги. И гнилое мясо при этом, рассыпая червей, издавало этот неповторимый аромат. Аромат, который невозможно спутать ни с чем. Аромат мертвечины. Запах трупа, зомби, живых мертвцев, всякой нечисти, о которой так много рассказывают в тавернах за добродушной кружкой вина.

Теперь Итилия стояла рядом с Конаном. Двумя руками она привычно держала перед собой саблю. Нападение было возможно в любой момент. Из разных концов леса донеслось хриплое ворчание. Так ворчит недовольный медведь, когда не может достать из дупла мед....

Только в звуках, доносящихся из леса, к медвежьему ворчанию будто примешивался недовольный голос человека. Недовольный, визгливый, угрожающий.

Конан и Итилия стояли плечом к плечу, готовые отразить любое нападение. Но время шло, а из темного, сумрачного леса, край которого освещался всполохами костра, никто не показывался.

— Он ждет, когда у нас сдадут нервы, — прошептала женщина.

— Долго же ему придется ждать, — пробурчал Конан.

Хепат, собрав достаточно хвороста, присел и незаметно потянулся за флягой.

— Без вина тут с ума сойдешь... — пробормотал он, опрокидывая в рот остатки благородной жидкости.

Томительно тянулись минуты, но ничего не происходило. Над лесом повисла тишина. Конан вложил меч в ножны и присел к костру. Итилия постояла, прислушиваясь, затем тоже села у костра.

— Похоже, что в эту ночь он просто решил нас попугать...

— И проверить боеготовность, — добавил Конан.

Когда восток окрасился бледно-розовым светом, раздался мерный храп Хепата. Гном уснул, сжимая в руке кинжал. Конан повернулся потухающий костер. И в этот момент из леса вышли два огромных пещерных медведя. Недовольно ворча, они вразвалку двинулись к костру.

Конан и Итилия вновь стояли плечом к плечу, направив оружие на приближающихся животных. Хепат занял позицию позади. Ветерок донес запах падали.

— О боги! — простонала женщина. — Это мертвые звери. Зомби.

Приглядевшись, Конан увидел, что в глазницах ближайшего медведя копошатся белые черви. Со сварливым ворчанием звери подходили к костру, распространяя невыносимый запах.

— Их нужно убивать по одному! — крикнул Конан и одним длинным, скользящим прыжком преодолел расстояние до «своего» медведя.

Зверь заревел и вытянул мощные лапы, увенчанные огромными кривыми когтями. Двумя быстрыми взмахами меча Конан обрубил обе лапы: и отскочил в сторону, когда зверь попытался накрыть его гниющей тушей. Следующий удар меча отделил голову медведя от туловища, и из среза вместо крови полезли черви.

Итилия тоже сумела обрубить одну лапу «своему» медведю, но дальше ей пришлось перебегать с места на место, уворачиваясь от мертвой туши. Медведь-зомби, издавая низкое рычание, гонялся за ней на трех лапах. Хепат с кинжалом ничем не мог помочь женщине. Итилия пыталась извернуться и направить удар сабли в шею зверя, однако медведь преследовал ее по пятам и уже поймал зубами край плаща, когда Конан обрушил мощный удар меча ему на спину. С разрубленным хребтом зверь упал, судорожно перебирая лапами.

Первый медведь также шевелился. Очевидно, убить медведей-зомби невозможно. Пришлось довольствоваться тем, что эти горы гниющей плоти не могли причинить вред. Спутники быстро собрались и вскочили в седло.

Следующий день ехали распадками, густо поросшими лесом. Вековые деревья, мрачно раскинув над людьми темные лапы, казалось, хотели подмять, раздавить непрошенных пришельцев. Ватная тишина не нарушалась даже стуком копыт, настолько мягкой была хвойная подстилка. Взошло солнце, и вязкая духота наполнила лес. Косые лучи с трудом пробивались сквозь темный лапник, но те, что пробились, наполняли лес испарениями и духотой. После бессонной ночи клонило ко сну. Гном давно клевал носом. Даже Конан крепился из последних сил.

— Мы должны найти безопасное место и спать, иначе он нас победит... — Итилия уронила голову на грудь.

— Проклятье! — сквозь зубы воскликнул Конан. — Проснитесь во имя всех богов! Колдун идет за нами по пятам!

— Что?! — встрепенулся Хепат. — Где? Я ничего не слышу!

И через мгновение вновь раздался его храп. Конан с силой потер лицо ладонями. Огляделся. Справа громоздились скалы, и среди валунов темнел вход в пещеру.

— Может быть, именно туда он нас и ведет, но ничего другого не остается...

Спешившись, он взял уздечки, выпавшие из бессильных пальцев спутников и, шатаясь, повел в поводу коней и верблюда, тоже ставших вялыми и сонными. Пещера, ухмыляясь, раскрыла темную пасть. Конан, не раздумывая, шагнул в полумрак.

Под нависшими сводами застыла тяжелая духота. Пот заливал глаза. Пещера была шагов десять в длину и около пяти в ширину, и, судя по застоявшемуся воздуху, имела один вход. Нападения сзади можно было не опасаться. Конан понял, что основным противником будет напускаемая чарами колдуна сонливость.

Некоторое время спустя лошади и верблюд стояли в дальнем конце пещеры, а женщина и гном мирно спали на расстеленном одеяле. Еще через полколокола северянин понял, что противиться волшебным чарам невозможно. Голова его склонилась на грудь, меч выпал из рук...

Очнулся Конан оттого, что стал задыхаться. Рванувшись, почувствовал острую боль в запястьях. Руки и ноги были надежно прикручены сыромятными ремнями. В горло врезалась тонкая веревка.

Придя в себя, Конан осмотрелся. Он находился в большой задымленной пещере, освещаемой множеством факелов. Где-то вдали светлое пятно указывало на выход, которым теперь вряд ли суждено воспользоваться. Его надежно привязали к корявшему дереву, давно высохшему и невесть, как выросшему когда-то в темной пещере. Неподалеку — к раскрашенному, резному столбу, очевидно служащему культовым целям, была привязана обнаженная Итилия. Вокруг, гикая и потрясая длинными волосатыми лапами, плясали голые дикари.

Оскаленные морды, клочья пены на губах, говорили о том, что пляска довела их почти до исступления. Они кружились, выкрикивая бессвязные слова, постепенно сужая круг и не

сводя горящих злобой и похотью глаз с пленницы.

Хепата нигде не было. Очевидно, колдун просто не видел смысла продлевать жизнь гному. А вот, Конану — похитителю кости Уробаха, и Итилии — женщине-воину, предавшей его, колдун жизнь пока оставил... Несомненно, для того, чтобы предать их медленной, мучительной смерти.

— Здравствуй, герой, — раздался притворно-ласковый голос.

С трудом повернув голову, Конан встретился взглядом с горящими глазами колдуна.

Акцион был высокий и по-своему красивый мужчина, лет сорока. Темные вьющиеся волосы тронуты сединой, борода завита мелкими кольцами. Конан заметил, что одет он в богатый, расшитый золотом халат — скорее всего, в тот самый, в котором ему когда-то пришлось спешно покинуть свой дом. Значит, он скитается с тех самых пор...

— Как я рад, Конан, что ты попал мне в руки, — ласково продолжал колдун. — Ты лишил меня дома... вся знать обрушилась на меня, как только я лишился кости... Они хотели меня казнить... Жалкие людишки...

Акцион ласково погладил Конана по залитой потом щеке. Затем, резко приблизившись, пронзительно глянул в синие глаза киммерийца и застыл на долгий миг, пытаясь, казалось, вытянуть из привязанного к дереву северянина самую душу. Действительно у Конана возникло ощущение стремительного падения с горной кручи. Он напряг волю и вновь увидел перед собой лицо колдуна, на сей раз искаженное злобой.

— Ты сильный воин, — нехотя признал Акцион, — другой сейчас бы уже был в припадке безумия.

— Что ж, теперь посмотрим, какова сила этой женщины, — и колдун неспешным шагом подошел к Итилии.

Дикии почтительно склонились и, пятясь, отошли на несколько шагов, не сводя, однако с обнаженной женщины похотливых глаз.

Долго Акцион молча и, как показалось Конану, с сожалением смотрел на одну из своих бывших возлюбленных. Затем вдруг дернулся и застыл в странной, неестественной позе. Казалось, он хочет бежать и не может сделать ни одного шага. Итилия с ужасом смотрела куда-то вверх. Из-под самых сводов пещеры, где висела плотная темнота, медленно опускалась серая, клубящаяся туча. К ней потянулся дым факелов. Туча впитала его, уплотнилась и увеличилась в размерах.

— Урабах! — завопил колдун. — Я твой слуга! Но оставь ее мне! Оставь, и я обязуюсь вечно...

— Она моя, — пришел монотонный, без интонаций голос.

Туча клубилась, выбрасывая в стороны дымные отростки. Затем, медленно снижаясь, поплыла к Акциону и привязанной женщине.

Итилия пронзительно вскрикнула. Колдун все еще не мог сдвинуться с места и только отчаянно жестикулировал. Туча медленно окутала их серым туманом. Мгновение спустя Конан увидел упавшего на одно колено Актиона. Обрывки веревок лежали на земле у подножья пустого ритуального столба.

— Куда он унес ее?! Отвечай, отродье!

Акцион, шатаясь, поднялся на ноги. Взгляд его был затуманен, пот обильно орошал лицо. Подойдя к Конану, он устало сказал:

— Демон вышел из-под моей власти... Все это из-за тебя, похититель. Но мы еще можем вернуть то, что нам принадлежит...

— О чем ты болтаешь, во имя Крома?!

— Ты ведь хочешь вернуть женщину? — продолжил колдун. — А я хочу вернуть кость.

Мы можем стать союзниками.

— Да избавят меня боги от такого союзника! — воскликнул Конан и в то же время почувствовал, что чей-то нож разрезает его веревки. Хепат! Это мог быть только гном, незаметно подкравшийся в полутьме.

— Не горячись, герой, — насмешливо продолжал между тем колдун, — демон унес женщину в нижние пределы, а туда ты без меня не попадешь. Только с моей помощью. А мне понадобится твой острый меч, ибо в пути будет с кем сразиться.

В этот момент Конан схватил Атиона за горло. Хепат, выйдя из-за дерева, приставил кинжал к сердцу колдуна.

— Решайся, Конан — продолжал Атион, будто ничего не случилось, — мы нужны друг другу. Решайся! Без меня ты не найдешь женщину.

Конан ослабил хватку.

— Что ж, станем союзниками, — он скрипнул зубами, — на время! Только на время!

— На время, — эхом повторил колдун и задумчиво посмотрел на гнома. — А я думал, что тебя давно съели, вместе с твоим верблюдом...

— Что?! — Хепат вновь схватился за кинжал. — Дикии съели моего верблюда?! Да падет на них проклятие всех богов и демонов! Это был хороший, смиренный верблюд.

— Теперь уже ничего не поделаешь, — притворно покачал головой колдун, — я должен был их накормить. Нет ничего хуже голодного дикаря. Но я рад сообщить, что ваши лошади целы и невредимы.

Атион спокойно направился к выходу. Дикии, видимо, напуганные демоном, не показывались.

Лошади со всем снаряжением действительно стояли у входа. Неподалеку пасся прекрасный, серый в яблоках скакун, принадлежащий, очевидно, колдуну.

Конан вздохнул полной грудью и осмотрелся. Невдалеке шумела кронами небольшая роща. На небе сияло ласковое солнце. Кони были готовы к дальнему, опасному путешествию.

* * *

Двигались большей частью молча. Впереди ехал Атион на сером жеребце, за ним — Конан, и замыкал небольшой караван мрачный Хепат, то и дело вглядываясь в спину колдуна и поглаживая фамильный кинжал. Дорога перешла в узкую тропинку, а затем и вовсе исчезла. Колдун направлял лошадь вверх па ущельям, выбирая, казалось, самые опасные места.

— Ты же сказал, что демон утащил женщину в нижние пределы... — проворчал Конан.

— Тебя смущает, что путь в нижние пределы лежит через перевал?

— Меня многое смущает, — мрачно сказал Конан.

— Скоро мы достигнем великой воронки и начнем трудный спуск по спирали. И через пару дней достигнем входа в нижние пределы.

— Что это за пределы такие? — подал сзади голос Хепат.

— Это, — охотно пустился в объяснения колдун, — обитель демонов среднего звена. Самые слабые живут большей частью среди людей или в горных пещерах. Средние, такие,

как Уробах — он, пожалуй, сильнейший из средних, — обитают в нижних пределах. А уж самые, высшие формы... Впрочем, достаточно. Не следует говорить об этом с непосвященными.

Разговор прервался. Лошади осторожно ступали по узкому карниzu. Слева — отвесная стена, справа — пропасть. Хепат, непривычный к высоте, чувствовал себя скверно. Кружилась голова, пересохло во рту. Он старался не смотреть вниз и все же, время от времени, с замиранием сердца вглядывался в разверзшуюся перед ним бездну. Он чувствовал дурноту и странное желание прыгнуть.

Туда, вниз!.. Пропасть притягивала. Звала. Она шептывала ласковые слова, обещала покой и тепло. Гном привстал на стременах. Одно быстрое движение и — блаженство! Умиротворение, покой, вечное тепло. Для чего он едет куда-то? Кому теперь это надо? Женщина — прекрасная Итилия, которую он чуть не убил, а затем сам же спас от смерти — исчезла. Похищена демоном. Самым могучим, среди демонов среднего звена. Разве возможно будет отобрать ее у него?! Конан обезумел! Сражаться с демоном?! Нет, лучше — один легкий прыжок... Он, Хепат, полетит, как птица... Он сейчас... Вот, сейчас...

— Будь ты проклят колдун! — рявкнул Конан. — Если ты еще будешь продевывать с моим другом эти свои штучки — ты поедешь дальше связанный, и с кляпом во рту!

И Хепата отпустило. С ужасом он понял, что это желание прыгнуть, обрести покой — просто колдовское наваждение. Колдун, конечно, хочет избавиться от верного друга Конана, от того, кто всегда прикрывает его спину. Будь он проклят, этот колдун!

— Конан, — вкрадчиво начал Атион, — клянусь тебе, я...

— Не клянись, — перебил киммериец, — и я почувствовал твой морок. Ты направил его на Хепата, но я тоже почувствовал! Берегись впредь!

Атион прокашлялся.

— У тебя хорошая чувствительность, северянин, ты мог бы учиться искусству... Хочешь, я возьму тебя в ученики?

— Повторяю, — бросил Конан, — еще одна твоя штука!..

— Ясно, ясно, — поднял унизанную перстнями руку Атион, — мы же союзники!

Наконец, маленький отряд достиг перевала. Перед ними раскинулась воронка невообразимых размеров. Довольно широкий уступ спиралью спускался по ее краям. По уступу призывно и весело сбегала тропинка. Кое-где склоны воронки густо поросли лесом. В других местах наоборот — громоздились камни. Огромные валуны затаились, притихли в ожидании непрошенных путников, дерзнувших начать спуск в места, запретные для смертных.

Дна у этой гигантской впадины, похоже, не было. Синий туман клубился далеко внизу. Конан заметил, как из тумана стала медленно подниматься не то птица, не то, летучая мышь. Приглядевшись, он понял, что поднимающееся крылатое существо имеет огромные размеры.

— Скорее! — крикнул Атион. — Прячемся! Это дракон!

Он поднял жеребца на дыбы и поскакал под защиту искривленных, но все же довольно больших елей, росших неподалеку. Конан и Хепат не заставили себя упрашивать. Спешившись и укрывшись под еловыми лапами, путники успокаивали лошадей, чувствовавших извечного страшного врага.

Через некоторое время над перевалом показался дракон — огромное существо с телом ящерицы и крыльями летучей мыши. Мощные крылья поднимали такой ветер, что с веток сыпались засохшие иголки.

— Если хоть одна лошадь заржет, мы погибли, — прошептал Акцион, усердно поглаживая своего скакуна.

Сделав круг над воронкой, дракон размеренно замахал крыльями, устремляясь на юг.

— И куда это он? — поинтересовался Хепат

— Кто его знает, — задумчиво протянул колдун, — проголодался, наверное... Опустошил пару селений и опять уснет! Этот-то нам уже не страшен. Не вернется, пока не наестся до отвала. Беда в том, что они частенько тут порхают, голодные, и не всегда есть, где спрятаться... Вот тут-то и пригодится нам меч Конана!

— Огненный факел у них большой? — мрачно спросил Конан.

— По-разному. Если пища хорошо разложилась — воспламенится и полыхнет так, что и моргнуть не успеешь, как превратишься в головешку. А бывает, что съедят не то, или вообще полуоголодные залягут — тогда и факел слабый, мясо не поджаришь...

— Можно подумать, что ты только и делал, что жарил мясо на драконьем пламени, — пробурчал Хепат.

— И такое бывало, — спокойно сказал колдун.

И, помолчав, добавил:

— Был у меня ручной дракончик. Не в этих краях... Далёко... — Он вздохнул. — Ну что ж, пора спускаться!

И тронув пятками жеребца, он направил его к воронке.

Спуск был едва заметен. Тропинка радостно петляла меж валунов и деревьев. Солнце просвечивало сквозь зеленые лапы елей, покрывая дорогу веселыми пятнами. И Хепату стало казаться, что они — три друга — едут куда-то по нужному делу, всем довольные, готовые в любой момент поддержать друг друга. И Акцион — какой хороший человек, нужно будет обязательно к нему поступить в ученики! И учится, причащаться его великой мудрости, усваивать, впитывать его знания, которыми он, может быть, соизволит поделиться...

Конан недовольно заворчал, и Хепат понял, где находится источник его умироморенных мыслей.

— Эй, колдун, — крикнул он, — я теперь не поддаюсь мороку! Не пытайся!

— Это не морок, — сказал Акцион, — просто нам предстоит проделать длинный и опасный путь, и я хотел, чтобы мы лучше понимали друг друга.

— Мы тебя и так хорошо понимаем, — проворчал Конан.

Тропинка стала спускаться уступами. В некоторых местах лошадям приходилось прыгать, отчего Хепат всякий раз едва не вылетал из седла.

— Сейчас начнутся пещеры, — предупредил Акцион, — в них лучше не заглядывать, и вообще проехать, как можно быстрее.

— А что там, в этих пещерах? — спросил Хепат голосом, ставшим почему-то очень тонким.

— Это обиталища монстров, — коротко бросил колдун, — большинство из них спит, но могут и проснуться, услышав стук копыт.

Пещеры начались после того, как проехали небольшую рощицу корявых, колючих растений. Спутники спустились достаточно низко, чтобы не видеть ничего, кроме стены слева и пропасти справа.

По счастью, уступ был довольно широкий, и пока не было опасности, что кони, испугавшись, сорвутся в пропасть.

— Придерживайте лошадей, — предупредил колдун.

Лошадь Конана взвилась на дыбы, когда из первой пещеры на нее пахнуло смрадом. Это была густая, мерзкая, тягучая вонь. Она обволакивала, душила, заставляла желудок судорожно сокращаться. Хепата вырвало. Конан и Атион крепились из последних сил. Но подул ветерок, и мерзкий запах отнесло в сторону.

— Тут всегда будут такие запахи? — отдохнувшись, спросил Конан.

— Нет, не все чудовища столь вонючи, — усмехнулся колдун, — другие не имеют запаха, но имеют когти и клыки.

И тут же, прищурившись, добавил:

— Вот вам и пример.

Из следующей пещеры выползала хвостатая тварь, высотой с коня, но гораздо длиннее. Чешуйчатый хвост ее был усеян длинными шипами. Кривые ноги оканчивались внушительными когтями, а с раздвоенного языка капала черная слюна.

— Плюющийся дракончик, — спокойно прокомментировал Атион. — Дайте коням волю, и они сами увернутся от его ядовитых плевков.

Тварь остановилась на тропинке и, казалось, с любопытством разглядывала пришельцев. Поворачивая голову, как собака, пытающаяся разглядеть нечто для себя новое, она внезапно открыла пасть и выпустила черный комок, величиной с человеческую голову. Лошади, как по команде, прыгнули в разные стороны. Хепат с трудом зацепился за гриву и висел, кособочась и проклиная все на свете.

Дракончик не был страшным. Просто здорово плевался. Еще один заряд ядовитой слизи ему удалось выпустить, но кони вновь увернулись и вынесли седоков к следующей пещере. Дракончик их не преследовал. Очевидно, здесь господствовал порядок, и каждая тварь знала отведенное ей место.

Из следующей пещеры показалась прекрасная обнаженная женщина.

— Итилия! — воскликнул пораженный Конан.

— Это иллюзия, — предупредил колдун. — Ящерица аморика, она может откопать в ваших головах дорогой образ и воссоздать его.

Атион воздел руки, и Итилия исчезла. Вместо нее рядом с пещерой стояла на двух ногах отвратительная сморщенная тварь и протягивала в немой мольбе чешуйчатые лапки.

— Насколько эти твари разумны? — спросил Конан

— По-разному... — Атион задумался, — но в основном неразумны. До людей или демонов им далеко. Хотя некоторые обладают разумом, и вы в этом, возможно, убедитесь.

Тропинка вновь стала пологой. Широкий уступ страшной воронки опускался почти незаметно. Здесь было царство пещерных тварей.

Несколько входов в пещеры спутники проехали без приключений. Видимо, твари, населяющие их, спали.

Около некоторых пещер белели человеческие кости. У других были навалены солидные кучи экскрементов.

— Они, что, все питаются путниками, которые сдуру решили спуститься в преисподнюю? — спросил Хепат. — Тут — оживленная проезжая дорога?!

— Оживленная или нет, — охотно отвечал Атион, — но если бы здесь не отлавливали колдунов, а точнее учеников колдунов, то давно весь мир был бы заполнен ими. Только у меня училось около пятидесяти человек. Вы не представляете, сколько людей хотят научиться колдовству! Почти все мои ученики погибли на этом спуске — не выдержали обязательного испытания — путешествия в нижние пределы.

— Но кто-то остался? — Конан глянул на довольною физиономию Актиона.

— Да, испытание прошел мой лучший ученик — Эскиламп. Только он один.

Следующая пещера преподнесла неприятный сюрприз. У входа путников поджидала огромная, раздутая, как жаба, тварь. Величиной с небольшой дом, зеленая и покрытая слизью она действительно чем-то напоминала жабу. Такая же бородавчатая пасть, вывернутые передние лапы и выпуклые, бессмысленные глаза.

— Тут только мечом, — напряженно сказал колдун, — и лучше спешившись: конь может испугаться.

Конан молча соскользнул с лошади и обнажил меч.

— Постарайся сразу попасть ей под челюсть, — вдогонку крикнул колдун, — там самое уязвимое место.

Жаба переступала кривыми лапами, открывала и закрывала пасть, совсем не по-жабы усеянную острыми и длинными зубами.

Конан мягким, упругим шагом подошел к чудовищу. Неожиданно жаба выстрельнула огромным, толщиной с человека языком. Конан успел увернуться и попытался попасть по языку мечом. Однако жаба с таким проворством втянула свое оружие, что меч бесполезно чиркнул по камням.

— Пока ничья, — прокомментировал колдун.

— Как ему помочь? — Хепат достал кинжал и приготовился слезть с лошади.

— Ты ему не поможешь, глупый гном, — рявкнул Акцион, — только навредишь!

Конан, между тем, уже дважды уворачивался от языка, пытаясь разрубить его мечом.

— Берегись ее передних лап, — крикнул колдун, — они могут удлиняться!

И словно в подтверждение этих слов, жаба развернула вдруг короткие передние лапы в длинные крючья и загребла Конана, как косой. Хепат что-то заорал и спрыгнул с коня. Акцион также достал кинжал и ждал удобного момента для броска.

Разрывая кольчугу, Конан вывернулся и обрушил удар меча на один из крючьев. Брызнула зеленая жидкость.

Язык жабы, метнувшись, обхватил человека за ногу, но Конан уже рубил мечом направо и налево, и ничто теперь уже не могло остановить его удары.

Акцион спрятал кинжал. Хепат подбежал к месту схватки, но помочь действительно не мог. Последним ударом Конан вонзил меч в глотку чудовища.

По огромному, раздутому телу прошли конвульсии, и тварь, дернувшись в последний раз, испустила дух.

Дальше произошло странное: разрывая ее толстое брюхо, вся в слизи, появилась другая тварь, поменьше, и быстрыми прыжками ускакала в пещеру.

— Смена готова, — спокойно сказал Акцион. — Она пожрет останки своей матери, подрастет и займет ее место.

Хепат с отвращением сплюнул. Конан молча оттирал травой зеленую жидкость, обильно покрывающую его доспех.

— А как тутправляются ученики колдунов? — наконец спросил он, мрачно глянув на Актиона.

— Многие погибают, я же говорил... Эту тварь можно победить только мечом или саблей. Но те, кто учится колдовству, редко хорошо владеют оружием...

— Поэтому ты взял меня?

— Конечно, я же говорил, что мы нужны друг другу.

Конан вскочил в седло. Тропинка, постепенно понижаясь, повела путников к дальнейшим испытаниям.

— Осторожно! — вдруг крикнул колдун. — Еще один дракон поднимается!

Из бездны кругами поднималась огромная крылатая тварь. Кожистые крылья работали мерно и мощно, выталкивая чешуйчатое тело из глубины воронки. Огромная, как самая большая винная бочка, голова непрерывно поворачивалась, осматривая окрестности. Казалось, дракон был не против закусить, не ожидая, пока на пути попадется деревня-другая. Из полуоткрытой пасти тянуло дымом. Огня пока не было. Конан огляделся. Укрыться было негде.

— Скорее! — крикнул Акцион. — В пещеру!

Он дал шпоры жеребцу, и мгновение спустя, пригнув голову, исчез в просторной пещере, даже не узнав, кто в ней обитает.

— Видать, тут дело серьезное, — проворчал Хепат и направился следом. Конан въехал в пещеру последним. Мгновение спустя на месте, где он стоял, полыхнуло огнем. Факел у дракона явно был в порядке.

— Теперь он сделает несколько кругов на этой высоте и попытается нас выкурить, — Акцион спешился и, осторожно ведя жеребца в поводу, направился вглубь пещеры.

— А кто тут живет-то? — шепотом спросил Хепат.

— Не бойтесь, хозяин спит. Посмотрите на эту тушу.

Колдун указал на черную массу, лежащую бесформенной глыбой в дальнем конце пещеры. Конан подошел с обнаженным мечом.

— Он не проснется? Может, лучше его прикончить?

— В этом нет необходимости, — Акцион спокойно пнул тушу. Раздался мягкий, глуховатый звук.

— Он недавно нажрался от души. Видели кости у пещеры?

— Но там не человеческие кости, — сказал Конан, — кого они еще пожирают?

— Да всех, кто проходит мимо! — рассмеялся колдун.

В этот момент пещера осветилась. Донесся запах гари и дыма. Послышались потрескивания горящих кустов. Дракон пошел на третий круг.

— Сделает еще пару кругов и улетит, — равнодушно сказал Акцион. — У нас есть время перекусить...

— У меня что-то аппетит пропал, — пожаловался Хепат.

— А у меня всегда хороший. — Конан стал распаковывать седельные сумки.

* * *

— Мы спустились примерно на одну треть, — сказал Акцион, когда дракон улетел искать более легкую добычу, — первый ряд пещер кончился, но дальше будут другие, и самое скверное, что нам придется проходить сквозь них, потому что тропинки над обрывом там не будет.

Конан и Хепат промолчали, пережевывая жесткое сущеное мясо.

— В тех пещерах нам особенно понадобится твоя сила, Конан, — продолжал колдун, — на тебя вся наша надежда!

— А твое искусство? — спросил Хепат. — От него пока вообще не было толку!

— А мое искусство... оно понадобится позже, когда мы достигнем нижних пределов мира.

Спутники осторожно выехали из пещеры. Тропинка сбегала вниз, к синему, клубящемуся туману. Конан посмотрел наверх. Действительно, спустились они достаточно глубоко — казалось, что он смотрит со дна огромного, глубокого колодца. И впереди был еще более трудный путь. Путь ведущий... куда? В преисподнюю? Нижние пределы... Обиталище демонов... Именно там нужно искать Итилию...

Конан невольно подумал, правильно ли он поступил, отправившись с колдуном в пекло? Итилия... Он ее едва знал... Ради нее он рискует жизнью? Своей и Хепата. Нет, конечно, не только ради Итилии... Нужно не дать Акиону завладеть костью демона Уробаха. Но пока он помогает колдуну вновь добыть эту проклятую кость. И как только Акион достигнет цели, он попытается убить Конана. Это ясно. А поскольку колдун умен и понимает, что Конан будет настороже, то постарается убить его чуть раньше. Когда будет уверен, что и сам добудет кость.

— Сейчас безопасный участок пути, Конан, — крикнул Акион, — самое время поразмыслить, не так ли?

Тропинка стала едва заметной. Трава, блеклая и пожухлая, почти скрывала ее от глаз путников. Стали попадаться валуны, затем огромные камни. Скоро путники уже ехали по ущелью. С обеих сторон нависали каменные глыбы, которые, казалось, могут сорваться от легкого дуновения ветерка.

Даже Акион притих и осторожно направлял жеребца меж валунов, опасаясь задеть хотя бы один, чтобы не вызвать обвал.

Но скоро путники выехали на открытое место. Каменные завалы остались позади, и Акион вновь повеселел.

— Скоро нам предстоит углубиться в лабиринты пещер, — он засмеялся радостным смехом. — Конан приготовь меч!

— Непонятно, с чего ты так веселишься, — проворчал киммериец, проверяя, легко ли выходит меч из ножен.

— Я просто веселый человек! А тебе та женщина рассказывала обо мне разные ужасы? Да она сама...

— Помолчи, колдун, — мрачно бросил Конан, — лучше вовремя предупреждай об опасностях.

Акион остановился, поджиная спутников. Тропинка впереди скрывалась в расщелине скалы. Уступ, но которому они ехали, исчезал. Скалы обрывались в пропасть.

— Вот теперь наш путь лежит в недра горы, — Акион на сей раз был серьезен, — там обитают более разумные твари. Они умеют охотиться, высматривать. И, хотя бывало, что тут проезжали, не встретив ни одного чудовища, нужно быть крайне осторожным.

— А бывало и по-другому? — уточнил Хепат

— Конечно. Однажды пропал целый отряд учеников, человек двадцать. Они думали, что численность даст им преимущества...

— Как там со светом, — Конан глянул в бездонную пасть пещеры, — факелы нужны?

— Нет, там много растений *пуро*, — сказал Акион, — и хотя бывают полностью темные пещеры, с факелами возиться не стоит.

— А кони там везде пройдут? — обеспокоился Хепат.

Ему хотелось еще постоять, поразмыслить, поговорить, в конце концов, о возможных

опасностях. Нельзя же сразу, вот так, соваться в недра горы, кишащие более разумными тварями! Более разумными! Умеющими — вищь, как оно — преследовать! Тут нужно не спеша обмозговать, сделать привал...

— Кони пройдут, — отозвался Акцион, — там такие просторы... сами увидите.

После яркого дневного света пещера казалась черной, как ночь. Но постепенно глаза путников привыкли и стали различать вначале светящиеся пятна пуго, затем стены и своды пещер. Стук копыт гулким эхом несся за всадниками. Говорили мало. Даже Акцион предпочитал двигаться в молчании, зорко взглядываясь в полумрак тоннелей и переходов.

Конан заметил, что колдун старается держаться тех ходов, которые ведут направо — ближе к воронке, подальше от недр горы, которую, казалось, некий огромный червь источил извилистыми ходами.

— Где-то здесь нам придется заночевать, — сказал, наконец, Акцион, — дальше будет труднее устроиться на ночлег...

— А тут безопасно? — Хепат негромко откашлялся.

— В этой части обитают, в основном, бесплотные духи. Они могут, конечно, доставлять неудобства, но это все же лучше, чем иметь дело с теми, другими...

Конан осмотрелся. Они находились в довольно большой пещере, своды которой украшали разной величины сталактиты. Где-то журчала вода. В стене пещеры виднелась небольшая полость, где можно было укрыться вместе с лошадьми.

— Жаль, лошади останутся некормлеными. — Конан спешился и направился к месту ночевки.

Пещерка была уютной, как комната в хорошем доме.

— Конан, не спеши... — Акцион, задумчиво поджал губы. — Я думаю, что ночевать лучше в большой пещере...

— И остаться открытыми со всех сторон?! Нет уж, я привык иметь крепкий тыл!

Колдун пожевал губами, будто пробуя на вкус неизвестное вино.

— Может, ты и прав... Но я, пожалуй, заночую здесь, где стою... Мне что-то в этой уютной пещерке не нравится...

— Как хочешь, — проворчал Конан, расстилая одеяла, — посмотрим, что ты скажешь утром!

— Если он вообще что-нибудь скажет, — добавил Хепат и стал укладываться.

Конан лег, как всегда положив обнаженный меч у правой руки. Ласковая теплота разливалась по телу. Расслабляла уставшие мышцы. Руки и ноги наливались приятной тяжестью. Мерное журчание воды убаюкивало. Голову овевал почти незаметный, легкий ветерок. Дышалось легко и свободно, несмотря на доспех, который Конан не рискнул снять на ночь. Приятная дремота заботливо, как мать, накрывала нежным теплым одеялом. Конан вздохнул и с улыбкой погрузился в сон.

Хепату не спалось. Камни впивались в спину — если он лежал на спине, а когда поворачивался на бок — в ребра. Они, казалось, специально подкатывались к самым чувствительным местам и поворачивались острыми углами.

— Странное дело, — бормотал Хепат, — гном не может уснуть на камнях в пещере! Да мне где только не приходилось...

Снаружи донесся какой-то звук. Что-то чужеродное вклинилось в тишину и ласковое журчание воды. Может, это колдуну там не спится? Да нет, Акцион давно улегся — Хепат ясно слышал, как он укладывался, а затем тоненько захрапел. Этот храп тоже мешал гному

заснуть, но к нему он уже привык, а вот звук... Что это было? Что-то будто проскрежетало по камню...

Хепат открыл рот и прислушался. Все тихо. Вероятно, показалось, послышалось... Почудилось, померещилось... Всякая чепуха в голову лезет... Тихо. Никаких посторонних звуков.

Только тонкий храп Актиона, спокойное дыхание Конана, журчание воды... Вот! Гном подпрыгнул. Царапание когтей! Чей-то тяжкий вздох. В пещере потемнело. Почему? Кто-то хочет подкрасться в темноте? Кто-то вооруженный острыми когтями? И почему он так тяжко вздыхает? Вот еще вздох! Мука, страдание слышались в этих вздохах проклятого существа.

«А кто же еще здесь может бродить, — подумал Хепат, — только чья-то проклятая душа, обреченная на вечные муки... Хотя, нет, почему душа? Тут же еще и когти... Душа с когтями...»

Неожиданно мысли спутались, и Хепат почувствовал, что засыпает. Нельзя! Нельзя теперь спать! Теперь, когда кто-то подкрадывается в темноте... Темнота! Она совсем сгостилаась, будто задули все факелы в зале. Почему так темно? Или я уже сплю? Или я уже попал в другое место, в зал, где кто-то погасил факелы? Кто это там стоит?! Кто прячется в темноте? Какой-то сгусток этой самой темноты, воплощение самых ужасных страхов... Кто тут? Зачем, зачем ты привел меня сюда? В этот зал мертвецов, где не находят покоя души грешников... Да, я грешен... Да, я когда-то струсили и оставил братьев погибать в битве, а сам сбежал... Братья? Это вы, мертвые, пришли меня наказать? О, как страшен ваш вид! Почему вы так смотрите на меня пустыми глазницами? Почему кровь все еще течет из ваших ран? А ваша гниющая плоть так тошнотворно воняет... Я могу задохнуться! Не окружайте меня, вы же мертвые... Ваши тела давно съели черви... О, да — они так и сыплются с вас, братья... И попадают на меня! Не надо, не надо осыпать меня белыми червями! Не надо протягивать костяные руки, на которых еще осталась гниющая плоть... Не хватайте меня... Не душите... Я и так наказываю себя каждую ночь... Каждую ночь мне сниться... Я вновь и вновь бросаю вас погибать, а сам убегаю... убегаю... убегаю. Не гонитесь за мной, братья! Вы же мертвцы! Вы должны отдыхать в чертогах для павших воинов... веселиться... Это и есть чертоги павших? Нет, тут ужасно, ужасно. Гниющие мертвцы обступают меня... Отпустите меня братья... Отпустите... я больше не убегал в битвах... Я теперь всегда прикрываю спину Конана...

С криком Хепат проснулся и вытаращенными глазами долго смотрел на пятно растений пuto на своде пещеры. Имя Конана помогло ему преодолеть кошмар.

Но как же когти? Тяжкие вздохи? Сон? Все это сон? И его мертвые братья? Гном почувствовал знобящий холод. Братья! Они не простили его... Но где же Конан?! Хепат дико оглянулся. Друга в пещере не было.

* * *

Едва Конан смежил веки, как его охватило чувство необычайной легкости. Казалось, что он, подобно птице, парит в безоблачном синем небе. Такое приятное, бесплотное парение в небесах! Такой легкий ветерок, несущий в родные дали, в горную Киммерию и дальше... Дальше! Туда, где нет ни страданий, ни кровавых воин, ни злых колдунов, ни страшных чудовищ...

На высокой горе, среди вечно сверкающих снегов, среди голубых ледников возвышается прекрасный замок... Огромные залы... Стены увешаны великолепным оружием и украшены яркими, необычными фресками. Лучи света косо пронзают великолепный зал и освещают трон, сверкающий драгоценными каменьями. Что за женщина восседает на троне? Итилия? Нет... хотя чем-то похожа. Эта женщина не из плоти и крови — из воздуха. Она прекрасна и бесплотна, как дивное видение. Она ласково улыбается, и от ее улыбки хочется петь и смеяться.

Конан смотрит на нее, и его загрубевшая в сражениях душа наполняется неизведанным ранее счастьем. Рядом с этой женщиной, сотканной из воздуха и солнечного света, невозможно не испытать великого, всепоглощающего, недостижимого для простого смертного, счастья.

* * *

Утром, заглянув в пещеру, Акцион обнаружил Конана, спящего с блаженной улыбкой на устах, и Хепата, который метался по пещере с безумными глазами.

— Хепат, друг мой, — насмешливо протянул колдун, — я же не зря советовал не спать в этой пещере. Я подозревал, что здесь могут спросить за грехи... И только тот, у кого душа чиста... — он замолчал и невольно взглянул на Конана.

Хепат, окончательно пробудившись, обнаружил друга спящим на месте и успокоился, отдуваясь и утирая пот со лба.

— Что это было? — пробормотал он тихо. — Что?

— Бесплотным существам, обитающим, как я понял, в этой небольшой пещере ты не понравился, друг мой. Точнее, не понравилась твоя отягченная грехами душа. Вот так-то, мой маленький друг.

— Я не друг тебе, колдун! — взвыл Хепат голосом пастушьей свирели.

Конан проснулся и, с удовольствием потянувшись, сел, удивленно глядя на гнома.

— Нашему маленькому другу снятся кошмары, — пояснил Акцион. — Воздействие духов пещеры...

— Кошмары? — удивился Конан. — А мне снилось что-то очень хорошее...

Колдун с неудовольствием посмотрел на счастливое лицо северянина, молча повернулся и пошел готовить жеребца к дальнейшему путешествию.

Хепат удрученно признался:

— Мне снились братья... они не могут простить...

Конан грубо приподнял гнома за ворот и слегка встряхнул.

— Все мы делаем ошибки. Важно, чтобы ты понял... Братья простят, дай срок... А теперь — взбодрись, если не хочешь попасть к братьям раньше времени!

Короткое время спустя три всадника пустились в дальний путь. Акцион вел их, почти не раздумывая. Чувствовалось, что он хорошо знал дорогу.

— Эй, колдун, — крикнул Конан, — ты часто проезжал этим путем?

— Приходилось... — сдержанно ответил Акцион.

— А что ты искал там, в нижних пределах?

— Силу, мощь, мудрость. Все, что требуется хорошему колдуну.

— Нашел?

— Кое-что нашел... Кое-чему научился...

Очередная пещера встретила путешественников негромким, протяжным гулом. Казалось, ветер неустанно воет на одной, басовой ноте.

— Здесь идет непрерывный обмен сущностями — прошептал колдуй. — Нам нельзя тут находиться! Скорее! — И он, пришпорив коня, в несколько прыжков миновал пещеру.

Хепат, скакавший последним, почувствовал, как чьи-то длинные бесплотные руки цепко ухватили его за шею. Перед глазами замелькали оскаленные, клыкастые пасти. Дыхание перехватило. Гном захрипел и из последних сил ударил коня пятками, понуждая быстрее покинуть опасный участок.

Догнав спутников и с трудом переведя дух, он потянулся было за флягой, но с неудовольствием вспомнил, что вина в ней давно не осталось.

Конан и колдун стояли бок о бок, с трудом удерживая коней.

— Я думал, что нам удастся преодолеть этот участок почти без приключений, — растерянно говорил Акцион, глядя на шипастую тварь, загораживающую тоннель огромным слизистым телом. — Не удалось... Придется сражаться.

Чудовище не двигалось. Казалось, ему достаточно просто перегородить проход.

— Она тут — что? Страж? — спросил Конан, разглядывая отвратительное существо.

Множество щупалец извивались среди длинных шипов, и множество клешней шевелилось между щупальцами. И поблескивали то тут, то там, маленькие, злобные глазки. В целом тварь была почти круглой и величиной с хороший амбар.

— Да, вроде сторожа, — прокашлялся Акцион. — Такие мне еще не попадались... Не знаю, что и делать... Подойти к ней на удар меча невозможно.

— Но ты можешь, демон тебя побери, что-то сделать своим колдовством?! — рявкнул Конан. — Своей силой, мощью и мудростью, которые ты нашёл, как ты говоришь, в нижних пределах!?

— Да... я попробую... может, она станет не такой проворной... Я попытаюсь ее усыпить.

Акцион опустил голову и сосредоточился. Через некоторое время щупальца твари стали обвисать. Но клешни продолжали шевелиться. Акцион стиснул руки и замер комком судорожных мышц. Со страхом заметил Хепат, что из ноздрей колдуна стал подниматься дым.

Тварь защелкала клешнями, но затем обмякла. Туша ее бессильно обвисла, как бы расплылась, стала ниже. Щупальца и клешни безвольно висели, только некоторые глазки еще злобно поблескивали, глядя на непрошенных гостей.

— Конан, — прошептал Акцион и покачнулся, — пора... Попробуй добраться до ее мозга... — Из последних сил колдун ухватился за гриву коня и медленно сполз на землю.

Конан спешился, обнажил меч и двинулся к задремавшему чудовищу. Подойдя на удар, он взмахнул мечом и точным, хорошо рассчитанным ударом раскроил тушу, с той же легкостью, с какой лакомка разрезает апельсин. Щупальца и клешни вмиг вскинулись, но Конан уже отпрыгнул на безопасное расстояние. Чудовище издавало клокочущие звуки и вслепую шарило удлинившимися щупальцами. Черная клейкая жидкость густым киселем вытекала из развернувшегося брюха. Постепенно тварь стала затихать, так и не сдвинувшись с места, что явно создавало дополнительное препятствие.

— Как же мы проедем? — Хепат выпученными глазами смотрел на мертвое чудовище.

— Я думаю, что оно скоро станет, как пустой мех для вина. — Конан вытер и вложил в

ножны меч. — Мы проедем по нему, как по брошенной шкуре!

— А как быть с ним?.. — Хепат указал на потерявшего сознание колдуна.

— Придется привязать его к лошади. Он нам еще не раз понадобится...

— И мы ему тоже... — добавил гном. — Вопрос в том, когда нужно будет прекращать перемирие...

— Да, нам нужно быть начеку, — тихо сказал Конан.

Пока привязывали колдуна, тварь действительно стала плоской, будто огромный пустой мех из-под вина. Кони с опаской прошли по ее шкуре, и копыта их издавали противное чавканье.

С радостью выехал Конан на солнечный свет. Широкий уступ вновь появился у стены. Еле заметная тропинка все так же весело петляла меж валунов и искореженных сосен. Туман, клубящийся внизу, заметно приблизился. Однако лучи солнца пока еще доставали до уступа, по которому путникам предстояло спускаться дальше.

Акион стал приходить в себя. Издав тихий стон, он попросил развязать его и уложить на траву. Конан решил сделать привал, отпустить попастись коней и перекусить самим.

— Скоро мы спустимся в туман, — прошамкал набитым ртом Хепат. — Какие ужасы нас ожидают?

— Там уже не будет таких ужасов, — слабым голосом ответил Акион. — После быстрого спуска в тумане мы вступим в нижние пределы... Обитель демонов...

— И где нам искать Итилию? — спросил Конан.

— Я вам покажу... где найти Уробаха. Итилия у него. А там уж, как получится...

— А как может получиться? — не унимался Хепат.

Акион с трудом сел, внимательно посмотрел на гнома и нехотя сказал:

— Я должен успеть добыть кость и обуздать демона. Если успею — мы победили...

— Ты победил! А мы... — задумчиво протянул Конан

— Мы победили! — настойчиво продолжал колдун. — Только так вы можете получить женщину. Только когда я обуздаю Уробаха. Иначе он нас уничтожит в мгновение ока!

— Но, если ты заставишь демона служить тебе, что тебе помешает тут же избавиться от нас?

— Ах, Конан, — слабо рассмеялся Акион, — мы вместе прошли через все эти опасности... Мне понравилось твое мужество! Я готов поклясться, что не причиню вам вреда. Забирайте женщину и живите в свое удовольствие!

— А ты опять начнешь свои бесчинства в Шадизаре?

— О, Итилия, несомненно, приукрасила мои подвиги! Она меня ненавидела и уж постаралась представить чудовищем...

— А что — она была не права? — вмешался Хепат.

— И да, и нет, — рассмеялся колдун. — Нескольких конкурентов я действительно убрал — признаю... Но дело в том, что в Шадизар я не вернусь. Меня там не очень любят, и даже при поддержке Уробаха жизнь для меня там не будет сладкой. Я попробую в другом месте... Подальше от славного Шадизара... Уробах унесет меня в Иранистан... Вы не знали, что я оттуда родом? Там я и буду править!

Акион пришел в себя удивительно быстро. Теперь он за обе щеки уплетал вяленое мясо. Быстро взглянув в хмурое лицо Конана, он добавил:

— Пусть тебя не пугает, герой, моя власть над демоном. Каждый колдун имеет в услужении какого-нибудь демона... Не будешь же ты пытаться отнять их у всего сонмища

колдунов!

- Да, пожалуй, — проворчал Конан.
- Вот видишь! — просиял Атион. — Значит, договорились?
- Пока — считай, что договорились.

* * *

Дальнейший спуск не занял много времени. Было похоже, что испытания для учеников колдунов кончились. Тропинка, плавно снижаясь, привела путников в клубы синего тумана.

— Будьте готовы, — крикнул Атион, — сейчас начнется спуск!

В тот же миг сердце Конана подпрыгнуло и забилось где-то у подбородка. Он почувствовал, что стремительно падает. Хепат заорал диким голосом. Кони заржали. Атион кричал что-то успокаивающее.

Падение прекратилось так же внезапно, как и началось. Туман клубился далеко наверху. Путники стояли на небольшой площадке, не больше базарной площади. Вокруг громоздились странные сооружения — не то замки, не то развалины древних дворцов. Фасады некоторых строений переливались всеми цветами радуги. Другие выглядели серыми и невзрачными. То же и двери. Были изукрашенные самоцветами огромные двустворчатые двери из литой бронзы или даже, казалось, из золота. Но были и обычные, потемневшие от времени простые деревянные двери.

Тишина изредка нарушалась звуками флейты и других музыкальных инструментов. Иногда же раздавался такой жуткий вой, что у Хепата тряслись поджилки.

— Ну, и где же нам искать нашего демона? — спросил Конан.

— Попробуйте угадать, — лукаво усмехнулся колдун.

— Раз он очень сильный демон, — начал Хепат, — то, скорее всего, он живет в одном из самых богатых домов.

Он указал на золотые двери, к которым вели мраморные ступени.

— Зачем сильному демону внешний лоск? — задумчиво сказал Конан. — Может быть, изнутри его жилище и украшено, но снаружи...

— Браво! — воскликнул Атион.

Он тронул коня и подъехал к одному из самых маленьких домов с простыми деревянными дверьми.

— Подождите здесь! — крикнул он, обернувшись. — Вы мне ничем не поможете.

И, спешившись, он спокойно вошел в жилище демона Уробаха.

Конан и Хепат также спешились и с тревогой смотрели на закрывшиеся за колдуном двери. Что за борьба шла там? Какими приемами Атион мог заставить демона вновь подчиниться? Успеть украдь кость? Прочитать сильные заклинания?

Конан в волнении прохаживался у закрытой двери. Хепат — ни жив, ни мертв — держал уздечки трех лошадей и не сводил глаз со скромного жилища одного из самых сильных демонов нижнего предела.

Внезапно дверь распахнулась, и вышел шатающийся, но улыбающийся колдун. Подмышкой у него была зажата та самая шкатулка, хранившая бесценную кость.

— Все хорошо, — устало проговорил он, — можете пойти и забрать свою женщины.

Внезапно он разразился визгливым, истеричным смехом. Конан заметил, что позади

колдуна стало формироваться дымное облако. Уробах! Прирученный демон! Как поведет себя сейчас Акион? Будет ли верен слову? Конан в этом очень сомневался.

— Забирайте женщину! — Акион приплясывал от смеха. — Если она захочет с вами пойти! А если и пойдет, то вы можете об этом пожалеть! А мне пора! Я оставляю вам жеребца. Выбирайтесь, как хотите! Не хватайся за меч, Конан! Я не нарушил слова! Уробах унесет меня в Иранистан. Женщина теперь принадлежит тебе. Но я не договаривался вывести вас отсюда!

Дикий, безумный смех колдуна затих вдали, когда его накрыла серая туча. Конан и Хепат остались одни.

— Ладно, — мрачно сказал киммериец, — привяжи лошадей и посмотрим, где Итилия. Войдя внутрь, друзья остановились пораженные величием обители демона.

Внутри это был огромный хрустальный дворец, сверкающий драгоценными каменьями. Своды терялись в необозримой высоте, стены были изукрашены фресками такой красоты, что хотелось забыть обо всем и любоваться, созерцать, впитывать это великолепие.

В целом, дворец сверкал так, что было больно глазам. В немом восхищении друзья переходили из зала в зал, из комнаты в комнату. Бесчисленные анфилады поражающих красотой залов! Такого великолепия ни Конан, ни Хепат не видели никогда...

Вскоре друзья пришли в галерею, где каждая комната сверкала каким-то одним цветом. Изумрудная комната, где стены, казалось, были сотканы из огромных изумрудов чистейшей воды, а прозрачно-зеленый потолок завораживал взгляд. Огромная золотая комната, вся изукрашенная золотыми чеканными листами, уставленная мебелью из чистого золота, где на столах стояли золотые кубки и блюда. Бриллиантовая комната, сапфировая, аметистовая...

Кружилась голова. Друзья повернули назад. Обойти все залы невозможно. Но теперь они заблудились. В восхищении глядя по сторонам, они не запоминали дорогу...

Конан и Хепат потерянно бродили по великолепным комнатам, совершенно не представляя, что делать дальше.

Опять пришли в золотую комнату. Или это была другая? Та, первая, казалось немного меньше... Конан устало сел в кресло. Хепат уселся прямо на огромный, пушистый ковер с золотым шитьем, устилавший пол.

— Мне чудится, или я действительно слышу смех? — спросил Конан.

— Смех? — Хепат открыл рот и приложил ладони к ушам.

— Кажется... кто-то смеется...

В это момент в комнату легкой походкой вбежала красивая черноглазая женщина в прозрачных развевающихся одеждах.

— Конан! — крепкими руками она обвила шею северянина. — Хепат! Как я рада, что вы пришли!

— Итилия! — Конан слегка отстранился и внимательно посмотрел на женщину. — Мы пришли за тобой, но мы не знаем, как отсюда выбраться...

— Отсюда не надо выбираться, Конан, — серебристо засмеялась Итилия, — тут надо жить, блаженствовать, радоваться! Тут нет горя! Тут свет и радость.

— Да... — Конан неосознанно почесал затылок. — Но демон... Он же может вернуться...

— Нет! Конан, нет! Уробах теперь служит Акиону и не вернется сюда, пока не освободится от службы!

— А когда он может освободиться? — вставил Хепат.

— Не раньше, чем Акцион умрет от старости! Но колдуны, Конан, живут очень долго! Весь этот дворец в нашем распоряжении!

— Я бы подзакусил слегка, — озадаченно сказал Конан, — а потом уж подумал бы...

— Нет ничего проще! — засмеялась Итилия.

Она хлопнула в ладоши, и золотой стол засверкал от обилия яств.

— Ты тоже научишься, Конан! Нужно четко представить себе все, что ты хочешь, и оно появится! Это же жилище демона! Мы будем так счастливы, Конан!

Недолго думая, киммериец и гном, крякнув, подсели к столу. А Итилия продолжала радостно щебетать:

— Конан, мой герой, мы будем предаваться любовным утехам от зари до зари! Мы будем любить друг друга до полного изнеможения, до потери сил!

Конан чуть не поперхнулся вином, но промолчал и принялся отдавать должное мясу. Итилия продолжала:

— Уробах часто принимал облик молодого красивого мужчины! Правда, в последнее время, у него постоянно находились какие-то дела... Мне кажется, он стал меня избегать... А так он — очень даже... Но ты, Конан!.. Ты, несомненно, лучше! Мы с тобой сольемся в вечном блаженстве.

Тут Конан заметил ошалевшие глаза Хепата и попросил женщину заказать еще мяса — жареного барана со всевозможными специями. А заодно и еще пару кувшинов вина.

* * *

— Вставай, пьянчуга! — Конан с трудом растолкал Хепата.

Опухшая от беспробудного пьянства физиономия гнома с безумными глазами вынырнула из-под роскошного, шитого золотом одеяла.

— Что стряслось? Демон вернулся? Куда? То есть, когда?

— Демон не вернулся и не вернется, а нам пора отсюда убираться! Хватит! — Конан мельком глянул в зеркало, обрамленное тяжелой золотой рамой.

С неудовольствием в очередной раз заметил, что и его физиономия изрядно опухла от вина и постоянного недосыпания, а талия стала гораздо объемнее от непомерно обильной еды.

— А женщина? — спросил Хепат, разобравшись, наконец, что к чему. — Разве она захочет уйти?

— Она пусть остается и ждет демона! — рявкнул Конан.

Затем добавил, уже мягче:

— Уходить она не хочет, но рассказала мне, как выбраться отсюда...

— Да, надо уходить, — рассудительно сказал Хепат, — тут мы погибнем от вина и обжорства!

— Не только от этого, — пробурчал Конан.

И, глянув на ухмыляющуюся физиономию гнома, добавил:

— Иди в золотой зал, закажи там припасов в дорогу... Вина — не брать! Только родниковую воду! Я пойду седлать коней.

Лошадей Конан нашел в прекрасном саду, обведающими благоуханные цветы с ухоженной клумбы. Сад примыкал к дворцу и, очевидно, тоже принадлежал демону Уробаху.

Вскоре пришел гном с двумя огромными мешками.

— Провизии много не бывает, — пояснил он, с трудом подтаскивая мешки к лошадям.

Когда все было готово к отъезду, появилась Итилия в черной походной одежде и быстрыми движениями оседлала жеребца, принадлежащего когда-то Акциону.

— Я подумала, что одни вы все же заблудитесь. — Она бросила в седло гибкое тело и тронула пятками коня.

Конан пожал плечами, помог отяжелевшему гному забраться в седло, затем сел сам и только тогда сказал:

— Ну что ж, поехали с нами.

* * *

Обратная дорога представляла собой огромный колодец, непонятной силой вырубленный в толще скал. Винтовая лестница восходила к невидимому отсюда небу. Диаметр колодца был равен длине полета стрелы. Лошади устало поднимались по бесчисленным ступеням.

— Это путь для учеников, которые хотя и преодолели все препятствия на пути в нижние пределы, но пока не смогли стать настоящими колдунами, — пояснила Итилия.

— И что же, они ползут тут по ступенькам? — спросил Хепат, недовольный тем, что постоянно съезжал к крупу лошади.

— Да, они совершают это трудное восхождение. А заодно размышают, наверное, — она улыбнулась.

— А те, кто сумел стать колдуном? — спросил Конан.

— Те, кто прошел посвящение, могут выбрать или этот путь, или тот, которым вы пришли сюда... но они проделывают его не пешком...

Как бы в подтверждение ее слов, мимо путников со дна колодца что-то с завыванием пролетело и скрылось наверху.

— Именно так... — женщина кивнула. — Этот посвящение прошел.

Когда путники на взмыленных лошадях, наконец, выбрались на поверхность, оказалось, что они находятся в обширной пещере, своды которой терялись в темноте.

— Наверное, не один колдун разбил себе голову, вылетая из колодца, как пробка из кувшина! — захохотал Конан.

— Зря ты так думаешь, Конан, — раздался сверху спокойный голос.

Из темноты медленно, будто привязанный на невидимой веревке, к ним спустился небольшого роста человек в странном расписном халате. Острые черты его лица и цепкие глаза выдавали недюжинный ум.

— Я — Эскиламп, лучший ученик Актиона, сегодня я закончил обучение и прошел посвящение, — дружелюбно произнес человек.

— И что теперь? — пробурчал Конан.

— Теперь передо мной открыт весь мир! — радостно возвестил Эскиламп. — Я должен познакомиться с другими волшебниками. У меня много дел впереди... Не могу дождаться, когда, наконец, начнется настоящая, интересная жизнь...

— А что с твоим учителем, Акционом? — перебил Конан. — Когда он снова добыл эту проклятую кость, мне показалось, что он немного тронулся умом...

— В известной мере — да! Он не сумел полностью подчинить себе Уробаха... у них сейчас как бы взаимное проникновение... В любом случае, в этих краях они покажутся не скоро.

— Откуда такая уверенность? — Итилия смотрела на новоиспеченного колдуна подозрительно и дерзко.

— Я связан с учителем неразрывными нитями, о, прекрасная Итилия, — ответствовал Эскиламп, — и я немного вижу будущее. Аktion найдет свою смерть в далеком Иранистане через пятьдесят восемь лет. Это печально...

— Ладно, как-нибудь переживем... — Конан направил коня к выходу из пещеры.

— Счастливого пути, Конан! — крикнул вслед колдун. — Мы с тобой еще не раз встретимся, обещаю!

* * *

Окраины Шадизара встретили путников воинами отбросов и многоголосием нищих и бродяг. Горшечник Ихарп, едва завидев друзей, поспешил затащить их в свою потайную комнату.

— Ты знаешь, Конан, что тебя обвиняют в смерти всеми любимого благородного купца Аktionа?! Стражники рыщут повсюду. Придется вам всем пожить у меня тут пару седмиц. Потом, я думаю, все успокоится. Но пока солдаты обыскивают дома и харчевни, склонитесь тут.

Конан мрачно осмотрел знакомую комнату-склеп и повернулся к друзьям:

— Знаете... я вот думаю — и с какой стати мы так быстро ушли из хрустального дворца демона Уробаха?..

Ник Харрис

Сокровища Стоомина

Кучерявый чернокожий мальчик бежал так, что пыль маленьками смерчами поднималась из-под его босых ног. Он торопился изо всех сил. Одними махом перепрыгивал через ямы и колдобины. Почти не касаясь земли, перемахивал через заросли крапивы и, таким образом, практически не получал уколов от этих жадных, зловредных, ненавидящих все живое, растений.

Мальчика звали Дриан. Был он учеником волшебника Эскилампа. За недолгое время обучения, его живой ум успел впитать так много, что иным ученикам иных волшебников, на усвоение такого количества знаний, требовались десятки лет.

Сейчас мальчик торопился, потому, что решалась судьба двух его друзей — Конана и Култара. Смертельная опасность, нависшая над головами двух отважных авантюристов, заставляла Дриана бежать все быстрее, пока он не попал, наконец, в объятия учителя, вышедшего посмотреть на восход солнца.

Эскиламп с некоторых пор жил высоко в горах, в пещере, укрытой великими хребтами Карпашских гор от досужих просителей, стремящихся за несколько золотых или серебряных монет получить полное представление о своей судьбе. Как правило, просители заодно стремились узнать — стоит ли в этом году продавать изготовленные бочки, горшки, мечи, сабли, топоры — или лучше подождать пока не поднимутся цены. Горы давали возможность Эскилампу остаться, наконец, одному, спокойно предаться размышлениям, не опасаясь, что на пороге появится очередной проситель, непременно желающий узнать, станет ли ему изменять жена, если он жениться на кривой, горбатой, одноглазой девушке накануне полнолуния.

Волшебник Эскиламп был молод (по виду), строен и гибок, красив лицом и быстр в движениях, за поясом всегда носил старинный кинжал, представляющий собой магический артефакт такой силы, какая смогла бы, при ненадлежащем применении, уничтожить мир в считанные минуты. По роду деятельности он нес ответственность за небольшую планету под названием Земля, в период времени, исчисляемый сроком его жизни. К концу жизни (а длина жизни волшебников несоизмерима со временем, отпущенными простым смертным) он обязан был подготовить приемника.

Выбор приемника представлял сам по себе большую трудность. Из многих тысяч одаренных детей следовало выбрать того, единственного, который смог бы в дальнейшем оберегать этот мир от вторжения существ из-за Круга и иных, не менее грозных, опасностей.

Во времена Битвы Двух Талисманов Эскиламп совершенно случайно познакомился с чернокожим мальчиком — беспризорным жителем страны Куш — и опытным глазом узрел в нем своего будущего приемника. У мальчика был острый ум, способность схватывать знания, что называется, налету, но, самое главное, в нем дремала мощь настоящего волшебника очень высокого уровня.

Дриан был типичным представителем своего народа — шоколадная кожа, темно-карие глаза с ослепительными белками, жесткие, как проволока, кучерявые волосы, толстые губы. Единственное, что отличало мальчика от его соплеменников, это тонкий, изящный, словно

доставшийся от белого человека аристократической, голубой крови, нос.

— Учитель! Скорее! Нельзя терять! Ни минуты! Конана! Сейчас! Убьют! — Дриан задыхался от быстрого бега и из последних сил выбрасывал нужные слова.

Эскиламп, умевший, при определенных условиях, видеть будущее, знал, что Конану суждена долгая жизнь, и сейчас погибнуть он никак не может. Но волшебник умел ценить заботу о Друзьях и потому согласился прервать размышления о предстоящей схватке с неким демоном, пытающимся овладеть одним достойным человеком, и спокойно выслушать мальчика.

Дриан отдохнул, сосредоточился и стал похож на самого Эскилампа, только другого цвета и вдвое меньше ростом.

— Я сидел на берегу ручья и выполнял задание по медитации, — начал мальчик деловым тоном, — мне никак не удавалось увидеть внутренним взором благословенный цветок лотоса, произрастающий из моего пупка. Вместо лотоса, вырастал репейник, очень колючий и кривобокий...

— Ты опять неправильно дышал, — сказал Эскиламп, — забыл о среднем и верхнем дыхании.

— Да, — удрученно произнес мальчик, — я опять дышал одним животом. И, как я теперь понимаю, поэтому мне и привиделся репейник. Но я увидел и еще одну сцену. Теперь не знаю, было ли это прозрением или мороком, оттого, что неправильно дышал...

— Расскажи, что ты видел, — ласково сказал Эскиламп.

Они сидели на плоских валунах на краю пропасти, именно там, где тропинка, по которой так любил гулять волшебник, подходила к самому краю. Из-за подбежавшего Дриана, восход солнца Эскиламп пропустил и был слегка раздосадован. Огромный шар уже поднялся над вершинами, даря миру свои животворящие лучи.

— Я вдруг увидел, что Конана и Култара преследует целая орава горцев — человек тридцать. Они скачут по дороге, ведущей в ущелье, заканчивающиеся тупиком. Наверное, Конан об этом не знает, иначе бы свернул. Но теперь уже поздно, — мальчик горестно вздохнул, — развалку они проехали. Кони у них очень хорошие, даже лучше, чем у горцев, но они попадут в западню и погибнут. Неужели ничего нельзя сделать?

В его карих глазах блеснули слезы. Эскиламп погладил ученика по кучерявым волосам.

— Подожди немножко, я посмотрю... — он застыл, словно вдруг превратился в камень.

Дриан знал, что сейчас душа учителя неслась туда, где недавно побывала его собственная — в ущелье, оканчивающееся тупиком. Была последняя надежда, что учитель сумеет найти выход и спасет Конана и Култара от кривых сабель дикарей-горцев.

— Эта скачка начнется завтра в полдень, — очнувшись, сказал Эскиламп, — и мы успеем что-нибудь придумать. А кони у них действительно хорошие, их подарила Иолина.

— Кто такая Иолина?

— О, — волшебник усмехнулся, — Иолина — женщина, умеющая летать и питающаяся кровью. Она не из нашего мира. Пришла, чтобы наказать своего брата-любовника. Заморочила нашему другу голову вымыщенными опасностями. В результате, думая, что спасает мир, Конан убил ее брата, что ей и требовалось. Правда, братец был тоже не подарок. А Конану она обещала помочь в деле добывания королевской короны.

— А она поможет, или это тоже ложь?

— Поможет... Я думаю, что поможет.

— А зачем это ей нужно? — Дриан озабоченно повертел кучерявой головой.

— Здесь мы вступаем в зыбкий мир предположений, — Эскиламп задумался, — возможно, она хочет иметь в нашем мире друга-короля, а не просто друга-искателя приключений.

Дриан кивнул:

— Друг-король, это, конечно, лучше. Но что с завтрашней погоней? Как им помочь?

— Есть несколько простых вариантов, — беспечно сказал волшебник, — например, проделать в скале, которой заканчивается ущелье, проход для Конана и Култара...

— Или сказать им, чтобы вообще, не ездили по той дороге!

— Видишь ли, вмешиваться в ход событий нужно, как можно меньше. Если мы предупредим Конана, что поход за тем самым злополучным горшком с алмазами, который он, когда-то закопал, а теперь не может найти, закончится скачкой, ведущей в тупик... — волшебник задумался.

— То что? — не выдержал Дриан.

— То мы вмешаемся в естественный ход событий, и никто не знает, как это отразится на будущем. Если же мы проделаем щель в скале, а Конан сам ее найдет — мы как бы ничего не изменили... Так, небольшая трещина, проход в пещеры, которыми, я знаю, изобилует та гора... — Эскиламп рассеянно посмотрел вокруг.

Утреннее солнце, рассыпая ласковые, еще не обжигающие лучи, словно поглаживало горы нежной материнской рукой. Запели птицы — горные соловьи, в изобилии селившиеся вокруг жилища волшебника. Дриан подозревал, что в этом случае, учитель решил-таки изменить реальность: поселил этих милых птичек у входа в свои пещерные апартаменты.

Вообще, природа вокруг места поселения Эскилампа, волшебным образом расцвела. Откуда ни возьмись, появились стройные деревья, совсем не походившие на те исковерканные, горные деревца, которые иногда лепятся на скалах. Ветер нанес плодородную почву на уступы, окружающие пещеру мага, занес семена деревьев, выросших всего за несколько дней до размера годовалых и продолжающих расти с удивительной быстротой. Небывалые цветы вдруг расцвели в мелких расщелинах скал, наполняя горный воздух, невиданным ароматом. А вот, поодаль, на тропе, по которой ходили к магу просители, и по которой только что козлом скакал Дриан, буйным цветом вдруг расцвела крапива всех видов и размеров. Пройти эти заросли отваживались только те, у кого действительно было неотложное дело к волшебнику.

— А как мы проделаем ход в пещеры — устроим небольшое землетрясение?

— Спаси тебя боги от этой затеи! — с притворным испугом воскликнул Эскиламп.

— Почему? — не понял Дриан

— Ты погубишь множество мелких тварей и, вообще, изменишь окружающий пейзаж — хоть немного, да изменишь! Нет, нужно просто расколоть скалу с помощью заклинания. Это будет минимальное вмешательство, совсем безобидное. Как раз тебе для тренировки.

— Но, может... Все же... Вдруг я не смогу и Конан погибнет? — мальчик был смущен огромной ответственностью, обрушившейся на его хрупкие плечи.

— Так нужно смочь, — наставительно сказал Эскиламп, — отправляйся немедленно. Как раз к завтрашней погоне и успеешь.

— Будь проклят этот горшок с алмазами! — в который раз повторил Конан, вновь поворачивая коня в направлении развалин замка Кушуха.

Култар покорно повернулся следом. Он давно смирился с тем, что заветный клад утерян безвозвратно.

— Может, плюнем на эти алмазы? — для примера южанин смачно плюнул под ноги своему коню.

— Мне все чаще сдается, — мрачно пробурчал Конан, — что сокровища Исчезающего Замка в руки не дадутся. Теперь — не дадутся. Нужно было сразу.

— Что это за Исчезающий Замок? — полюбопытствовал Култар.

— Исчезающий Замок? — задумчиво переспросил Конан.

— Вон где-то на тех вершинах, — он махнул рукой в направлении Карпашских гор, — появлялся призрачный замок. Там я и нашел, в конце концов, эти алмазы, которые теперь исчезают так же, как и замок.

И он надолго замолчал, погрузившись в воспоминания.

Горцы появились внезапно, словно саранча из-за холма. Человек тридцать на красивых, поджарых лошадях, с развивающимися от быстрой скачки гривами и хвостами. Тридцать воинственных дикарей, каждый из которых с детства учился владеть саблей и скакать на коне. Они мчались с диким гиканьем, с посистом и визгами — небольшая орда, вполне способная без труда справиться даже с десятком опытных воинов.

— Конан, смотри! — крикнул Култар, хотя Конан увидел горцев значительно раньше и уже разворачивал коня.

— Кром! Нужно убираться. Спасибо Иолине — кони нас вынесут!

Друзья поскакали по единственной дороге, ведущей в ущелье, которое местные жители называли «Лисья западня». Охота на лис была отработана несколькими поколениями живущих в горных селениях лихих наездников. Цепью рассыпавшись по взгорьям, они загоняли нескольких лисиц в ущелье, оканчивающееся тупиком, и спокойно рубили их саблями или доставали стрелами. Поэтому и дорога туда была наезжена, будто вела к большому городу.

Конан, направляя коня по хорошо утоптанной дороге, даже не предполагал, что она закончится отвесной стеной. Гиканье горцев чуть отдалилось — кони, оставленные Иолиной, действительно были очень хороши. Дорога привела друзей в тесное ущелье, обрамленное отвесными скалами. Вероятно, в незапамятные времена тут протекала горная река, за многие тысячелетия превратившая небольшой распадок в мрачное, дикое ущелье. Теперь от обеих стен между которых скакали Конан и Култар, отражалось эхо погони, превращая свист и визг горцев в ужасную, способную свести с ума, какофонию звуков. Конан скоро стал подозревать западню — трудно было поверить, что это ущелье окажется дорогой, ведущей к большому городу. Скорее всего, размышил киммериец, дорога приведет прямиком в селение горцев — в самое осиное гнездо! Но действительность оказалась и того хуже. Дорога привела в тупик. Отвесные скалы нависли с трех сторон.

— Кром! Это ловушка! — воскликнул Конан.

Нет, не залезть. Успеют снять стрелами, прежде чем доберешься и до половины. А Култар не сможет даже и до половины добраться. Кроме того, коней жалко бросать. Придется биться в надежде, что удастся прорваться. Ширина ущелья позволяла скакать рядом трем-четырем всадникам, не больше. Значит, нужно будет убить всех! Шансы не велики. Кроме того, горцы отличные стрелки. И мечом взмахнуть не успеешь, как окажешься утыкан

стрелами, как ворона перьями!

— Конан, смотри! — крикнул Култар, указывая наверх.

На скалах стоял чернокожий мальчик, одетый в богато расшитые шаровары и халат, усеянный странными, цветными узорами.

— Он куда-то показывает! — Култар глянул в том направлении, куда показывал мальчик. Стена. Сплошная стена. Нет, уже не сплошная. Мелкие трещинки змеились у самой земли. С треском лопался камень, стреляя крохотными осколками.

— Дриан, — прошептал Конан, затем крикнул во все горло, — Дриан! Он послан Эскилампом!

— Он открывает проход, — Култар еле сдерживал осыпаемого камешками коня.

Через несколько мгновений, в скале зияла трещина такой величины, что свободно можно было проехать верхом.

— Он что-то кричит, — Конан напрягал слух, но ущелье наполняли отзвуки приближающейся погони, — показывает... Туда! Это проход!

Култар успел подхватить с земли сухую ветку — ведь они сейчас нырнут в темноту, нужен будет факел — и скрылся в расщелине, вслед за Конаном. Трещина, извиваясь, как змея, тянулась в самое сердце горы. Позади слышался грохот камнепада. По всей вероятности, Дриан спешил закрыть проход до того, как прискакут горцы.

Култар зажег ветку. Огонь затрепетал, почти задуваемый сильным потоком воздуха, но вскоре ветка разгорелась, и друзья смогли осмотреться. Они оказались в довольно обширной пещере с высокими сводами. Спасший их тоннель исчез. Но самое удивительное было в том, что неподалеку находилась вырубленная в скале лестница. Ступеньки потрескались и покрылись пылью. Похоже было, что лестницей давно не пользовались.

— Я почему-то вспомнил легенды о гномах... — протянул Култар в раздумье.

— Да, возможно, — Конан посмотрел на сгоревшую до половины ветку, — думаю, что кони пройдут: лестница не очень крутая. Нам нельзя медлить, если не хотим пробираться на ощупь.

Он спешился и, ведя в поводу коня, широким шагом направился к неровным ступенькам. Култар, высоко подняв горящую ветку, поспешил следом. Ступени, выбитые неизвестным народом в стене, скоро потянулись в узкий тоннель, пробитый в сводах пещеры. Лошади тревожно ржали, но покорно шли за людьми.

Вскоре тоннель привел в еще более обширную пещеру, освещенную, к удивлению друзей, дневным светом. Наверху, под самыми сводами, были пробиты узкие окна, сквозь которые в недра горы пробивался солнечный свет.

— Помнится, Хепат рассказывал, как устроены жилища гномов, — сказал Конан, разглядывая пещеру, — тут, правда, нет того великолепия, о котором любил говорить мой бедный друг...

— Хепат, это тот гном, что был твоим оруженосцем? — уточнил Култар.

— Можно сказать и так, — грустно ответил Конан, — он считал себя моим оруженосцем, хотя был просто хорошим другом.

— И что же он рассказывал об устройстве гномьих пещер?

— Ну... — Конан помедлил, вспоминая, — говорил, что пещеры освещены дневным светом... Пробиты окна, которые снаружи заметить невозможно... Что там еще? Говорил, что красота-де... Самоцветы кругом... Все сверкает...

— А тут только пыль, нанесенная через эти самые окна, — закончил Култар.

— Посмотрим, может, отсюда есть выход в другие пещеры. Должен быть...

Друзья неспешно отправились на разведку. Шли вдоль стены, заглядывая в гроты, внимательно осматривая каждый камень, который мог оказаться потайной дверцей. Выхода не было. Если бы не окна наверху и не лестница, можно было подумать, что пещера самая обычная, из тех, что часто встречаются в горах.

— Пожалуй, нужно закусить, — сказал Конан, когда они вернулись к исходной точке, — а заодно подумать, как нам отсюда выбираться.

Култар распаковал седельные сумки, разложил дорожную снедь, откусил хороший кусок от лепешки и застыл с набитым ртом, раскрыв глаза так, как природой ему положено не было.

Из грота гуськом, как утят, выходили бородатые дети. По росту: лет пяти — шести, не старше. Култар протер глаза — да нет, не дети. Не говоря уж о том, что каждого украшала пышная борода, они были хорошо вооружены — длинные кольчуги до колен, небольшие, но широкие сабли за спиной топоры и несколько кинжалов за поясом.

Рукояти кинжалов нестерпимо сверкали блеском хорошо отшлифованных алмазов и изумрудов.

Конан, увидев изумление друга, обернулся. Так и есть — гномы! Один, два, три... Конан насчитал двенадцать гномов, не глядя на него, шествовавших наискось через пещеру к противоположной стене, в которой не было и намека на дверь.

Все так же молча, чинно, не смотря по сторонам, будто и не заметив присутствие людей, гномы подошли к стене, передний нажал на какой то камень, и часть стены бесшумно отошла в сторону. Отряд скрылся в проходе, только последним гномом обернулся и недобро сверкнул глазами, затем закрыл дверь, и пещера вновь стала необитаемой.

Култар проглотил, наконец, торчащий изо рта кусок, после чего, его кадык еще долго ходил вверх-вниз, точно он все глотал и глотал свою лепешку.

— Конан! Ты видел? Ты видел??

— Нет, — сердито пробурчал киммериец, — смотрел в потолок, а потом зажмурился!

— Но почему?.. Почему они не остановились. Скажи — почему?

— Кром! Откуда я знаю?! Может, у них не принято разговаривать с теми, кто вторгся в их жилище?

— Но мы... Мы же не специально... Не нарочно.

— Но они-то об этом не знают, — усмехнулся Конан, — сейчас оповестят всех, что вторглись чужаки и нам придется солоню!

— Но мы объясним!.. Мы расскажем...

— Интересно, как ты будешь объяснять, когда тебе с четырех сторон станут рубить ноги? Этим ребятам, я думаю, проще всего атаковать ноги!

— О боги! Нужно рассказать...

— Кому?

— Им! — Култар кивнул на глухую стену пещеры.

— Вероятно, они в любом случае постараются нас прикончить. Ведь мы узнали тайну их жилища. Хотя, конечно, попытаться вступить в переговоры нужно.

— Конечно, — радостно подхватил южанин, будто опасался, что Конан немедленно кинется громить гномье царство, — конечно, мы объясним, что мы...

— Вот только, куда идти? За ними или туда, откуда они пришли? — раздумывал Конан, не обращая внимания на лепет товарища.

Через несколько минут, киммериец принял решение:

— Пойдем туда, откуда они пришли! Знаешь, почему? — он повернулся к южанину.

— Почему?

— Там, куда они идут, приготовятся к атаке. А там, откуда они идут, о нас еще не знают.

Мы застанем их врасплох, и, может, успеем вступить в переговоры.

— Правильно! — воскликнул воодушевленный Култар, затем добавил с видом заговорщика:

— Мы расскажем им, что не нарочно вторглись...

— Но даже, если нас встретят, как гостей, — перебил Конан, — нужно быть начеку.

Много не пить, а лучше не пить вообще, их зелья...

— Почему?

Конан сурово посмотрел на друга, и тот, не свойственным ему жестом, хлопнул себя по лбу:

— Конечно! Чтобы не подсыпали чего-нибудь — сонного зелья или яду!

— Вот именно. Мы узнали их тайну, а лучший способ сохранить ее — тайну — это убить тех, кто ее узнал!

Култар суетливо кивал, собирая разложенную снедь.

— Подожди! Я же еще не поел! — Конан глянул на друга с укором.

— Да, да, конечно, — зачастил тот, — нужно пожаловать в гости к гномам не голодным, чтобы не подвергаться искушению,

— Одно плохо, — мрачно сказал Конан, — кони не пройдут в эту дверцу. Придется пока оставить их здесь. Боюсь, что когда мы вернемся — если вернемся — от них останутся обглоданные ребрышки.

— А что — «гномы любят конину»? — осведомился Култар.

— Они, насколько я помню, любят любое мясо, — сказал Конан, — Хепат, мне кажется, смог бы есть и человечину!

— Любой из нас, если приспичит, может съесть и человечину, — философски заметил южанин, упаковывая в сумки самое необходимое — то, что придется теперь нести на себе.

Заметив грот, из которого вышли гномы, можно было не сомневаться, что тщательное изучение трещин приведет к нужному результату. И, тем не менее, друзья потратили немало времени на то, чтобы обнаружить дверь. Собственно, дверь обнаружилась сама, когда Култар случайно нажал на какой-то камень. Открывшийся проход, рассчитанный, естественно, на гномов, приглашал людей встать на четвереньки и ползти в неизвестность. Култар попытался, было, шагать на корточках, переваливаясь, как старая утка, но быстро оставил эту затею, последовав примеру Конана, бодро «шагающего» по-собачьи.

— Кром! Я порву последние штаны! — с досадой, бормотал киммериец.

— А у меня уже болят колени, — жаловался Култар.

— Колени-то заживут, а вот, штаны...

По счастью, низкий тоннель скоро кончился, и друзья вползли в следующую пещеру, так же освещенную солнечным светом. С трудом расправив затекшие тела, они застыли в изумлении. Пещера явно была обитаема и сверкала именно так, как об этом рассказывал

Хепат. Вкрапления самоцветов на стенах — в тех местах, куда падали солнечные лучи, наполняли пещеру волшебным светом. Разноцветные сталактиты были искусно обработаны и изображали живых существ — драконов, великанов, грифонов. Своды пещеры были украшены резьбой, и Конан недоумевал, как гномы смогли это сделать — вряд ли они сооружали деревянные настилы, как это делают люди, при обработке стен и потолков. Деревья в пещерах не растут, и трудно было представить, чтобы гномы рубили леса где-то на поверхности.

— Конан, смотри, — шепнул Култар, — кто-то идет.

Из-за разноцветной статуи дракона вышел небольшой отряд бородатых воинов.

— Не вздумай схватиться за меч! — предупредил Конан.

Отряд, насчитывающий около двадцати хорошо вооруженных гномов, неспешно приближался. Впереди шествовал старик, украшенный седой бородой и множеством шрамов. На поясе у него висел топор, внушительных размеров даже для человека, на голове ослепительно сверкал золотой — несомненно, золотой, подумал Култар — шлем, а глаза из-под седых, мохнатых бровей смотрели злобно и остро. Все гномы были облачены в длинные кольчуги, из-под которых виднелись только хорошо начищенные сапоги. На поясе у каждого висел топор, а за поясом, как и положено, виднелись два-три кинжала, богато украшенных драгоценными камнями.

Отряд остановился в нескольких шагах от выступившего вперед Конана, и старик, сверкнув глазами, учтиво произнес:

— Привет вам, незваные гости! Я Воомин, командир охраны. Что привело вас в наше скромное жилище?

Конан учтиво склонил голову, приглядываясь к собеседнику. Маленькие глазки, огромный нос, в форме картошки, невероятная борода — ничего больше увидеть не удалось.

— Привет и вам, почтенные хозяева! Мы попали в ваше царство случайно, спасаясь от погони. Мой старый друг — к сожалению, ныне покойный — гном Хепат из клана славного царя Вармина, рассказывал, как красивы пещеры, где живут гномы. Но то, что я увидел своими глазами — превзошло все ожидания.

Конан надеялся, что старая дружба с гномом расположит к нему прочтенного старика, но, похоже, ошибся.

— Тот, кто вышел из пещер и стал водить дружбу с людьми — больше не гном! — гневно молвил предводитель отряда, и его воины одобрительно зашумели.

— Но все его племя было уничтожено обезьянами, он остался один...

— Он должен был примкнуть к другому племени гномов, а не идти к людям!

«А действительно, — мелькнуло в голове киммерийца, — почему он не пошел жить в другой клан? Неужели его бы выгнали? Ах, да... Он же струсили... убежал... Его могли действительно не принять...»

— Поверь,уважаемый гном, — вкрадчиво начал Култар из-за спины товарища, — мы не хотели тревожить ваш покой. Все вышло случайно. Теперь, мы хотим просто выбраться — не покажите ли вы нам дорогу?

— Тот, кто узнал тайну гномов, должен умереть, — спокойно, даже как-то буднично, ответил старик, и его воины рассыпались полукругом, охватывая пришельцев с трех сторон.

— Ты не должен принимать такое скоропалительное решение, — не менее спокойно сказал Конан, молниеносным движением, обнажив меч, — все твои воины погибнут, а мы все равно выберемся, хотите вы или нет.

Старик, который теперь стоял позади своих воинов — командир должен себя беречь, чтобы командовать дальше — медлил с началом сигнала к атаке, оценивая ситуацию. Особенно впечатлял меч этого гиганта — такого учтивого, спокойного и уверенного в себе. Меч превосходил все мыслимые и немыслимые ожидания. Если поставить одного гнома на плечи другого, то и тогда они не достанут макушкой до гарды этого невероятного меча.

Старик представил, как клинок, словно косой, одним махом скашивает всех его воинов и поежился. Такой меч, да в руках такого воина... А тут еще второй, с хитрыми узкими глазками, прежде суетливый и заискивающий — а теперь твердый, как сталь кинжалов, изготовленных самыми лучшими мастерами, — стоит готовый к любому бою с любым противником... Хм, нет, лучше, пожалуй...

— Ну что ж, — гном хитро прищурился, — вы сильные и отважные воины, а мне дороги мои люди... Я приглашаю вас в гости. Наш царь — великий Стоомин, основатель и бессменный владыка нашего государства — будет рад увидеть таких сильных и смелых воинов.

По едва заметному знаку предводителя, гномы вновь построились в шеренгу и привели оружие в походное положение — топоры засунули за пояс, а кинжалы спрятали в ножны. Дисциплина у старика Воомина была воистину железной!

— Следуйте за нами, пришельцы, — добавил он с нескрываемой досадой, и отряд гуськом направился, как понял Конан, в следующую пещеру.

Миновав несколько разного размера пещер, так же богато изукрашенных вкраплениями горного хрусталя, кварца и самоцветов, друзья, вслед за отрядом гномов-охранников, вползли в тронный зал. То, что людям приходилось ползти на четвереньках, очень понравилось Воомину. Он буквально лучился злобной радостью, непрестанно оборачиваясь и наблюдая за перемещением гостей. Когда же, миновав очередной тоннель, Конан и Култар распрымлялись, радость гнома мгновенно улетучивалась, вытесняемая злобой. Не раз киммериец видел, что глава охраны примеривается к его ногам, неосознанно поглаживая рукоять топора. В такие минуты Конан вполне осознанно поглаживал рукоять меча, и отряд вновь двигался вглубь горы. Хотя, пещеры располагались, вероятно, не в недрах горы, а скорее, по внешней ее стороне — в одной стене каждого зала непременно виднелись окна в один или несколько рядов.

Тронный зал, в который прибыли, наконец, гости, представлял собой пещеру с хорошо обработанными стенами и арочным сводом, поддерживаемым несколькими рядами витых колонн. В центре, как и положено, находился трон — на возвышении; чуть ниже — ряды каменных столов и скамеек, а в дальнем конце зала виднелся огромный очаг, в котором можно было зажарить лошадь. Подумав о лошадях, Конан нахмурился — вряд ли он увидит снова своих коней.

— Тут у них и пиршства проходят, — зашептал Култар, — а вон в том очаге, вполне можно зажарить и...

— Я знаю! — рявкнул Конан так громко, что Воомин удивленно оглянулся.

— Подождите здесь, — гном учтиво склонил голову, сверкнув глазами, — великий царь Стоомин в честь гостей, сегодня устроит пиршество.

Конан кивнул и, не дожидаясь приглашения, уселся на ближайшую скамейку. Култар пожал плечами и последовал его примеру — ждать придется долго. Гном с явным осуждением глянул на пришельцев, но ничего не сказал и, вместе с охраной, направился к одному из тоннелей, чернеющему в противоположной стене.

— Как у них тут стены отполированы! — восхитился Култар, ерзая на жесткой каменной скамье.

— Да, гномы, похоже, действительно большие мастера в деле обработки камня, — Конан лениво осматривал тронный зал, — а узоры из самоцветов в стенах, вообще... глаз не оторвать.

Говоря так, он, тем не менее, скользил глазами по всему залу, постепенно наполняющемуся гномами. Маленькие жители пещер, все, как один, украшенные пышными бородами, постепенно рассаживались на скамейках, следуя, очевидно, каким-то своим правилам.

Конан заметил, что места вблизи трона пока пустуют.

— Смотри, Конан, — зашептал Култар, — они все без оружия! Хитрые бестии! Наверное, скажут, что тут такая-де традиция...

— Нам ни в коем случае нельзя отдавать оружие, — спокойно сказал киммериец, быстро осматривая каждого вошедшего в зал, — тем более что кинжалы у них спрятаны под рубахами!

Действительно, у многих гномов рубахи странным образом оттопыривались.

— Да у них там и топоры могут поместиться, — усмехнулся южанин, поглаживая рукоять меча.

Близь очага уже сутились гномы. Скоро развели огонь и на вертелах подвесили жариться большие куски мяса.

— Интересно, откуда у них мясо? — Култар, в раздумье, почесал за ухом.

— Мне тоже любопытно... Не наши ли лошадки? Не зря же они жарят именно куски, а не целиком тушу, иначе мы сразу бы догадались.

— Ну, куски, вообще-то, быстрее жарить... может, они просто торопятся...

— Может, и так, — согласился Конан, но откуда *вообще*, у них мясо? Из пещер они не выходят, скот разводить в недрах горы невозможно, чтобы кто-то им поставлял коров и овец, я не слышал... Люди считают, что гномы — это просто старая легенда... Откуда мясо?

— Да, это еще одна загадка гномов, — Култар превратил глаза в щелочки, рассматривая жарящиеся на огне куски, — никакой формы... ничего, чтобы можно было понять... просто куски...

— Великий Стоомин, приглашает вас разделить с ним трапезу, — Воомин появился, будто из-под земли, — только у нас не положено на званый царский обед, являться вооруженными!

— А у нас не положено даже на миг расставаться с оружием! — Конан встал во весь рост и потянулся. По залу прошел гул — гномы оценили его рост и силу.

Несспешно он направился к трону, на котором уже сидел, скособочившись, седой, высохший гном, с тусклым взором слезящихся глаз.

Остановившись в нескольких шагах от трона, Конан склонил голову, не опускаясь на колено, как это полагалось перед царями, и сказал:

— Великий царь! Мы совершенно случайно попали в твое царство. Мы благодарим тебя за приглашение на обед и с благодарностью разделим с тобой трапезу.

В глазах царя, что-то промелькнуло, и он показал сморщенной рукой на стол, стоящий справа от трона. Тут же глаза Стоомина потухли, и он бессмысленно уставился в пространство.

— Великий царь приглашает вас занять почетные места, — прошипел откуда-то снизу

Воомин.

Конан уже догадался, что Стоомин полностью выжил из ума и царством управляет начальник охраны. А учитывая его желание убить непрошенных гостей, следовало быть предельно осторожным.

Не подлежало сомнению, что весь этот обед — уловка, имеющая целью напоить или даже опоить зельем пришельцев, чтобы спокойно затем поджарить их на костре. Кроме всего прочего, это объясняло, откуда у гномов берется мясо.

Конан и Култар уселись за стол, на котором уже стояли кувшины с вином, кружки и два блюда с поджаренными кусками ароматно дымящегося мяса. Кружки и кувшины у всех были самыми обычными — глиняными, блюда — тоже. Вообще, посуда гномов не свидетельствовала о какой-то сказочной роскоши, которая, согласно легендам, окружает гномов. Заиграли волынки и флейты. Пир начался. Никто не произносил тостов, никто не уговаривал пить до дна, как это часто бывает у людей во время застолий. Все ели и пили, большей частью молча, лишь иногда тихо переговариваясь. О людях словно забыли.

— Демоны их забери, — прошептал Култар, — так хочется попробовать вина! Интересно же — какое вино пьют гномы!

— Рискни, — усмехнулся Конан, — попробуй. Потом не проснешься.

— То-то и оно, — вздохнул южанин, — ну, хоть мяса поесть!..

Он впился зубами в поджаристый до хрустящей корочки, ароматный кусок.

— Странный вкус... Конан, попробуй!

— Нет, спасибо, я не голоден, — хотнул киммериец, оглядывая жующих гномов за соседними столами.

Все ели и пили всласть. Постепенно винооказало свое действие. Начались споры, кто-то заливишь смеялся, другие вполголоса напевали песню, показавшуюся Конану до боли знакомой.

— Кром! Да ее же любил петь Хепат. Я даже помню слова! Как там?.. — и он запел вместе с гномами.

Култар ловил удивленные взгляды Воомина, слушал одобрительные возгласы гномов, сидящих за соседними столиками. Теперь пели все. Даже сам Култар поймал себя на том, что тянет незнакомые слова, будто когда-то слышал эту песню. А, может, и слышал? Уж очень знакомая мелодия!

Вскоре пьяные гномы смотрели более дружелюбно. А через несколько минут после окончания песни молодой гном, сидевший по другую руку царя, вскочил с места и выбил кувшин с вином у повара, подающего на стол, за которым сидели Конан и Култар. Прокричав на чудном языке гномов несколько резких слов, он взял кувшин со своего стола и поставил перед Конаном.

— Он не позволяет отравить нас, — зашептал Култар.

Конан встал, демонстративно налил из кувшина в кружку, поклонился молодому гному и выпил единственным духом. Зал одобрительно зашумел. Где-то в углу опять затянули песню. Воомин, сверкая глазками, так же поклонился молодому гному и сел, угрюмо глядя в стол.

— Не иначе, это сын царя, — опять зашептал Култар, — он не позволяет отравить нас.

— Да, его вино можно пить, — согласился Конан, — и я скажу, очень неплохое вино. Все-таки гномы ведут какую-то торговлю, иначе, откуда у них вино?

— Может, оттуда же, откуда мясо? — изрек Култар и сам удивился своей фразе. Он также успел попробовать крепкое вино из кувшина царского сына.

— Они, конечно, могут собирать в горах дикий виноград, — задумчиво протянул Конан, — но из него вино не будет таким ароматным.

— Я пил вино из дикого винограда — никакого вкуса, кислятина! — Култар нетвердой рукой налил в кружки.

— Ты поосторожней, — нахмурился Конан, — царское вино не отравлено, но крепость хорошая. Развезет, меч поднять не сможешь.

— Кто? Я — не смогу?!

И прежде чем, Конан успел что-то сказать, южанин вскочил, молниеносным движением выхватил меч и, выскочив на открытую перед троном, стал выделывать такие трюки, что гномы повсюду скакивали с мест, стараясь не упустить ни одной детали выступления пьяного гостя. Култар буквально окутался облаком из сверкающей стали, успевал перебрасывать меч из руки в руку, подпрыгивал, кувыркался, вертелся юлой, не переставая работать мечом так, как если бы он сражался с десятком противников. Даже Конан не смог бы повторить многое из того, что выделывал его друг. Култар, несомненно, был выдающимся фехтовальщиком, учившимся у великих мастеров юга. В конце он вложил меч в ножны и пошел молотить по воздуху руками и ногами в таком темпе, что невозможно было уследить за его движениями. То и дело его сапоги мелькали гораздо выше его собственной головы, словно он пинал невидимого великана, а руки рубили расплющенной ладонью, как саблей, по горлу воображаемого противника.

Окончив стихийное выступление, южанин поклонился царю и его сыну и, слегка пошатываясь, направился к своему столу. Зал взорвался криками. Пьяные гномы бурно выражали свое восхищение этим человеком, таким ловким, что справиться с ним не смогли бы и несколько десятков подземных воинов. Конан не знал, что и сказать. С одной стороны — глупо и опасно было выхватывать оружие — гномы могли принять это за покушение на царя и броситься в атаку. С другой — раз уж они не бросились — было совсем неплохо показать им возможности непрошеных гостей, чтобы не возникало соблазна перерубить им ноги и поджарить в очаге.

— Глупо, гм, но неплохо, — пробормотал он, глядя на сияющего Култара, принимающего поздравления восхищенных гномов.

Сын царя, стройный, как мальчик, гном с чистым, нежным лицом и только что выросшей бородкой, торжественно подошел и протянул южанину свой кинжал, сверкающий, как волшебный жезл мага, переливами драгоценных камней.

Култар с поклоном принял драгоценный подарок. Гномы зашумели так, словно на зал обрушился ураган. Они кричали, свистели, улюлюкали, иные лезли обниматься, но доставали только до пояса, ввиду чего Култару пришлось брать их подмышки, по очереди поднимать и целоваться как с самыми близкими друзьями.

Конан усмехнулся. Гномы вовсе не были угрюмыми, вечно недовольными существами, какими их рисует молва. Конечно, следовало учесть, что они разогреты крепким вином и блестящим выступлением пришельца. И все же... Все же — гномы веселые существа. Конан налил из кувшина. Вино, подаренное царем, кончилось. Но уже другой кувшин стоял на столе. Киммериец налил из него. Затем принесли еще несколько кувшинов и свежие порции мяса. Люди и гномы пили, целовались и пели песни...

Потолок из неровного, плохо обработанного камня, несомненно, опускался — очень медленно, но неизбежно, как прилив на море.

Море! Конан закрыл глаза и увидел себя на палубе корабля под сверкающими лучами солнца. Вокруг — лазурное ласковое море, спокойное и безмятежное, как улыбка матери. Матросы драили медные части оснастки. Другие ставили паруса в ожидании бриза. Простор, свобода, безнаказанность удачливого пирата...

Пещера была невелика — шагов пять на пять. Стены ровные, хотя и обработаны из рук вон плохо. Предназначена, конечно же, для казни приговоренных к смерти. В этом можно было не сомневаться, глядя на бурый налет на полу и костяное крошево под руками. Свет проникал через множество маленьких, с два кулака, окошек. В большинстве из них, правда, виднелись любопытные глаза и бороды гномов, но некоторые были свободны и давали достаточно света, чтобы убедиться — через несколько минут непрощенным гостям предстоит оказаться раздавленными.

— Говорил, не надо было пить вино гномов, — сказал Конан очнувшемуся Култару.

Тот ошарашено вертел головой, постепенно осознавая происшедшее. Да, гномы на поверку оказались точно такими, как о них рассказывали легенды — злобными и коварными. Вчерашняя пьянка с объятиями — не в счет.

— Как же они?.. Как они могут? Вчера обнимали, а сегодня?..

— Ну, во-первых, те, кто обнимал, могли в этом и не участвовать, а, во вторых...

— Конан! Он опускается! Смотри! — перебил Култар.

— Я знаю, — сердито сказал киммериец и показал на одно из окошек — смотри, наш друг Воомин. Это, конечно же, он устроил.

— Странно... — простонал Култар, — они даже оружие не отобрали...

— Если бы отобрали — всем было бы ясно, что мы пленники, — наставительно сказал Конан, рассматривая потолок и что-то решая про себя, — а так: понесли, дескать, спать, выпивших гостей. Значит, не все гномы участвовали в этом деле.

— Воомин, собака! Получи подарок! — заорал Култар и, выхватив подаренный сыном царя кинжал, метнул его в окошко, где виднелись злобные глазки начальника охраны.

Предсмертный крик боли, ненависти и страха огласил пещеры. Изукрашенный драгоценными камнями кинжал вошел глубоко в глаз злобного гнома. За стеной загомонили. Тут же послышались другие крики и лязг оружия. Похоже, началась битва.

— Кажется, нам пришли на помощь! Остается немного придержать этот потолок, пока наши друзья не отключат механизм! — Конан встал и, подставив плечи, уперся руками в корявый камень, опускающейся с неизбежностью судьбы. Култар успел встать рядом, но его плечи не доставали до потолка, а руки были слишком слабы, чтобы сдержать многотонный камень. Тем не менее, он изо всех сил уперся в него ладонями. Движение потолка замедлилось, затем остановилось.

Конан хрюпал от напряжения. Казалось, мышцы вот-вот порвутся, кости раскрошатся, а стучащая в висках кровь, брызнет фонтаном на бурые камни. Но киммериец знал: если не продержаться — смерть! Смерть перед самым избавлением — за стеной кипела битва.

— Я так понимаю, — прохрипел Култар, — сын царя пришел нам на помощь.

Конан не ответил, Пот струился по его телу, будто сверху кто-то вылил несколько ведер воды, в ушах шумело. Как во сне он увидел, мелькнувшее в окошке юное лицо, услышал крик команды и почувствовал, что потолок больше не давит неимоверной тяжестью на плечи. С трудом подняв голову, он увидел, как отдаляется тяжелый камень.

Затем открылась дверца, о которой пленники и не подозревали — двери гномов невозможно заметить, пока они не начнут открываться — и, подхватив падающего от усталости Култара, киммериец выполз из клетки. Перед ним качалось в тумане лицо царского сына. С трудом распрямившись, он помог подняться Култару — не пристало воинам падать, показывая слабость перед лицом спасителя.

— Меня зовут Буумин, я сын царя, — неуверенно выговаривая малознакомые слова, сказал молодой гном, — мой отец умер, и я прошу вас помочь мне завоевать трон, который принадлежит мне по праву.

Култар вытащил подаренный ему кинжал из глазницы мертвого начальника охраны:

— Я думал, что он — здесь самый главный злодей!

— О, нет, — горько усмехнулся молодой царь, — за ним стоят родовитые гномы, которые давно хотят захватить власть.

— Мы поможем тебе, царь, — просто сказал Конан, положив на плечо юноши огромную ладонь, — ты займешь трон, клянусь Кромом!

— И тогда половина сокровищ царства Стооомина будут вашими, пришельцы! Так я награжу вас за помощь! — пылко воскликнул сын царя, сверкнув глазами.

— Ну что ж, — усмехнулся Конан, — от такой награды мы не откажемся.

Отряд гномов, во главе с молодым царем, продвигался тайными лазами к некой пещере, где собирались сторонники законной власти. Люди, большую часть времени вынуждены были пробираться ползком и в темноте. Гномы редко зажигали факелы — не то, опасаясь привлечь внимание, не то, просто нуждаясь в них: известно, что гномы в темноте видят гораздо лучше людей.

Бесконечными переходами отряд добрался, наконец, до просторной пещеры, освещаемой множеством факелов. В центре собирались сторонники Буумина — несколько отрядов вооруженных гномов.

Молодой царь подошел к своим подданным, встал на камень и стал произносить речь, то и дело, указывая на Конана и Култара. Очевидно, он воодушевлял сторонников на подвиги, добавляя, что люди-гиганты с ними.

Друзья в ожидании дальнейших событий присели на камни. Пещера, где собирались сторонники молодого царя, была самой обычной — не обработанной и находившейся, судя по отсутствию окон, глубоко в недрах горы.

— Немного же у него друзей, — вздохнул Култар, глядя на кучку гномов, обступивших своего царя, — едва ли наберется четверть от тех, что были в тронном зале.

— Меня не это беспокоит, — покачал головой Конан, — уж слишком щедрую награду он посулил. Поневоле думаешь, что обманет... Ну, какой царь отдаст половину своих родовых сокровищ?!

— Ну... если мы поможем завоевать трон...

— Достаточно было посулить по горшку драгоценных камней — это была бы в высшей степени щедрая награда! А когда говорят — отдашь-де половину... Много обещает тот, кто не собирается выполнять свои обещания.

— А демоны их разберут, этих гномов! — с досадой сплюнул Култар.

— Вот именно, — кивнул Конан.

— Интересно, что он там говорит? — южанин посмотрел на гномов, будто ожидая, что они вот-вот заговорят на языке людей.

— Ясно, что... Воодушевляет на подвиги... Может, и им тоже обещает половину

сокровищ.

Скоро речь царя закончилась, и Буумин подошел к людям.

— Завтра мы выступаем в поход. Нанесем внезапный удар...

Его слова были прерваны неожиданным шумом. Из дальнего тоннеля вышли несколько гномов, размахивая привязанной к кинжалу белой тряпкой.

— Парламентеры! — воскликнул Култар, непонятно чему обрадовавшись.

— Оказывается и у гномов принято вести переговоры под белым флагом, — усмехнулся Конан. Интересно, это у людей они позаимствовали такую манеру, или же, наоборот — люди у них?

Парламентеры, четыре пожилых гнома с пышными седыми бородами и с одинаковыми длинными, крюковатыми носами, из чего можно было заключить, что они родственники, важно вышли на средину пещеры.

Буумин, став вдруг необычайно надменным, неторопливо пошел к ним вальяжным шагом. Разговор шел на языке гномов, и людям оставалось только гадать, о чем же шла речь. Конану казалось, что старейшины-родственники, предлагали молодому царю сдаться, а за это обещали сохранить жизнь. Во всяком случае, сам бы он поступил именно так.

— Эй, люди, — внезапно закричал один из гномов, — люди! Вас обманули! Буумин сам убил своего отца и хочет захватить власть!

Гномы, по знаку молодого царя, бросились на кричащего, но три его родственника мужественно отбивали атаку, давая возможность старшему обратиться к неожиданным союзникам своего врага.

— Это Буумин заволок вас в пещеру с опускающимся потолком! Начальник стражи Воомин хотел вас освободить, но вы его убили не разобравшись! Буумин же собирался изобразить так, будто он — ваш избавитель. Затащил в ловушку, чтобы выглядеть благородным избавителем. И вино на пиру, которое он выпил, не было отравлено! Он все подстроил! Он... — топор раскроил голову почтенного гнома, и он упал на камни, рядом с телами своих братьев.

— Не верьте ему! Он врет! Это известный краснобай и врун! — кричал Буумин, пиная окровавленное тело убитого.

— О, Кром! Помоги разобраться! — воскликнул Конан, с отвращением глядя на беснующегося царя. Нет, еще не царя — всего лишь, претендента на трон!

— Да как же тут разберешься?! Даже языка не знаем! — с досадой бросил Култар.

— Да. Поговорить бы с кем из простых... Но как поговоришь? Если бы пожить тут, узнать язык... А так!..

— Я думаю, у нас должна быть своя цель, — зашептал Култар, — узнать, где у них тут сокровищница, захватить ее и выбраться на поверхность. А кто тут будет царем... Мне на это начихать!

Конан задумался. Действительно, что они тут делают — под горой среди непонятных, коварных гномов? Ладно — попали случайно. Но теперь-то?.. Похоже, самое разумное — бросить все и выбираться. Сокровищ, конечно, не найти, если сами гномы не отдадут. А сами — не отдадут, это точно. Царек этот, молодой — врет безбожно. Отдаст половину! Нашел простачков! Хочет нашими мечами разбить своих противников, а потом, скорее всего, так же опоит вином с сонным зельем и — в ту же пещеру с опускающимся потолком. Вот будет им, бородатым, потеха. Наверное, еще и спорить будут, сколько мы потолок продержим... Да, но я же дал клятву...

— Я дал клятву... опрометчиво, конечно, но... — пробормотал он, нахмурившись.

— Ты не дал клятву, — заверил его Култар, — ты просто сказал, не подумав, сказал привычно... Клянутся не так — все должно выглядеть торжественно!..

— Да, но все же... Получится, что мы его обманем.

— Не грешно обмануть того, кто собирается обмануть тебя, — продолжал убеждать друга южанин, — это будет не обман, а военная хитрость.

— Ладно, — Конан отбросил сомнения, — попробуем выбраться.

— А сокровища? — удивился Култар.

— А-а, — протянул Конан, усмехаясь, — сокровища... Ну, иди, поищи! Или спроси у царя — он тебе точно расскажет!

Южанин почесал голову.

— Да... конечно. Тут уж или драться, в надежде, что он все же хоть как-то наградит, или...

— Да никак он не наградит. Легенды говорят правду — гномы злобы, коварны и скучны до предела. Нужно пытаться найти выход на поверхность.

— А вот... твой оруженосец, Хепат — он же не таким был?

— Потому он и пришел к людям. Да люди-то... тоже, не мед.

Подошел молодой царь, важно выступая впереди охраны, состоящей из нескольких гномов самого мрачного вида.

— Мы выступаем немедленно. Приготовьте свои мечи. Вам предстоит жестокая битва!

Конана покоробили слова заносчивого гнома. И когда это он успел стать таким высокомерным? На пиру держался скромно... Уже почувствовал себя всесильным царем?

— Ну, что же, — сдерживая себя, проговорил киммериец, — начинайте биться, если потребуется, мы поддержим. А мечи наши всегда готовы.

Царек заметно смущился. Переступая с ноги на ногу, он растерянно смотрел на грозного гиганта, так рассерженного его необдуманными словами.

— Я хотел сказать... Я надеялся, что вы поможете... — забормотал гном, растерянно оглядываясь по сторонам.

— Мы поможем, но основную работу должны сделать вы сами, — сказал Култар, глядя на царя с недобрыйшим прищуром.

— Но нас слишком мало...

— А как же ты решил стать царем? Используя наши мечи? Думал, мы расчистим для тебя дорогу к трону?! — Конан присел перед Буумином, пристально вглядываясь в его бегающие глазки.

— Ну... да. Я же пообещал вам половину сокровищ царства Стоомина!

— Так вот, что я скажу, — процелил Конан, — плата вперед! Веди нас в сокровищницу и отсчитай ровно половину всего, что там есть. Тогда — и только тогда — мы посадим тебя на трон, коварный гном!

— Я... я... думал... — глазки сына царя, вообразившего себя уже полновластным хозяином царства Стоомина, выписывали восьмерки, под взглядом холодных синих глаз киммерийца.

— Мы знаем, что ты думал, — высунулся Култар из-за плеча друга, — ты думал нас обмануть! Никто не отдаст половину сокровищ за несложную для нас работу! Ты попросту хотел нас надуть!

Гном подавленно молчал. Его охрана, угрожающе схватившись за топоры, молча

приблизилась. Друзья отреагировали мгновенно. Их мечи, грозно поблескивая в мечущемся свете факелов, вмиг нацелились на бороды мрачных гномов. Конан к тому же успел приставить кинжал к горлу царя.

— Ты сейчас, один, поведешь нас в сокровищницу. Мы не любим обманщиков.

— Один я не могу, — забормотал гном, — кто-то должен нести факелы... Кроме того, сокровищницу охраняют чудовища... Если они нападут... Они хорошо знали только моего отца — он их приручил. Да и то, однажды они чуть не напали на него... Нужна охрана...

— Мы и будем охрана, — усмехнулся Конан, — а факелы понесешь ты сам. Немножко поработай, великий царь!

Буумин, злобно сверкнул глазками, затем потупился и кивнул:

— Пусть будет так.

Затем, на языке гномов, обратился ко всем собравшимся в пещере. Что он говорил, для людей осталось тайной, но судя по ненависти, загоравшейся в глазах мрачных подземных жителей, что-то не очень лестное.

Окончив недолгую речь, царек взял несколько факелов и, гордо выпрямившись, направился к одному из проходов, черневших в дальнем конце пещеры.

Вновь низкие переходы, лестницы, норы и лазы неизвестно в какие глубины. Култар на всякий случай привязал гномьего царька к себе тонкой, прочной веревкой, предварительно забрав у того кинжал, чтобы он не мог эту веревку перерезать и скрыться в лабиринте тоннелей. Буумин оскорбился, но Култар заверил гнома, что отдаст кинжал, как только получит обещанную половину сокровищ. Царек нехотя кивнул, с укором взглянув на Конана, молчаливо одобравшего унизительную процедуру привязывания царя к поясу непрошенного гостя.

Через длительный промежуток времени гном вошел, а люди вползли на четвереньках в обширную пещеру, сверкающую самоцветами, вкрапленными в стены.

— Вот наша сокровищница! — гордо сказал Буумин, царственным жестом указывая на стены.

Люди ошеломленно смотрели на драгоценности, которые нужно было еще добыть.

— Это ваша сокровищница? — недоверчиво спросил Култар.

— Да, — гном гордо выпрямился, — когда у нас возникает нужда, мы идем сюда и добываем столько, сколько нужно!

— Как же ты собирался отдать нам половину? — Конан не считаясь с тем, что имеет дело с царем, поднял его за шиворот, чтобы посмотреть в глаза.

— Отпусти, — гном заерзал, засучил ногами, — я собирался просто дать вам возможность поработать в наших копях.

— В копях работают каторжники! — прорычал Конан, не опуская гнома.

— Нет, нет, у нас нет каторжников, мы все работаем...

— Врет, — сказал Култар, поигрывая царским кинжалом, — где-то у них обязательно есть сундуки, набитые уже добытыми камням!

— Клянусь духом своего отца, это наша единственная сокровищница — пещера явственно затряслась, посыпались камешки. Гном испуганно посмотрел наверх. Конан

опустил его на землю и погрозил пальцем, как маленькому мальчику:

— Вот видишь! Дух твоего отца недоволен! Ты врешь!

Гном подавленно молчал. Култар подошел к стене и выковырнул небольшой изумруд.

— Не так уж это и сложно, — он засмеялся, глядя на зеленый прозрачный камень, — если твое царское величество поможет, мы скоро наколупаем себе полные карманы!

— Я помогу, — согласился гном.

Он пошел вдоль стены, ведя на веревочке Култара, как мальчик-пастушок огромного быка. Остановился, нагнулся, нажал на какой-то камень, сунул руку в открывшуюся яму и достал инструменты — молотки, зубила, кайло и небольшой, под стать росту гномов, лом. Конан одобрительно крякнул.

— Это другое дело. Давай, покажи нам, как правильно добывать камни.

Буумин приставил зубило к стене, встал так, чтобы камешки не попадали в глаза, и стал долбить, как дятел — быстро и равномерно. Было видно, что такая работа для него привычна.

— Мы с отцом сами добывали сокровища, — пояснил он, не прекращая работы, — никого не посвящали в тайну пещеры.

«Только демоны смогут его понять, этого царька», — подумал Конан. — Может, и действительно нет никаких сундуков? Если они не показывали никому, где находится эта пещера, возможно, запасов камней действительно нет».

И все же, не верилось. Чтобы гномы, да не собирали полные сундуки драгоценных камней?!

«Хотя, — рассуждал киммериец, стараясь держать зубило под нужным углом, — что мы знаем о гномах? Только то, что говорят легенды. Да еще слухи, сказки...»

Камешки, при каждом ударе молотка по зубилу, летели прямо в глаза. Конан присмотрелся, как работает гном. Да, нужно бить не так сильно. Буумин стучал, как по стеклу, легко, играючи. Изумруды, рубины и топазы так и сыпались из-под его зубила. Конан постарался подражать гному, и дело понемногу наладилось. Когда дрогорели три факела, Буумин сказал:

— Пора прекращать работу. Остался только один факел. Если мы не хотим заблудиться в темноте, нужно собираться в обратный путь.

— Хорошо, — Конан подошел к плоскому камню и высыпал, как на бочку, несколько горстей изумрудов и рубинов.

— А вы что добыли?

Кучка Култара была примерно такой же. Гном сморщился, как от зубной боли, и стал высыпать камни, причем выглядел таким несчастным, что Конан с трудом удерживался от смеха. Выходило, что Буумин добыл камней в несколько раз больше, чем Конан и Култар вместе взятые. Южанин, на всякий случай проверил царские карманы — нашлись еще несколько горстей.

— Ну, что же, — Конан поскреб подбородок, — замок на это, конечно, не купить, но погулять можно славно! Придется тебе, — он глянул на Култара, — пожить еще в доме оракула. Хотя, на свою долю, ты можешь, вместо его домика, построить хороший дом, большой. Завести гарем и жить, пока не кончаться камни.

— Да, я уж постараюсь экономить, — сдавленным голосом сказал южанин и Конан посмотрел на него с сомнением.

— Я не буду швырять камни трактирщикам! А вино стану пить самое дешевое!

Киммериец расхохотался. Гном плаксивым голосом пропищал:

— А мне? А моя доля? Как же...

— Какая твоя доля?! — возмутился Култар.

— Ты же обещал нам половину всех сокровищ, — усмехнулся Конан, — мы не добыли и тысячной части! Как-нибудь вернемся и еще поковыляем тут — пока не выдолбим ровно половину!

Буумин с неподдельным ужасом посмотрел в серьезные глаза Конана, синие, как вода в глубоком, горном озере, затем, что-то сообразив, кивнул:

— Всегда буду рад таким гостям. Но не забудьте, что вы обещали разбить моих врагов!

— После того, как добудем половину сокровищ! Пока же... — развел руками Култар.

— Мы поможем тебе царь, — сказал Конан, — если ты докажешь нам, что не убил своего отца, как о том говорили парламентеры!

— Которых ты, против всех правил, тоже убил! — добавил южанин.

— И, кроме того, — продолжил Конан, — ты опоил нас сонным зельем и бросил в пещеру с опускающимся потолком!

— Но я же вас вытащил! Я хотел...

— Что ты хотел, о том успели рассказать парламентеры! — сурово прервал Конан.

Он и не надеялся, что царек так легко признается в своем коварстве. Но у Буумина вид упывающих из-под носа сокровищ помутили разум. Он растерял всю свою хитрость и сидел потерянный и жалкий, неотрывно глядя на груду сверкающих камней.

— И еще, — сказал Култар, — ты говорил, что сокровищницу охраняют чудовища! Где они? Это тоже обман?

— Чудовища могут пожаловать в любой момент, — злорадно произнес гном, — я надеюсь, что меня они все-таки помнят, а вот вам придется туда!

— Ничего, справимся, — усмехнулся Конан.

— А что за чудовища? Как они выглядят? — Култар все же решил узнать, с кем, возможно, придется иметь дело.

— Они выглядят каждый раз по-новому, — гном огляделся и в его глазах, казалось, мелькнул настоящий страх, — я ни разу не видел двух одинаковых.

— Но чем они опасны? У них когти, клыки, чем они вооружены? — допытывался южанин.

— И когти, и клыки, — гном теперь выглядел по-настоящему испуганным, вероятно вспомнил чудовищ, — и еще — щупальца! Когти, клыки и щупальца, как у спрутов, которые водятся у нас в озерах, там, внизу, — он показал тоненьким пальцем себе под ноги.

Култар посмотрел на камни, на которых стоял Буумин, представил бездонное подземное озеро, населенное ужасными спрутами и поежился.

— Да нечего тут труса праздновать! — рявкнул Конан.

Он аккуратно разделил сверкающие камешки на две равные части и, откинувшись, посмотрел, ровно ли вышло. Затем ссыпал одну из них себе в карман, на вторую кивнул Култару. Южанин поспешил наполнить потайной карман, спрятавшийся где-то в недрах его одежды.

— Пора, — Конан глянул на факел, — нужно успеть выйти к освещенным пещерам.

Вновь шли, ползли, пробирались извивающимися, подобно змее, переходами, узкими тайными норами, относительно просторными коридорами.

— Ты ведешь нас новой дорогой, — угрожающе заметил киммериец, — уверен, что она

приведет к выходу из пещер?

— Значит, вы решили не помогать мне? — пропищал царь.

В голосе его слышалось отчаяние.

— Я не уверен в твоей честности, — мрачно ответил Конан, — точнее, уверен в нечестности. А с теми, кто со мной не честен, у меня разговор короткий.

— Скажи спасибо, — добавил Култар, — что жив остался. Такому коварному гному... Куда ты, демоны тебя забери?! Стой!!

Гном затушил факел и, оставив друзей в полной темноте, нырнул в какую-то боковую нору.

— Проклятье, — прорычал Конан, — ты, что забыл его привязать?! Это может стоить нам жизни!

— Забыл, — простонал Култар, — о боги, я забыл! Блеск сокровищ затмил мне разум! Теперь мы погибнем!

Почему-то он вспомнил, как мальчишкой пробирался ночью по развалинам заброшенного монастыря. Безлунная ночь навалилась, как черный змей, давила, душила в мертвенных объятиях, тяжелыми кандалами сковывала руки и ноги. Он тогда долго блуждал, натыкаясь на стены, плача и проклиная хмару, которая, как назло, закрыла звезды. Он так и не выбрался из развалин, присел у стенки и всю ночь, подвывая от страха, просидел, сжимая в окоченевшей от напряжения руке кинжал, найденный им когда-то на месте давней битвы. Этот кинжал он, уже выросший и ставший неплохим воином, долго хранил как память о той страшной ночи. Кинжал стал символом победы над собой, над своими страхами. Кто знает, не сжимай в ту ночь его рука найденный клинок, может, он сошел бы с ума от ужаса и остаток безумной жизни бродил бы по развалинам. А после смерти стал бы стенающим, подвывающим от вечного страха, призраком.

Да, оружие всегда помогает мужчинам сохранить мужество, не поддаться страху. Оно придает уверенность, одним своим существованием. Стоит дрожащей руке взяться за рукоять меча или кинжала — как противная дрожь уходит, мышцы наливаются силой, а в сердце загорается огонек, ведущий к победе, подобно маяку, в непогоду указывающему путь заблудившемуся кораблю. Мужчина без оружия жалок и гол. Он, как маленький львенок, потерявший львицу, в панике бросается в разные стороны в поисках мамы, не находя ее и жалобно мяукая. Но стоит руке почувствовать тяжесть оружия, как львенок становиться львом — сильным отважным и готовым к любым неожиданностям. Воистину, великая сила скрыта в блаженной тяжести меча, в холодной стали клинка кинжала, или в прекрасном, как движения танцующей женщины, изгибе сабли!

Култар до боли сжал рукоять меча и страхи отступили. У него есть огниво, а одежда всегда может на какое-то время заменить факел. Они будут жечь одежду — не постоянно, только, когда нужно будет сориентироваться, по какому тоннелю ползти — и выйдут к освещенным пещерам. Обязательно выйдут! Пусть даже сожгут всю одежду и останутся голыми!

Конан уже раздувал высеченную искру, тую намотав на кинжал платок. Пламя — маленькое, коптящее, грозящие вот-вот потухнуть, как божественный свет Митры, осветило уставшие лица друзей.

— Он нырнул туда, — киммериец кивнул на черневшую дыру в стене, — стоит ли нам ползти за ним, или лучше пробираться в том направлении, куда шли?

— Наверное, он нырнул в настоящий лабиринт, где можно легко от нас скрыться, —

предположил Култар.

— Пожалуй... Пойдем в прежнем направлении. Искать сейчас гнома дело безнадежное.

Конан пошел по тоннелю. В том коридоре они могли шагать, не сгибаясь, а значит, он обязательно куда-нибудь выведет, как большая, наезженная дорога приводит путника в город или селение.

С неудовольствием, Конан вспомнил, что как раз такая дорога еще недавно и привела их в тупик. И если бы не помощь Дриана... Хотя, помочь эта также обернулась не слишком приятным приключением.

И все же, двигаться по широкому, высокому тоннелю, было надежнее, нелепица ползать по низким норам, ведущим невесть в какие гномы лабиринты.

— Факел пока потушим, пойдем на ощупь, вдоль стены. Как только рука провалится в пустоту — раздуем огонь и осмотримся. Это будет, или нора, или перекресток. Посмотрим, куда идти и опять пойдем в темноте, — Конан был спокоен и деловит, будто ходить под землей на ощупь, было для него самым привычным делом.

Почувствовав уверенность друга, Култар также успокоился и даже пошутил:

— Может, постепенно научимся видеть в темноте?

Конан щутку не оценил:

— Давай, пошли. Я иду вдоль правой стены, ты — вдоль левой. Рукой трогаем стену. Будет боковой ход — скажи, я запалю наш факел.

Полная темнота, как известно, обостряет слух. Друзья слышали не только далекое это своих шагов, но и иные звуки. Где-то запищали крысы — вероятно, подрались из-за куска... чего? Мяса? Откуда тут мясо? Или корочки хлеба, брошенной когда-то гномами? Вообще, что едят тут, под землей, крысы? Где-то далеко в горах рухнул в пропасть утес. Ветры и дожди подточили казавшегося нерушимым каменного гиганта — и он с грохотом обрушился в бездну. А эхо его предсмертного содрогания слышно даже тут под горой, в бесчисленных лабиринтах гномых нор.

— Конан, ты слышишь? — прошептал вдруг Култар, останавливаясь и стараясь унять дыхание.

— Слышу уже давно, — спокойно ответил киммериец, но в его голосе Култар уловил едва заметные нотки тревоги.

— Конан, кто это? Это те... о ком говорил гном? — шепот южанина перемежался шумным дыханием.

— Необязательно. По пятам могут красться не только чудовища... Может, это Буумин... Хотя, конечно, вряд ли...

— Да, вряд ли... Я слышу тяжелую, но мягкую поступь. Так могли бы ходить спруты, если бы вылезли на поверхность. На щупальцах...

— На щупальцах не ходят, — отрезал Конан, — не будем останавливаться. Пока оно не нападает — поспешим, может, успеем выбраться к освещенным пещерам.

— Не успеем... Не успеем... Шаги все ближе...

— Замолчи! Не впадай в панику! — Конан пошел вперед, держа наготове платок и огниво.

Мягкие, тяжелые и настойчивые шаги действительно приближались. Преследователь, кем бы он ни был, решил сократить разделявшее их расстояние. Друзья пошли быстрее, но трудно быстро шагать в абсолютной, первозданной тьме.

— Конан, я спотыкаюсь, как новобранец на первых учениях, — простонал Култар, — он

скоро нас догонит.

— Быстрее, — бросил киммериец, переходя на бег, — побежали, я думаю, скоро выйдем к освещенным пещерам!

Култар побежал, стараясь не запинаться. Он представил, что бежит по ровной поверхности — где-нибудь в степи — а глаза просто закрыл ради интереса. Над головой солнце, а не давящие своды, над которыми к тому же возвышается гора, легкий ветерок овеивает разгоряченное лицо, степь дышит утренней прохладой...

— Стой, — крикнул Конан, — оно рядом! Будем драться!

Он ударили кремнем по кресалу, и сноп искр заплясал в темноте. Скоро тряпка, немилосердно чадя, разгорелась, и Култар увидел друга с мечом в одной руке и факелом в другой.

— Приготовься, оно сейчас покажется из темноты! — Конан передал факел Култару и взял меч обеими руками.

Южанин также встал в стойку, нацелив острие клинка на темноту из которой вот-вот должно появиться нечто ужасное. Если проклятый гном говорил правду, сейчас из породившей его тьмы вынырнет монстр — сплошные когти, клыки и щупальца! И с ним придется сражаться, потому что, жизнь — это сраженье и, потому что, даже если суждено погибнуть, нужно умереть не как скулящий щенок, а как мужчина и воин — с мечом в руке!

Тряпичный факел догорал, а темнота все не истергала из себя таящегося в нем чудовища. Нестерпимо тянулись мгновения. Время стало вязким, как смола, которой проливаются днища кораблей, секунды молотами стучали в висках. Чудовище не показывалось.

— Кром! Кажется, я что-то вижу, — Конан до боли вглядывался в темноту, — что-то там копошиться, как огромный черный паук!

— Оно боится света — Култар торопливо срывал рубаху, — сейчас мы сделаем еще один факел!

— Не думаю, чтобы оно не было знакомо со светом, — бросил Конан, — ведь царь с сыном его приручали, значит, приходили с факелами. Наверное, оно просто готовится к прыжку. Но факел нам нужен, так что, постарайся быстрее...

Отвратительный звук донесся из темноты. Писк, чириканье, свист, скрежет металла по камню — словно все эти звуки слились воедино, истергаляемые чудовищной глоткой существа, копошащегося за гранью света.

Култар свернулся рубаху в один огромный тугой ком, насадил на кинжал и поджег. Свет весело разогнал вязкую тьму, которая, по мере догорания прежнего факела, стала подступать к людям. Коридор был пуст. Конан подошел к тому месту, где он «видел» чудовищного паука. Никаких следов, кроме отпечатков двух пар сапог, не было.

— Все же, мне кажется, я видел, нечто поспешно удаляющееся в темноту, — в раздумье проговорил киммериец

— И ведь кто-то же верещал! — крикнул Култар.

— Да, кто-то верещал, — Конан покачал головой, — он что — невидимый, этот монстр? И ходит, не касаясь, пола?

— Но ведь мы слышали его поступь! Может, он шел, хватаясь щупальцами за стены? — предположил южанин, нервно усмехаясь.

— Ладно, не будем терять времени, — Конан вложил меч в ножны, — посмотрим, куда приведет нас этот тоннель.

Друзья ускоренным шагом двинулись вперед. Коридор, вырубленный в скале, словно

длинное копье, уходил в темноту. Преследователя слышно не было.

— Я думаю, это был призрак, — изрек Култар, поспешая вслед за другом, — призраки часто издают ужасные звуки.

— Может, и призрак, — пробормотал Конан, — не отставай, скоро выйдем к свету.

— Выйдем... — пробурчал южанин, — мы можем тут всю жизнь бродить, в недрах горы. Конан остановился.

— Да нет, я просто так сказал... — начал было оправдываться Култар, но замолчал, увидев, что друг к чему-то прислушивается.

— Ничего не слышишь? — Конан приложил ладони к ушам и, слегка поворачивая голову, стал слушать гору. Ему казалось, что гора живет своей жизнью, что она недовольна копошащимися в ее чреве маленькими созданиями. Бегают, прорубают тоннели, щекочут...

— Не слышу, — Култар даже и не пытался вслушиваться, зная, что слух у киммерийца, как у лисы, а у него, Култара — как у старого глухаря, что сидит на ветках, не слыша подкрадывающегося охотника.

— Кром! Мне показалось, что где-то впереди... Вроде, те же звуки... Верещание...
Он мрачно глянул на догорающий факел.

— Скоро мы останемся голыми.

Култар, который и так был уже наполовину раздет, согласно кивнул. Молча, друзья двинулись дальше. Тоннель шел строго горизонтально и должен был, конечно же, вывести к свету. Как бы не была широка гора, они прошли по прямой уже довольно большое расстояние.

Оно напало внезапно, из-за угла, как нападают вампиры, ягуары и уличные разбойники. Огромная темная масса шевелящихся щупалец метнулась к ним, подобно пауку, завидевшему попавшую в сети муху. Конан, извернувшись, успел отскочить, а Култара чудовище зацепило толстым, похожим на корабельный канат, щупальцем. Все произошло так быстро, что времени на раздумья совершенно не оставалось. Южанин закричал высоким голосом и принялся рубить мечом опутывающую его массу. Чудовище, казалось, состояло только из «канатов» различной толщины и длины. Уже через мгновение бьющийся Култар был опутан липкими щупальцами, как муха паутиной. Он бешено рубил «канаты», но меч, пружиня, отскакивал, едва не вырываясь из руки. В тот момент, когда чудовище схватило Култара, Конан успел поднять факел, занять нужную позицию — чуть в стороне, чтобы не поранить друга длинным мечом — и выискивал место, куда можно было поразить монстра. Такого места не было. Извивающиеся, мелькающие щупальца надежно скрывали тело чудовища. Да и было ли у него тело? Как ни напрягал киммериец зрение, он не мог увидеть ничего, кроме шевелящейся массы щупалец.

Но ведь, он явственно слышал поступь, топот этого существа! Это означало, что кроме щупалец, у него были ноги — уж во всяком случае — если бы монстр передвигался на щупальцах, слышалось бы шуршание, но никак не топот. Значит, нужно решаться! Конан поудобнее перехватил меч.

Култар, весь опутанный «канатами», только стонал и хрипел, тщетно пытаясь вырваться. Меч его уже валялся на земле. Несколько щупалец уже потянулись в сторону киммерийца,

когда он, решившись атаковать ноги чудовища, прыгнул вперед и ударил мечом у самой земли, проведя им, как косой, в четверти от неровного каменного пола.

Меч, почти не встречая сопротивления, со свистом прошел под чудовищем, но визг, оглушивший Конана, показал, что ноги чудовища перерублены. Продолжая нестерпимо верещать, монстр выпустил Култара и грузно осел, беспорядочно мотая канатами-щупальцами. Южанин, кашляя и отплевываясь, откатился к стене и, цепляясь за неровности, пытался подняться. Ноги его подкашивались, и он бесполезно царапал ногтями камень. Факел догорал. Конан, вложив меч в ножны, подхватил друга и бросился вперед по коридору отвратительные звуки, издаваемые раненым чудовищем, отдалились: монстр пополз в спасительную темноту.

— Спасибо, — выдохнул Култар, — еще немного... и я... спасибо... я уже могу идти сам...

Конан остановился и, придерживая, шатающегося друга оглянулся. Коридор был пуст. Раненое чудовище исчезло. Успело уползти в темноту? Или оно умеет, когда нужно, мгновенно перемещаться по воздуху?

— Он так меня сдавил, что я только сейчас начал чувствовать ноги, — хрипел Култар.

— Ты бросил меч, — с укором сказал Конан.

— Сейчас... Сейчас... Я схожу за ним... — южанин, сильно шатаясь, выхватил у друга догорающий факел и бросился назад.

Конан присел на корточки у стены. Ладно. Чудовище убралось залечивать раны, Коридор пока безопасен. Без меча путешествовать, никуда не годиться. Он прислушался. Култар издал радостный возглас — поднял меч. Где-то позади зашуршали крысы — побежали слизывать с пола кровь чудовища.

Южанин вернулся, сияя от радости — вернул меч и осознал, что остался в живых.

— Сейчас, оставшись в темноте, я, кажется, заметил, что коридор впереди уже не так темен, — Конан поднялся и критически осмотрел помятого друга, — я уверен, что мы выходим к освещенным пещерам.

Култар был голый по пояс — рубашку он пустил на факел, а кольчугу потерял в суматохе. Посмотрев на свои покрытые синяками и ссадинами руки, он тяжело вздохнул:

— Еще немного и я бы...

— Почему же от его щупалец меч отскакивает? — недоуменно перебил его Конан.

— У него какие-то особенные щупальца, — Култар вздрогнул: видимо, вспомнил недавние объятия чудовища, — они как будто из резины — мягкие, но стягивают так, что перестаешь дышать.

— Ладно, поспешим! Нам нужно не только выйти к освещенным пещерам. Самое-то главное — выбраться на поверхность.

Друзья быстрым шагом пошли по коридору. Тьма постепенно сменялась серыми сумерками, затем впереди забрезжил свет. Вскоре стало ясно, что этот бесконечный переход в кромешной тьме кончился — пещера с двумя рядами пробитых под самыми сводами узких окон, показалась путникам, чуть ли не отчим домом.

— Куда теперь? — деловито спросил Култар

— О, Кром! Откуда я знаю, куда теперь, — рассердился киммериец, — ты вопрошаешь меня, как оракула!

— Может, попытаемся забросить веревку? — Култар вынул из кармана моток тонкой, прочной веревки.

— Ты бы лучше не забыл привязать этой веревкой молодого царя! — рявкнул Конан, прикидывая расстояние до нижнего ряда окон.

— Веревки хватит, — южанин словно и не заметил гнева товарища, — можно привязать меч в ножнах и бросить в окно, он встанет поперек, и мы сможем подняться.

— Я знаю, как это обычно делается, — проворчал Конан, успокаиваясь, — можно, попробовать... Только, боюсь, что если мы и сумеем протиснуться в окно — увидим под собой пропасть!

— Попытаемся, — Култар деловито привязывал веревку к мечу, — главное, чтобы клинок не выскользнул... Вот! — он раскрутил на веревке меч, словно прашу и с выдохом бросил в стену.

— Да... с первого раза не попал...

— Дай-ка я... — Конан поднял меч и точным броском отправил его в окно. Если бы Култар не успел подхватить конец веревки, он бы навеки распостился с оружием.

— Я легче, мне и подниматься, — южанин по-обезьяньи ловко полез к окну.

— А мне — что? Не нужно будет? — проворчал Конан, удерживая конец веревки. Култар уже выглядывал наружу.

— Тут уступ! И, вообще, склон не крутой! Спустимся! — радостно закричал он. Конан стоял, мрачнее тучи. Глаза его, казалось, метали синие молнии.

— Ты что? — не понял южанин, — мы же сейчас выберемся!

— Я одного не могу понять, — медленно проговорил киммериец, — почему нам сразу не пришло в голову залезть по веревке к окнам?! Как только мы попали в такую пещеру?

— Там, мне кажется, окна были поуже, — неуверенно ответил сверху южанин, — кроме того... мы бы не набили карманы сверкающими камешками!

— Но ведь зато и не попали бы во все эти переделки!

Конан поплевал на ладони и полез наверх, как большой, и ловкий паук. Култар поджидал его, наполовину протиснувшись в окно.

— Теперь перекинем веревку на ту сторону, а меч — на эту, — радостно сказал южанин, — спустимся и мы — на свободе!

— А меч, стало быть, оставишь в пещере? — усмехнулся Конан.

Култар растерялся. Ожесточенно поскреб затылок. Действительно, меч останется по другую сторону, и извлечь его никак не удастся. И меч, и веревка... И если Култару еще можно было, оставшись без оружия, надеяться на меч Конана, то без веревки в горах — смерть.

— Да... ну, а как же быть?

— Спускайся! — скомандовал Конан.

Култар, с озабоченным видом перекинул веревку на внешнюю сторону, а меч поставил поперек окна на внутренней стороне — и стал спускаться на ближайший уступ. Конан тем временем, усевшись на кромку окна, как на коня, снял сапоги и перевязь меча. Затем, дождавшись, когда Култар спустится и выпустит из рук веревку, привязал к ней, рядом с мечом южанина, свой меч и сапоги, и быстро перебирая ладонями, спустил все хозяйство Култару. Тот понял, наконец, что задумал киммериец.

— Конан! Не пытайся! Скала почти гладкая. Даже тебе по ней не спуститься без веревки!

Но Конан уже нашупывал босыми ногами неровности утеса, по которому предстояло спускаться. Окно было прорублено гномами так искусно, что снизу его действительно не

было видно. И Култару казалось, что его друг просто появился из толщи скал и теперь осторожно ползет, как муха по потолку, по гладкому камню.

— Это невозможно, — шептал южанин, — он сорвется. Без веревки тут спуститься невозможно...

Это слово пульсировало у него в висках, наполняя душу отчаянием. Он закрыл глаза и присел, обхватив голову руками.

Невозможно. Кроме того, Култар, понял еще одну вещь: склон горы, по которому они намеревались спуститься, вовсе не такой пологий, как ему на радостях показалось из окна. Склон был очень даже крутой и, похоже было что, выбравшись из пещер, они совершили ошибку. Может, следовало, попытаться достигнуть самого нижнего уровня гномьего лабиринта и лишь тогда вылезать на внешний склон? Была, конечно, опасность встречи с воинственными гномами, но... это была только опасность, а тут, на внешней стороне горы, их ждала верная смерть.

Култар стиснул зубы. Друг его, Конан, разобьется прямо сейчас, рухнет ему на голову с высоты четырехэтажного дома, такие иногда ему приходилось видеть в Шадизаре, а он, Култар, останется на уступе один... Один! Южанин представил, как сидит ночью на этом небольшом карнизе и с тоской смотрит на далекие, холодные звезды. Один он, конечно, даже не попытается спуститься по отвесному склону! Отвесному, а не пологому, как ему, сдуру, показалось! Тут не поможет и веревка — для чего одному человеку веревка? Ну, привяжешь ее к камню, спустишься чуть ниже, а потом?.. Веревку-то не отвязешь и останешься без нее. Другое дело — вдвоем. Можно связаться и опускаться по очереди. И даже, если верхний — спускающийся без веревки — сорвется — нижний всегда сумеет его удержать. Сумеет? Култар представил, как он, стоя на таком же карнизе, пытается удержать пролетающего мимо Конана. Нервный смех вырвался из его груди и южанин, запрокинув голову, захохотал. Затем, когда смех готов был перейти в судорожные рыдания, он услышал спокойный голос Конана:

— Чего это ты развеселился? Хочешь, чтобы гномы услышали?

Киммериец стоял рядом, словно призрак, вернувшийся с того с того света, и недовольно хмурился.

— Снимай сапоги и привяжи их за спиной, вместе с мечом, — говорил он, распутывая веревочные узлы, и очень удивился, когда Култар, рыдая, обхватил его за ноги и прижался головой к коленям. Затем, поняв состояние друга, улыбнулся и сказал:

— Мы спустимся. Я, как ты видишь, не соскользнул, хотя несколько раз случалось висеть на одной руке. Спустимся!

Гора оказалась не столько крутой, сколько коварной. Несколько раз Култар, всегда спускающийся первым, срывался и только веревка, удерживаемая сверху Конаном, помогала ему избежать гибели.

Гора была коварна, как и ее обитатели. Камни, казавшиеся незыблемыми, вдруг срывались в пропасть, стоило на них хоть чуть-чуть опереться. Небольшие расщелины, которые южанин видел сверху и за которые собирался зацепиться натуженными ногами, непонятным образом исчезали, и он подолгу висел на веревке, тщетно пытаясь нащупать хоть какую-то опору. Часто дело кончалось тем, что Конан попросту спускал его, как тяжелый и

неудобный тюк.

Култар часто ложился в изнеможении на очередном карнизе и клялся, что не может сделать больше не единого шага.

— А тут и не нужно шагать, — говорил Конан, — тут нужно ползать! Представь, что ты муха, ползущая по потолку!

— Не могу, — стонал южанин, — не могу я представить себя мухой.

Если первый день спуска выжал из Култара все силы, то второй и третий — превратили его в мумию. Ни продуктов, ни воды у друзей не было. Продукты кончились еще в темных тоннелях, а вода... — последние ее капли были выпиты в первый же день спуска.

Друзья утром слизывали росу с камней, а днем старались не думать о ней — о живительной влаге, возвращающей силы усталому труженику, напитывающей жизнью иссохшие тела путников, бредущих по пустыне и неожиданно вышедших к оазису. Бредущих по пустыне... Или, к примеру, ползущих под палящим солнцем по скалам...

На исходе второго дня этого неимоверного, бесконечного спуска, друзья заслушали журчание горного ручейка. Звук текущей, падающей, рассыпающейся алмазными брызгами воды, то появлялся, то исчезал, относимый ветром и тогда люди рычали от отчаяния.

Наконец, Конан определил, откуда доноситься журчание, и через несколько колоколов мучительного лазания по скалам друзья увидели крохотный ручеек. Он, словно играя в прятки, лишь иногда показывался, из недр горы, подмигивал и вновь исчезающий в толще камня.

В течение нескольких колоколов подряд вниз не упало ни капли. Друзья по очереди подставляли под маленький, игрушечный водопад усталые, обветренные лица и пили, пили, захлебываясь, впитывали в себя воду, этот великий дар богов людям и всем, живущим на земле существам! Они пили, оживая и чувствуя, как покинувшие их силы медленно, словно бы неохотно, возвращаются в уставшие тела, наполняя их энергией и жаждой! жизни.

И когда, наконец, скалолазы ступили на землю у подножья горы, они, запрокинув головы, долго смотрели, не покажется ли среди мрачных скал их друг, их спаситель — маленький, игрушечный ручеек. Но ручеек исчез в недрах горы. Он спас жизнь двум уставшим, умирающим от жажды людям и это было его миссией.

Друзья надели на израненные, кровоточащие, с сорваными ногтями ноги сапоги и пристегнули мечи. Култар заботливо смотал и спрятал в карман истертую веревку.

— О, Кром! — Конан вдруг воздел руки к небу, затем с досадой хлопнул себя по бедру.

— Что такое? — встревожился Култар.

Последние мгновения он стоял, раскачиваясь, как дерево на ветру, и упиваясь сознанием того, что остался жив, не смотря на все перипетии.

— А, вот что, — Конан сунул руку в карман, и два его пальца вылезли наружу, — дырка! Я порвал штаны, ползая, как муха, по этим скалам! Все драгоценные камешки высыпались, пропали.

Култар внимательно осмотрел дырку.

— Не порвал, скорее, протер...

— А велика ли разница? — хмуро поинтересовался киммериец.

— Да разницы особой нет, — глубокомысленно изрек южанин, — результат-то один: половины добытых сокровищ мы лишились.

— Я лишился, — поправил его Конан, — я лишился своей половины.

— Нет, мой друг — мы лишились! Я, конечно, свою долю поделю на двоих, и не пытайся

меня отговаривать!

— Но тогда тебе точно не хватит на покупку замка!

— Да и ладно, — беспечно сказал южанин, хитро улыбаясь, — зато хватит, чтобы вдоволь погулять! Я так давно не пил хорошего вина!

Конан рассмеялся и хлопнул друга по плечу. Отважные скалолазы, хромая каждый на обе ноги, отправились в Шадизар, пропивать сокровища царства Стоомина.

Ник Харрис

Тайны Ирема

1

Караван двигался медленно, с огромным трудом преодолевая бесконечные барханы. Пустыня не хотела отпускать дерзких людей, рискнувших пробраться в самое ее сердце. Тучи мелкого песка поднимались в воздух, хотя ветра почти не было. Даже наброшенная на лицо ткань не могла задержать вездесущую песчаную пыль.

Ослепшие люди и животные, задыхаясь, шли наугад. Верблюды то и дело ложились, и их приходилось поднимать ударами хлыста. Люди стонали и плакали, но слезы не текли по иссохшим щекам. В глазах был песок. А, кроме того, измученный, обезвоженный организм не мог больше выделять жидкость, ни в виде пота, ни в виде слез.

Бурдюки для воды давно опустели. Лишь у некоторых погонщиков в походных фляжках оставалось немного протухшей, прогорклой воды, которую они берегли, как зеницу ока.

Караванщик со странным именем Адракс, опытный человек, не раз ходивший по пустыне, на разные лады клял хозяйку, снаряжившую караван и наметившую этот гибельный маршрут.

Разве недостаточно у нее денег?! Разве мало в окованных железом сундуках драгоценных камней?! Разве не самый лучший дворец она построила? Разве, в конце концов, не правит она страной, ибо правитель, жалкий, слабый человек всецело ей подчиняется?!

Спору нет, говорил себе Адракс, туже стягивая на лице кольца чалмы, хозяйка — очень красивая женщина. За такую красавицу, за один только ее взгляд, любой мужчина пойдет, и на край света, и в сердце пустыни на поиски таинственного города Ирем. По приданиям, старым, как мир, а, возможно, еще старее, город этот, называемый также Городом Колонн, возвели бессмертные джины по приказу великого шаха Шаддата. И спрятаны в том городе, в его библиотеках, самые сокровенные знания о мире. И кто найдет свитки, в которых гиганты-нефилимы, подданные великого Шаддата, навеки запечатлели недоступные простым смертным знания, тот и будет править миром!

И он, Адракс, опытный караванщик, поддался на уговоры прекрасной Итилии — негласной хозяйки страны Куш — и отправился на поиски несуществующего города Ирем. И обрек на смерть и себя, и всех тех, кто ему верил и, как всегда, пошел с ним в пустыню. Впрочем, не поддайся он на уговоры, хозяйка прибегла бы к другому способу убеждения, более жестокому.

Адракс вспомнил крики рабов, порой доносившиеся из подвалов дворца. Да, хозяйка умела подчинять себе людей! И сейчас, если каким-то чудом удастся выжить, нельзя возвращаться с пустыми руками. Она этого не простит... Уж лучше погибнуть в пустыне!

Караванщик стиснул зубы и зарычал. Пусть песок занесет наши мертвые ссохшиеся тела, превратит их в мумии...

Пусть! Если так случится — мы будем ждать, когда здесь проедет сама Итилия, ждать, хоть целую вечность! А она не сможет усидеть дома, в роскошном дворце, где слышна тихая, ласковая музыка и в воздух поднимаются прохладные, живительные струи фонтанов! Она обязательно поедет сама! Такова уж ее природа — не сможет эта женщина с черными колодцами, вместо глаз, остановиться на полпути, бросить поиски. Пусть даже город этот

никогда и не существовал, пусть все это сказки...

Она поедет... А мы — песчаные мумии — ее дождемся...

* * *

В таверне толстого Асланкариба, что приткнулась к каменному забору, огораживающему дом купца средней руки по имени Курдебек, редкий день обходился без драки. А уж споры, ругань, крики были здесь в порядке вещей, как и нищие у дверей, и пьяные в придорожной канаве.

Сам Курдебек в сопровождении охраны иногда заходил в таверну — проверить все ли в порядке, ибо был он в доле с толстым Асланкарибом, потому и позволил прокопченным стенам забегаловки подпереть его забор. Зайдет, сморщит брезгливо нос, с отвращением посмотрит в бессмысленные, мутные глаза завсегдатаев заведения, получит с компаньона свою долю и скорее к выходу! Не терпела расчетливая душа купца бессмысленного пьянства и прожигания жизни. Не выносил Курдебек также бедности и глупости, и были эти два понятия для него почти что едины. Если беден — значит, глуп, иначе смог бы заработать! Если беден и не глуп, значит ленив! А про ленивого тоже говорят — дурак! Вот и получается — беден, значит дурак.

Сам купец отличался живым умом, умел читать и писать на нескольких языках, был, вопреки расхожему мнению простолюдинов о купцах, высок, строен и силен, как бык. В дни молодости, будучи еще только приказчиком у богатого и скрупульного дядюшки, хаживал он и на войну, участвовал в нескольких походах, осаждал крепости и нападал на вражеские караваны.

Все было в жизни Курдебека. И много шрамов украшали его тело, а один красовался и на лице — тонкий, красный рубец через всю щеку, память о встрече с богатырем, прорубавшимся вместе с другими из осажденной крепости и увидевшем свою смерть в глазах молодого воина Курдебека.

* * *

Давно это было. Но и теперь, в свои сорок лет, не стал купец, ни толстым, как другие, ни дряхлым. Все также зорко глядели из-под лохматых бровей его карие глаза, так же была крепка его рука и светел ум. И несладко приходилось тем его приказчикам, кто смел проявить леность или глупость, нерасторопность в делах! Многие нерадивые помощники после хорошей затрецины, будто подхваченные волшебным вихрем, вылетали из комнаты, где вершил купец текущие дела.

Курдебек, скрестив ноги, сидел на пышных подушках, вполуха слушая отчет одного из приказчиков и размышляя о последней просьбе партнерши по торговле, живущей в далекой, черной стране Куш. Просьбе весьма странной. Итилия — так звали партнершу — по слухам, была необычайно красива. Сам Курдебек ее никогда не видел, но караванщики не жалели красок, расписывая прелести этой странной белой женщины, фактически правящей черной страной. А просьба состояла в том, чтобы найти в Шадизаре киммерийца Конана и уговорами, или обещанием хорошей платы заставить его с очередным караваном отправиться

в Ксугал, где и царствовала красавица. За это она обещала продать Курдебеку товары по такой низкой цене, что отказать Итилии в просьбе было немыслимо. Немыслимо и глупо, а глупость Курдебек не терпел. Пожалуй, проще всего нанять этого киммерийца охранять караван, заплатив, скажем, вдвое, или втрой. Вряд ли он откажется от такого выгодного предложения.

Курдебек прикинул сумму, которую выручит за товары, если выполнит просьбу Итилии, и лицо его подобрело. Сеть мелких смеющихся морщинок раскинулась вокруг глаз и приказчик, бубнивший цифры, решил, что его отчет одобрен. Но когда хозяин вдруг скрипуче рассмеялся — испугался за его рассудок.

Не обращая внимания на изумление помощника, Курдебек вновь рассмеялся и потер руки. Дело было за малым — найти этого самого Конана. Вроде, к Асланкарибу захаживал какой-то гигант-киммериец...

На следующий день все было улажено. Конан за хорошую плату согласился наняться охранником. Правда, к нему прицепился какой-то южанин, по имени Култар — пришлось нанять и его, но все это были мелочи. Главное — Конан отправился в страну Куш, как и просила Итилия.

Курдебек провернул хорошее, выгодное дельце, а что там будет дальше — его не касается. Может, Итилия решила четвертовать своего старого врага? Или, наоборот, нанять на службу старого друга? Это уже ее дела...

2

— Знаешь, — прошептал Култар, поравнявшись с Конаном, который, чтобы не глотать пыль, ехал с наветренной стороны каравана, — я узнал, что остальным охранникам хозяин платит в два раза меньше! Почему?

— Я сразу понял, — усмехнулся Конан, — как только услышал, куда идет караван...

— Что ты понял?

— Что одна моя знакомая придумала такой хитрый план, чтобы встретиться.

Услышав недовольный окрик начальника охраны, Култар поморщился — по установленному порядку нельзя было надолго покидать свое место.

— Поговорим на привале! — и Култар нырнул в облако пыли: ему досталось место с подветренной стороны.

Только когда огромное закатное солнце озарило выжженную степь кровавым светом, и караванщик зычно прокричал отбой, Култар смог вернуться к своим расспросам.

— Так, кто она — твоя знакомая?

Верблюдов стреножили и отпустили пастьись. За ними присматривали охранники. Других воинов расставили попарно вокруг лагеря. Спать полагалось по очереди.

— Старая знакомая... Красавица Итилия. Она знала, что просто так я к ней не поеду. Вот и попросила Курдебека нанять меня в охрану. Сейчас она сказочно богата...

— И ты не поехал бы к такой женщине?!

— Я люблю свободу, Култар. А Итилия не знает мер... Тебе сейчас трудно понять.

Вытаращив глаза, южанин смотрел на друга. Вроде, все о нем знал... А оказывается...

— Мне не то, что трудно! Мне — вообще не понять! Как можно...

— Вообще-то, — перебил Конан, — она, вероятно, задумала какое-то дело. И я ей нужен

не только как... а еще и... — киммериец смаочно зевнул.

— Если ты не против, я буду спать первым...

Новый день был в точности похож на вчерашний. А все последующие ничем не отличались от предыдущих, разве что, солнце палило все более нещадно, да почва становилась песчаной — караван продвигался на юг.

Несколько раз на горизонте показывались всадники, но были ли это разбойники, или мирные жители степей — оставалось неясным. Во всяком случае, нападать на столь хорошо охраняемый караван они не решались.

Наконец, тяжело нагруженные верблюды величественно зашагали по тенистым улицам Ксутала. А чуть позже караван вступил за ворота усадьбы самой богатой и самой красивой женщины страны Куш.

Итилия, облаченная в облегающие черные одежды, гибкая и стремительная, как пантера, сама руководила разгрузкой. Бесчисленные рабы носили и носили тюки с товарами, верблюды ревели, погонщики кричали, а приказчики сновали взад-вперед, как летучие мыши.

Конан с Култаром сидели у фонтана, наслаждаясь прохладой взмывающих ввысь прозрачных струй. Подхваченные ветром брызги попадали на их разгоряченные лица, привнося в души блаженный покой.

Итилия, окруженная кольцом приказчиков, все еще раздавала указания. Конана она словно «не замечала». Иногда, стремительно шагая мимо фонтана, даже отворачивалась, деловито расспрашивая о чем-то караванщика.

Култар восхищенно цокал языком. Притворно закатывал раскосые, восточные глаза, качал головой. С черными распущенными волосами, сверкая черными, как ночь, глазами, Итилия действительно была сказочно прекрасна. Даже Конан признал, что таких красивых женщин он встречал не часто.

— Ну, что же, — он хлопнул Култара по плечу, — расчет мы получили, пойдем, отдохнем в ближайшей таверне!

— Но... как же? Ты же говорил...

— Я, наверное, ошибся, — горько усмехнулся Конан, — разве может простой охранник заинтересовать такую красавицу?!

Легко поднявшись, киммериец зашагал прочь. Култар, растерянно потоптавшись, бросился следом. Ему показалось, что Итилия что-то крикнула. Окликнула Конана? Впрочем, в общем шуме трудно что-либо разобрать. Возможно, она отдавала очередной приказ...

В таверне висел густой табачный дым. Люди южных стран обожали пускать ароматный дым из длинных, коричневых трубок. Часто в табак они добавляли какие-то снадобья, и после курения долго спали с блаженными улыбками на лицах.

Друзья выбрали столик, заказали обильный обед и самое лучшее вино. Конан деловито налил из кувшина. Култар все порывался о чем-то спросить и никак не мог решиться. А, кроме того, трудно расспрашивать о сокровенном в шумной таверне. За окном стемнело, и слуга зажег дымные факелы — по одному на каждой стене.

Черные лица посетителей заведения тонули в полумраке. Только белки глаз сверкали, когда негры, недовольно ворча, косились на сидевших за обильным столом белых. Только сейчас Култар заметил, что кроме них в таверне не было ни одного белокожего. Очевидно, другие охранники и погонщики нашли заведение получше.

— Мне кажется, — сказал Култар, — что посетители не очень довольны...

— Только заметил? — усмехнулся Конан. — Если бы мы не были вооружены, нас давно бы уже поджарили на вертеле!

— Они, что? Едят человечи... — с ужасом начал Култар, но тут Конан оглушительно расхохотался.

Вокруг недовольно заворчали, а несколько человек с мрачными лицами подошли к столику и угрожающе залопотали.

— Что они говорят? — Култар недоуменно смотрел на окруживших его громил.

— А демон их разберет! — Конан неспешно встал.

Даже самый высокий негр едва доставал ему до плеча. Разговоры мгновенно смолкли. Подошли еще несколько человек. Култар заметил, что они прячут за спиной короткие, массивные дубинки. Один из вновь подошедших, что-то крикнул, показывая на дверь.

Конан, не размахиваясь, ударил его в челюсть. Мгновенно повернулся направо, затем налево, и через секунду на полу лежали уже трое самых крепких негров. Остальные попятались. Не поднимая глаз, отошли в сторону, коротко посовещались и расселись за столики.

Конан налил очередную кружку и хлопнул Култара по плечу.

— Они не любят белых. А мы не очень-то жалуем негров!

Теперь, в таверне было так тихо, что слышалось потрескивание факелов.

— А что это за мясо? — оживился Култар. — Очень вкусное!

— Это песчаный удав, — Конан с аппетитом закусывал, — видишь, оно как бы нарезано кружками. Снимают шкуру и аккуратно режут поперек тела...

Култар поморщился. Он не любил змей. А теперь он не любил и негров.

Дверь распахнулась, и вошли три высоких воина. Длинные кольчужные рубашки, сплетенные из темной проволоки, гармонировали с черными, как сапог, лицами. Короткие мечи на поясе и луки за спиной.

— Это из охраны Итилии, — бросил Конан, — она, конечно же, сама их тренировала. Могут быть очень опасны в бою.

Воины направились прямиком к столу, за которым сидели Конан и Култар. Теперь слышно было не только потрескивание факелов — можно было различить даже тихое журчание мух.

— Подожди! — удивился Култар. — Ты хочешь с ними сражаться?! Почему бы ни принять приглашение? Ведь они, наверное, пришли нас пригласить на...

— Потому, что я хожу в гости только тогда, когда захочу!

Воины почтительно, но и с некоторой угрозой склонились над столиком.

— Госпожа приглашает тебя на ужин. Вместе с другом.

— Передайте госпоже, что я отлично поужинал и тут!

Охранники коротко посовещались на своем языке.

— Мы не можем вернуться без тебя! Если ты не пойдешь сам, нам придется тебя связать!

Взревев, Конан одним ударом свалил с ног говорящего. Двоих других схватились за мечи. Издав странный, визгливый боевой клич, Култар подпрыгнул, и каблук его сапога отпечатался на черной физиономии другого охранника. Оставшийся на ногах, благоразумно вложил меч в ножны и учтиво поклонился. Затем помог подняться товарищам и увел их, шатающихся, в темноту южной ночи.

Конан налил очередную кружку. Култар отставать не собирался. Слуга, с выражением беспредельного ужаса на лице, принес очередной кувшин.

— Ты говоришь, Итилия сама учит сражаться своих охранников? — язык у Култара начал немного заплетаться.

— Да, — кивнул Конан, — она была когда-то убийцей и очень хорошим фехтовальщиком! Не думаю, что она потеряла форму.

— Но эти-то... Не рискнули...

— Возможно, она кое-что рассказала обо мне... Ну и, кроме того, наказала доставить нас живыми и здоровыми.

В который раз дверь таверны с грохотом распахнулась. Из темноты, как привидение прекрасной дамы, возникла хозяйка города Ксутал, хозяйка страны Кущ, убийца и изощренная интриганка, нежная и дивная Итилия.

— Конан! Ты мог хотя бы поздороваться, когда пришел с караваном в мой город.

— В мои обязанности входила только охрана товаров...

— Не прикидывайся! Ты прекрасно понял, кто и зачем тебя нанял!

— Почему же ты так упорно меня не замечала? — Конан откровенно ухмыльнулся.

Култар сидел с открытым ртом. От этой женщины исходил чудный запах. Что это? Заморские благовония? Духи из Вендии? Или это запах ее прекрасного тела?

— Ну... я, — Итилия смущилась, — я была занята... А, проклятье! Я думала... Я надеялась, что ты сам подойдешь!

— Разве может простой охранник запросто подойти к такой важной госпоже?!

— Прекрати дурачиться! Конан... я хотела...

И тут случилось то, о чем впоследствии несколько лет судачили во всех тавернах города.

Хозяйка, эта твердая, как железо, жестокая, как тиран, и хитрая, как лиса, женщина, опустилась на пол и прижалась лицом к коленям огромного киммерийца. Посетители заведения перестали дышать. Култар превратился в каменное изваяние. Конан бережно поднял Итилию, как пушинку подхватил на руки и, словно демон, похищающий красавицу, вышел в ночь.

Много дней друзья беспробудно пьянились в доме Итилии.

В результате обильных возлияний и бесконечных, изнурительных ночей в объятиях хозяйки, Конан опух, похудел и под глазами у него залегли темные круги. Култар, которого охаживали две миловидные рабыни, отличающиеся бешеным, южным темпераментом, выглядел не лучше.

По утрам, плохо соображая после бессонных ночей, друзья встречались за столом.

— Теперь я понимаю, — сказал однажды Култар, — почему ты не спешил в гости к нашей очаровательной хозяйке.

Конан удрученно кивнул.

— Нужно выбираться отсюда, иначе скоро мы не сможем даже вытащить мечи из ножен, — прошептал он заговорщически.

— Да и другие мечи у нас будут не в лучшем состоянии...

Итилия, обладающая сверхъестественным чутьем, сама заговорила о деле.

— Я вижу, Конан, что ты собираешься сбежать! Не спеши. Я хочу предложить тебе возглавить караван, который отправиться на поиски Города Колонн.

Конан застонал.

— Города Колонн не существует!

— Почему? Почему это ты так уверен?

— Потому, что его ищут уже несколько столетий.

— Они искали не там, где нужно!

— Они искали везде... — Конан вскинул голову. — Скажи, и сколько караванов ты уже посыпала?

— Четыре...

— Ты хочешь, чтобы я сгинул вместе с пятым?

На смуглых щеках Итилии выступил легкий румянец.

— Но у меня есть точная карта...

— Карты были у всех! В Шадизаре на каждом углу мошенники продают разные карты...

Я думаю, в Ксугале — тоже!

— Подождите, подождите, — встрял подошедший к столу Култар, — о чем это вы говорите? О городе Ирем? Мои родственники тоже искали его!

— Ну и как? — зевнул Конан.

— Не нашли, — развел руками Култар, — пропали в песках...

Итилия стукнула по столу кулаком.

— Карту я нашла в подвале старинного дома! Рабы выбирали хорошие камни на развалинах... Это когда строился мой дворец...

— Ну, хорошо! Пусть карта пролежала в подвале сотню лет. Ты думаешь, что сто лет назад на земле не было мошенников?

— Подождите, — опять крикнул Култар. — Ты по этой карте посыпала четыре каравана? Которые пропали?

— Ну... да. Дело в том, что на карте показаны пять возможных маршрутов, ведущих в одну точку...

— Странная карта.

— Именно поэтому она похожа на настоящую! Мошенники таких не рисуют!

Конан, ворча, согласился. Култар почесал затылок, силясь, сосредоточится. Похоже, что им предстоит еще одно путешествие. Он поморщился, пытаясь вспомнить предыдущее. Они шли к проклятому монастырю... Нет, их доставил на летающем ящере волшебник Эскиламп... А уж, потом они шли... И дальше — провал. Конан говорит, что в его теле вселился некий бог... Может, и так...

Култар не любил странствия. Он мечтал о тихой, спокойной жизни. Иметь свой домик... Лучше, конечно, хороший дом, в два-три этажа! И земли клочок... Вообще-то, лучше побольше... Ну и рабов, чтобы они эту землю обрабатывали. И скот... Несколько коров, овец... Нет, мало! Как ни крути, а нужно иметь стадо, лучше несколько стад, чтобы они спокойно паслись. Земли-то, стало быть, надо еще больше — чтобы были выпасы. Много земли надо. Тут уж не обойдешься и простым домом, пусть даже в три этажа. Нужен замок. И чтоб стоял он на холме, а вокруг простирались его, Култара, земли. Пашни, выпасы... А раз замок, значит и прислуга, и охрана... Да что там говорить — нужно иметь свое небольшое войско, иначе этого замка можно быстро лишиться! А лучше, чтобы войско было большое! Тогда не только свой замок всегда можно отстоять, но и чужие, прихватить! И спокойно

жить! Иметь красавицу жену, растить детей.

Но для этой тихой, мирной, спокойной жизни нужны деньги! Много денег! А значит, придется ходить по рискованным маршрутам в разные, опасные места! На поиски Города Колонн, например. Иначе никогда не купить ни замка, ни земель, ни даже маленького домика с небольшим участком земли!

Култар вздохнул. Плохо боги устроили этот мир! Те, кто с самого рождения купаются в деньгах — дети вельмож, купцов — всю жизнь не знают нужды. Только преумножают богатство. А оно-то им, ведь, с неба свалилось! Просто повезло родиться не сыном сапожника, а сыном вельможи. Сами-то они ничего не сделали! А живут, как боги.

Тут Култар невольно посмотрел на Итилию. Конан как-то рассказал ее историю... Рассказал, кем она была. Как добилась богатства. Бывает, бывает так, что кто-то добивается богатства сам!

Как, вот она — красавица Итилия. Честь и хвала таким людям! Но беда в том, что так бывает очень редко, Чаще, кто родился в нищете — тот в нищете и помрет. Итилия-то, кстати, родилась не в нищете! Она по рождению какая-то там царица и или княжна... Конан рассказывал... Так что, пример ее как раз и показывает — кто родился богатым, тот и будет богатым!

Южанин потер фалангами больших пальцев раскосые глаза. Нахмурился. Голова после вчерашнего гудела так, будто в ней работали десяток кузнецов. Стучали, ковали, дымили... Да... Можно, конечно, богатство потерять. Так бывает, жил, потом у него все отняли, или сам прогорел, и стал нищим. А вот, Итилия, наоборот, сумела нажить богатство. А муж ее, как раз потерял... И не только богатство, но и жизнь...

Принесли легкого вина, и Конан выпил половину кувшина прямо из горльшка. Итилия молча смотрела. Ждала ответа. Култар, который для себя уже все решил, тоже смотрел на Конана.

Киммериец встряхнул черной гривой спутанных волос, и в синих глубинах его глаз Итилия прочла ответ.

— Я прикажу начать сборы. Выходим через два дня.

— Выходим? — удивился Конан. — Ты тоже идешь с караваном?

— Конечно! Неужели ты думал так легко от меня отделаться?

Култар засмеялся и потянулся к кувшину — прогнать кузнецов. Конан пожал широченными плечами и приказал служанкам принести еще вина.

Через два дня все было готово к отъезду. Десять самых выносливых верблюдов с поклажей, двадцать рослых, закутанных в черные плащи, воинов на лошадях, Конан с Култаром и сама Итилия — все собрались у ворот, ожидая пока спадет дневная жара. Первые дни, пока путь хорошо известен, лучше двигаться ночью. Днем отдыхать в оазисах, отсыпаться.

Последний раз взглянув на карту, Итилия подала знак. Погонщики подняли верблюдов, охранники вскочили на коней.

— Ты распорядилась положить в каждый бурдюк с водой по серебряной монете? — уточнил Конан.

— Конечно, — Итилия глянула с укором.

Култар задумчиво потер подбородок.

— Я так и не понимаю до конца — зачем это делается? На счастье? Или ради утешения тех, кому воды не хватило?

Конан внимательно посмотрел на товарища. Убедившись, что тот и не думал шутить, пояснил:

— Чтобы вода не портилась. Серебро хорошо сохраняет воду!

— А золото? Может бросать по золотому?

— А, может, по бриллианту? — подхватила Итилия.

— Тогда уж, лучше по горсти изумрудов, — пробормотал Конан и тронул коня.

Задрав надменные морды, и презрительно выпятив нижнюю губу, верблюды величественно прошествовали по улицам города. Итилия, на стройном, белоснежном жеребце, ехала рядом с Конаном. Култар немного отстал, уловив желание хозяйки поговорить с возлюбленным наедине. Охранники скакали далеко впереди.

— Конан, почему бы тебе навсегда не остаться. Будем вместе владеть тем, что я имею!

— Ты слишком любвеобильна, — рассмеялся Конан.

— Ты же знаешь... — смущилась Итилия. — Это оттого что колдун Актион поил меня своим зельем...

— Эскиламп считал его неплохим человеком... — Конан был рад сменить тему.

— Эскиламп его ученик. Ученик не может плохо говорить об учителе!

— Это почему же?

— У волшебников так принято!

— Не слышал...

Топот копыт стих — караван незаметно покинул мощенные мостовые. Городские ворота остались далеко позади. Впереди был долгий путь и томительная неизвестность.

— Ты мне так и не ответил... — напомнила женщина.

— Разве?

Итилия вспыхнула:

— Ты не хочешь жениться на мне?! Боишься, что я тебя замучаю до смерти?! Да знаешь ли ты, неотесанный тупой варвар, сколько богатых купцов, сколько вельмож, каждый день просят моей руки?!

— Они все, наверное, старые и дряхлые? — усмехнулся Конан.

— Нет, не все! Есть и молодые! И довольно красивые!

— Ну, так в чем же дело?

— В тебе, варвар-киммериец!

«Неужели она действительно любит меня? — ужаснулся Конан. — Но я же не могу... А, вообще-то, почему бы и нет? Почему бы, действительно, не жениться на богатой вдове и покончить с бродячей жизнью? Что мешает? Ее темперамент — только предлог. В конце концов, супруг не обязан непрерывно ублажать ненасытную жену! У него есть и другие дела. Нет, страсть Итилии к любовным утехам его не пугает...»

Он представил, как будет вершить хозяйствственные дела, чинно сидя за большим столом. Выслушивать отчеты приказчиков, давать указания. Этот товар продать подороже, тот пока не продавать...

Это же надо изучить все купеческие премудрости! Корпеть, потеть, знать цены, проверять, не воруют ли продавцы... А меч будет висеть на стене! И постепенно покроется слоем ржавчины. Вначале тонким, потом толстым. И скоро его невозможно будет вытащить из ножен...

А он, Конан, бывший воин, вор, романтик, скиталец, который когда-то превыше всего ценил свободу, будет заниматься куплей-продажей. Забудет звон мечей, боевые кличи,

кровавую радость битвы. Зато будет хорошо знать цены на разные товары и вечерами перебирать в сундуках драгоценные камни, пересчитывать золото и серебро!

— О чём ты так тяжко задумался? — голос Итилии вернул его к действительности.

Конан молчал, оглушенный видениями нудной купеческой жизни.

— Не бойся, — тихо сказала Итилия, — я больше не буду об этом говорить. Просто обещай, что ты меня не забудешь и, хоть иногда, станешь навещать.

— Конечно, обещаю, — с чувством сказал Конан, затем усмехнулся и добавил: — Да тебя и невозможно забыть!

Итилия хлестнула коня и скрылась в клубах пыли.

Култар давно заметил, что когда идешь с караваном — первые дни всегда бывают долгими и трудными. Но уже через некоторое время к дороге привыкаешь и кажется, что всю жизнь так и было — лошадь, седло, верблюды с тюками, крики погонщиков... А затем, дни сливаются в одну бесконечную полосу, которая заканчивается всегда неожиданно, повергая в растерянность и смятение. И караванщик объявляет о прибытии на место, выдает заработанные деньги и желает приятно их пропить.

Так было и на сей раз. Только бесконечная полоса дороги кончилась не так, как обычно. Никто не предложил денег, хотя о том, что прибыли на место — объявили. И место это было поистине ужасным.

Ветер выл, как пойманный в капкан зверь. Походный шатер угрожающе раскачивался. Чернокожие охранники попеременно держали боковые колья, не позволяя ветру сорвать шатер с места и утащить в песчаную мглу.

Итилия в который раз развернула карту.

— Похоже, мы у цели... Три дня пути от соленого озера, вот оно... — миниатюрный пальчик похлопал по пергаменту в том месте, где было изображено озеро. — Сегодня третий день...

Конан мрачно смотрел на выцветшую, истертую карту. Култар помогал охранникам держать шатер.

— Странно, почему так внезапно началась песчаная буря... Будто нас кто-то ждал и как только увидел... — в черных глазах Итилии мелькнул страх.

— Если Ирем существует, — спокойно отозвался Конан, — его, конечно же, стерегут.

— Интересно, кто? — вытянул шею Култар...

— Кто? — переспросил Конан. — Духи, джины, демоны, мертвцы...

— Прекратите! — Итилия прикусила губу. — Там, среди вихрей, вход в город... Его, конечно же, не увидишь — для того и крутит тут песок... Конан, что будем делать?

— Воды у нас осталось достаточно, будем двигаться расширяющимися кругами, искать вход. Если через три дня не найдем — отправляемся обратно.

В шатер вбежал один из охранников.

— Госпожа! Найдены кости верблюдов и пустые бурдюки!

— А кости людей?

— Их нет... Только верблюжьи.

Через несколько минут Конан стоял у бархана, из которого торчали кости. Песчаная

пыль забивала глаза, мешала дышать, шершавыми пальцами ковыряясь в носу и горле. Охранники вытаскивали из песка кости. Стервятники поработали на славу, обглодав останки верблюдов до блеска.

— Посмотрите вокруг, — сказал Конан, — должны быть скелеты погонщиков. Люди не могли уйти далеко, после того, как пали верблюды.

— Господин, — охранник, переминался с ноги на ногу, — мы уже потеряли трех человек... Они как раз и искали скелеты...

— Они же не могли пропасть! — крикнул Конан.

— Ищите! Может, они просто отошли... При такой видимости...

— Один из них крикнул, что...

— Что крикнул?! — Конан не на шутку рассвирепел.

Что же это за воины, которые теряются в песчаной буре, как дети?!

— Он крикнул... что, вроде бы... заметил человеческую руку, торчащую из песка...

— В какой стороне это было?

— Там, — охранник указал направление.

— Ищите, шакалы дети!

Конан, плотнее закутав лицо, пошел в указанном направлении. Через несколько шагов, ему показалось, что на свете не осталось ничего и никого, кроме кружавшего в воздухе песка. Даже крики охранников стихли где-то за песчаным занавесом. Следы быстро заметало. Нет, далеко отходить нельзя. Нужно ждать конца бури. Конан остановился. Прислушался. Как будто кто-то кричал... Но крики раздавались не со стороны лагеря. Возможно, это трое заблудившихся охранников...

Следы почти исчезли. Конан прочертит носком сапога стрелу, указывающую направление и вновь прислушался. Нет, только вой ветра в ушах и скрип песчинок на зубах... Он пошел назад.

В лагере уже недосчитались десятерых охранников. Кроме того, пропали два погонщика. Ко всему прочему, стало быстро темнеть.

— Всем оставаться в лагере! — отдал приказ Конан, выслушав сбивчивый доклад старшего охранника. — Сейчас мы никого не найдем. Тем более, ночью. Следить за верблюдами и лошадьми. Ждать конца бури.

Ночью ветер злился сильнее обычного и только к утру стал постепенно стихать. Восходящее солнце осветило несколько полузасыпанных песком походных палаток, наклонившийся, но устоявший шатер Итилии, невозмутимых верблюдов, спокойно жующих жвачку и тревожно бьющих копытами коней.

Конан, ругаясь, вылез из шатра, протер глаза и осмотрелся. Пустыня напоминала застывшее, по мановению волшебной палочки, море. Бесконечные барханы, вздымались, как остановившиеся волны. Мелкая песчаная рябь навеки подернула затвердевшее море.

Из палаток выползали невыспавшиеся люди. Погонщики бросились считать верблюдов. Охранники неровным строем стояли, ожидая распоряжений.

— Каждому по одной лепешке и по полкружки воды. Затем искать товарищей. Находиться в пределах видимости, — Конан хмуро смотрел на оставшихся воинов.

Перед ним стояли шестеро. За вечер и ночь пропали четырнадцать человек!

Култар осторожно тронул товарища за руку:

— У меня не выходит из головы слова одного из них... Кто-то крикнул, что видел руку...

Конан помолчал, наблюдая, как расходятся в разные стороны охранники.

— В такую бурю еще не то может померещиться.

Из шатра вышла, наконец, Итилия. Созвала погонщиков. В начале пути их было пятеро — по одному на каждую пару верблюдов.

Теперь перед ней стояли три испуганных, измученных человека.

— Как они пропали? Куда-то ходили? Заблудились?

— Госпожа, — пролепетал один, — они исчезли на моих глазах...

Подошел Конан. Култар семенил следом.

— И что же ты видел?

Погонщик поклонился.

— Господин, я видел... видел, как, чьи-то высохшие руки схватили их за лодыжки и утянули в песок...

— Кром! Где это было?

— Недалеко от того места, где лежали верблюды.

— Показывай!

Погонщик мелким шагом осторожно двинулся вперед. Через несколько десятков шагов остановился. Оглянулся.

— Кажется тут, господин.

Конан попытался вырыть мечом яму, но песоксыпался, тек, как вода. Яма получилась не слишком глубокой.

— Тут никого нет!

— Их затянули, господин...

Подошла Итилия.

— Что-то я не вижу охранников... Раньше все шестеро маячили на горизонте...

— Проклятье! — Конан стукнул кулаком по ладони, затем вздохнул: — Нужно убираться отсюда. Люди исчезают прямо на глазах! Кроме того, похоже, опять поднимается буря.

— Собирайте коней, готовьте верблюдов, мы уходим! — крикнула Итилия, и погонщики торопливо стали готовиться к отходу.

Неожиданно Култар завопил так, будто увидел самого Сета. Конан еще только поворачивался, а Итилия уже выхватила саблю и яростно рубанула по песку, едва не задев сапог южанина.

Раздался еще один вопль — хриплый, булькающий. Итилия ткнула клинком в песок и подняла на острие отрубленную, высохшую руку, пальцы которой дергались, подобно паучьим лапам. По песку прошла рябь, он зашевелился, послышался странный скрип.

— Скорее! В седло! — крикнул Конан.

Закричали погонщики. Итилия завизжала, яростно отмахиваясь саблей. Из песка лезли, растопырив скрюченные пальцы, худые, высохшие руки.

Конан и Култар, выхватив мечи, бросились на помощь. Через минуту множество рук было отрублено, но еще больше появилось из песка.

— Все — в седло! — проревел Конан, работая мечом.

Итилия взлетела на белого скакуна и дала шпоры. Шевелящийся песок рекой тянулся за ней следом. Руки исчезли — только рябь в направлении скачущей Итилии показывала, что они не желают упускать добычу. По счастью погонщики успели связать верблюдов, и Конан на ходу подхватил повод переднего.

— Похоже, они охотились, прежде всего, на нашу хозяйку, — задыхаясь, крикнул Култар, поравнявшись с Конаном.

— Но охранники и погонщики тоже погибли, — пробурчал Конан, силясь сквозь начинаяющуюся бурю увидеть белого жеребца Итилии.

Она сама внезапно вынырнула из песчаного вихря.

— Не отставайте! Нужно уйти как можно дальше!

— Не слишком спеши, если не хочешь потерять верблюдов, а, значит, погибнуть от жажды, — спокойно сказал Конан.

Итилия дрожала, как в лихорадке.

— Что это было? Во имя богов, что это было?!

— Песчаные мумии, — сказал Конан, будто видел такое каждый день.

— Мы остались втроем, — пробормотал Култар, — давайте связемся веревкой, иначе потерянемся. Буря усиливается.

Конан накинул петли на седла и к этой же веревке привязал верблюдов.

— Трогаемся. Поедем, не смотря на бурю. Остановиться, значит, умереть.

Замотав лица и закрыв глаза, они осторожно тронули лошадей. Скоро невозможно было разглядеть даже луку седла. Буря выла и стонала, словно скопище грешных душ.

«А, может быть, так оно и есть? — подумал Конан. — Тут собрались души и тела всех тех, кто погиб, пытаясь добраться до этого проклятого Города Колонн!»

Почувствовав, что лошадь остановилась, он открыл глаза. Ярко светило солнце. Вокруг расстипался песок странного зеленоватого цвета...

Внезапная тишина подавляла. Рядом вертел головой Култар. Белоснежный жеребец Итилии нетерпеливо перебирал копытами. Сама она смотрела на Конана не то с ужасом, не то с ликованием. Перед ними возвышался лес огромных колонн. Каждая была украшена резьбой и резьба ни разу, на сколько хватало глаз, не повторялась.

В обе стороны до самого горизонта тянулся этот строй колонн. Прозрачные облака, скорее даже, легкая дымка укутывала вершины.

— Будь я проклят, — прошептал Култар, — да ведь это...

— Это Город Колонн! — Конан оглянулся.

Позади крутилась мутная завеса песчаной бури.

— Мы все же нашли его, — в черных глазах Итилии стояли слезы.

— Скорее, он нашел нас, — сказал Конан, затем, указывая на клубящиеся вихри позади, добавил:

— Мы или случайно нашли проход, или нас провели...

— Интересно, кто?

Конан молча спешился, отвязал веревку, связывающую лошадей, поднял несколько небольших камней, вероятно отковавшихся когда-то от колонн. Неторопливо выложил стрелу, указывающую точно на то место, через которое они попали в город.

— Ты думаешь, этот город... — начала Итилия.

— Да, — кивнул Конан, — город не в нашем мире. И, если мы хотим вернуться, важно не потерять проход.

— Странно, мне как-то не очень хочется углубляться в этот каменный лес, — Култар поежился.

— Поэтому, поедешь последним, — усмехнулся Конан, привязывая повод переднего верблюда к луке седла лошади Култара, — за верблюдов отвечаешь головой!

— И в какую сторону поедем?

— Прямо! — Конан тронул коня и не спеша, двинулся вперед.

Четыре огромные ступеньки вели к мощному плитами основанию колоннады. Клубящаяся дымка мешала разглядеть кровлю, которую, вероятно, поддерживали колонны. Солнце исчезло, едва копыта лошадей и верблюдов зацокали по камню. Кони испуганно ржали. Даже невозмутимые верблюды вели себя беспокойно. Проезжать между огромными каменными столбами было действительно жутковато. Кто знает, что там, наверху, скрыто туманом...

— Смотрите, — негромко сказал Конан, указывая вперед, — кажется, начинается город.

Через несколько минут каменный лес остался позади. Перед путешественниками такими же стройными рядами, располагались одинаковые квадратные здания. Дальше возвышались круглые башни, целый лес башен. На вновь появившемся солнце сверкали золотые купола и шпили.

И, наконец, еще дальше, в синей дымке возвышалась огромная, как гора башня, вмещавшая в себя, вероятно, целый город.

Достаточно удалившись от колонн, Конан остановил караван.

— Култар, посмотри, что у нас осталось из еды, сколько воды в бурдюках. И если осталось зерно, покорми верблюдов и лошадей. Я думаю, травы они долго не увидят.

Итилия легко соскочила с коня и стала помогать Култару. Конан так же спешился и стоял, задумчиво глядя на расстилавшийся перед ним таинственный город. Он хорошо помнил старинные предания.

Ирем, Город Колонн. Великий шах Шаддат, волшебник, владеющий самыми сокровенными знаниями, заставил джинов построить для него этот город. Для него и его подданных — гордых гигантов-нефилимов. Старшие боги уничтожили всех, кто жил в городе за их непомерную гордыню. Но другие легенды говорили о том, что гордыня здесь ни при чем: боги опасались за свою власть, ибо велика была мощь шаха и его подданных.

Так или иначе, но жители города Ирем исчезли. Однако, в библиотеках остались книги, свитки папируса, каменные таблички... А в подземных кладовых — древние колдовские артефакты... Удастся ли их найти?

Какая-то невысказанная мысль беспокоила киммерийца, пока он стоял, глядя на город. Какая-то... он только что подумал... Да, он подумал — сумеют ли они найти книги и артефакты? А нужно ли их искать? Вот что его беспокоило!

Стоит ли вытаскивать на свет то, что волею богов, скрыто от людей? Не приведет ли это к нарушению хрупкого равновесия, которое с таким трудом установилось в этом мире? Вероятно, Шаддат решил править вселенной. Ему не позволили...

А если сейчас красавица Итилия овладеет самыми сокровенными секретами? Познает тайны, которые боги намеренно оставили скрытыми?

Завладеет могущественными артефактами? Что она может натворить? Она — красавица, злодейка, жаждущая абсолютной власти хозяйка города Ксутал, бывшая убийца, интриганка, ненасытная сластолюбица, стремящаяся покорить все и вся?

До сих пор Конан не задумывался над этим, будучи уверен, что никакого волшебного города не существует...

Но даже, если предположить... То уж им-то его не найти... И вот, этот мертвый город раскинулся перед ним, как на ладони. Вот он — с его тайнами, могуществом, ужасом... Нет,

нельзя допустить, чтобы Итилия овладела могуществом древних! Она попытается покорить мир! Именно покорить, завоевать, залить кровью, подчинить своей необузданной воле!

Конан вдруг, неожиданно для себя, почувствовал острую жалость. Бедная женщина — она не умеет смирять страсти, она пойдет до конца... и кончит так же; как шах Шаддат и его нефилимы. Погибнет. Но перед тем, утопит в крови полмира. Нет, тайна Города Колонн должна остаться незыблемой.

— Конан, воды у нас дней на двадцать, не считая того, что оставлено на обратную дорогу! Лепешек и зерна тоже достаточно! — весело крикнул Култар.

«Вполне возможно, что мы и на самом деле ничего не найдем, — думал Конан, — мы оказались в городе, но это еще не значит, что мы овладеем его тайнами».

— Если надоест жевать лепешки, — продолжал южанин, — можно пожертвовать одним верблюдом.

Итилия гневно сверкнула глазами:

— Сначала купи верблюдов, потом ими распоряжайся!.. Я уже и так во время бури потеряла двадцать лошадей!

— А потеря охранников, что ехали на этих лошадях тебя не волнует? — уточнил Конан.

— Это были рабы! Их у меня достаточно!

— А лошадей и верблюдов — мало? — удивился Култар.

Итилия поймала пристальный взгляд Конана и смутилась. Опустила голову и спряталась под роскошными прядями иссиня-черных волос.

— Ты стала настоящей купчихой, — не унимался Култар — а наш друг рассказывал, что раньше ты...

— Заткнись! — рявкнул Конан.

Южанин испуганно замолчал, затем отошел к верблюдам и стал поправлять поклажу, проверять ремни, подтягивать подпругу.

Хрупкие плечи Итилии затряслись, когда киммериец нежно прижал ее к груди.

— Да... я стала... я стала, — плакала женщина, — ничего! — она вдруг гордо вскинула голову. — Я найду то, что запрятано в городе! И тогда!..

Итилия оттолкнула Конана и одним прыжком взлетела в седло.

— Вперед! Меня ничто не остановит! — она дала жеребцу шпоры и помчалась к серым зданиям, однообразные ряды которых, исподволь будили глубоко запрятанную тревогу.

Конан вздохнул и покачал головой. Култар, косясь на друга, сел на коня, и стал, дергая за веревку, поднимать верблюдов.

— Поспешим, нельзя оставлять ее одну, — Конан вскочил в седло.

Внезапно конь его поднялся на дыбы и тревожно заржал.

— Он чует опасность, — проскрипел сзади Култар.

Друзья уже скакали во весь опор, но ряды однотипных зданий не приближались. Белый жеребец Итилии, вдруг взмыкнул, затем стал, вопреки желанию наездницы, поворачивать назад.

— Что с ним? — Конан резко осадил коня.

— Не знаю... Он испугался. Он никогда ничего не боялся! — Итилия, наконец, справилась с конем и уже спокойно двинулась дальше. Конан, поравнявшись с ней, указал на квадратные здания.

— Они дальше, чем мы думали!

— Конечно! Это огромные жилища гигантов. До них еще скакать, да скакать!

— Тогда высоту той горы-башни вообще представить невозможно, — добавил Култар.

Наконец, после продолжительной скачки, друзья, остановились у первого дома. Квадратное здание высотой с четырехэтажный дом, где-то наверху — узкие окна. Огромный портал, слишком большие для человека ступени и высоченные, резные, двустворчатые двери из белого камня.

Конан и Итилия решили попытаться войти и посмотреть, как жили мифические гиганты. Култар остался удерживать коней, которые вновь тревожно ржали, били копытами по огромным плитам мостовой и выражали явное желание убраться восвояси. От легкого прикосновения огромные створки дверей открылись, как бы приглашая непрошенных гостей войти, но, приглашая с нехорошой усмешкой, с взглядом исподлобья — мол, входи, но потом не жалуйся.

В доме не было перегородок. Все строение — одна огромная комната. Конан быстро осмотрелся, ощущая все нарастающую тревогу. Посредине — нечто вроде каменного стола: квадратный, отполированный сверху, и корявый по бокам камень. Рядом — что-то вроде скамейки. Громадная каменная лежанка у стены — одна, значит, жилище рассчитано на одного человека. Человека?

Нет, нефилима — сына человека и демона, или же — человека и бога... Чьи же дети тут жили, в Городе Колонн? Что они хотели? О чем думали, мечтали? Завоевать мир? Или изучить его? Познать?

Библиотеки Ирема... Мудрость, недоступная человеку...

Конан прикинул размеры гигантов — на лежанке вполне могли бы уместиться человека четыре... Да и высота здания как раз, и позволяет такому чудовищу ходить не сгибаясь...

В доме не было ни очага, ни посуды... Как готовили они пищу, как ели? Да и нужно ли было, им есть?

Конан хмыкнул. Даже демоны, во всяком случае, те, которых он видел, нуждались в пище. Более того, питались изысканно, закатывали пиры... Возможно, в этих домах гиганты просто спали, а трапезы устраивали в других? Странно, все странно...

Окна под самой крышей давали достаточно света. Лучи солнца косо падали на противоположную стену, освещая затейливую резьбу и надписи на непонятном языке.

— И что толку будет найти книги, которые мы не сможем прочитать? — пробурчал Конан, разглядывая полустертые буквы.

— Прочитают другие! Есть волшебники, есть мудрецы, они смогут рассказать мне, что написано... — Итилия вдруг беспокойно оглянулась; двери были закрыты.

— А захотят ли эти «другие» делиться секретами с тобой? Да они, если сумеют прочитать...

— Конан, — изменившимся голосом перебила Итилия, — двери закрылись!

Киммериец оглянулся. Резные створки, высотой почти до самого потолка, действительно были закрыты.

— Когда мы входили, они открылись от легкого прикосновения, может и сейчас... — он направился к выходу.

— Конан, мы в ловушке, — прошептала Итилия, — они не позволят нам пройти дальше в город, найти библиотеки...

— Да кто «они»? — крикнул Конан, — тут никого нет!

Гулкое эхо явственно отзывалось: нет... нет...

Он толкнул дверь. Створки не шелохнулись. Он уперся ногами, налег плечом. Никакого

результата. Итилия шептала молитву.

— Боги не помогут, — проворчал Конан, — тем более, здесь. Они, вообще, редко помогают...

Он стал ощупывать каждую выпуклость на двери, каждую завитушку.

— Кром! Если здесь и есть потайной рычаг, он находится наверху, куда нам не дотянуться!

— Я могу встать тебе на плечи!

Конан кивнул и опустился на колено. Подождал, пока Итилия найдет устойчивое положение, и осторожно выпрямился, придерживая ее за тонкие лодыжки.

— Подними руки и нажимай на все завитушки подряд!

Женщина вытянулась и стала шарить по створкам. С удивлением заметила, как дрожат руки. Разозлилась на себя. Разве раньше и не один раз — не была она на волосок от смерти? Не попадала в ловушки? Не билась одна против десятка воинов?

Почему же теперь у нее трясутся руки?! С теплотой, но и с некоторым раздражением подумала о Конане. Он спокоен, будто и не грозит им голодная смерть в этом огромном доме-склепе. Он уверен, что мы выберемся, иначе, откуда бы у него такое идиотское спокойствие!

Спокойствие идиота! Но он далеко не дурак. Будь он дураком — она давно бы его заманила, женила на себе и каждую ночь наслаждалась бы его могучим телом и мужской силой. И как это он, со скрытой радостью, сказал, что нет смысла искать книги, если не сможешь их прочесть! Следующим шагом был бы возврат в песчаную бурю.

Конан явно не хочет искать библиотеку...

Почему? Ему не нужны знания? Может, и так. Он выбрал путь воина, всякое колдовство ему претит. Сокровенные знания не нужны. К власти он не стремится... Почему же он не любит власть?! Ведь это прекрасно — повелевать народами! Это волнует даже сильнее, чем любовь! Когда, по одному твоему слову, люди идут на смерть или пытки. Когда, следуя взмаху твоей руки, огромная армия лавиной устремляется на врага! И покоренные народы признают тебя повелительницей. О, сколько подобных снов она видела! Сколько раз, во сне, увы — только во сне — овладев сокровенными знаниями, превзойдя колдовской мудростью даже мерзкого Актиона, она покоряла мир!

И вот, теперь она нашла Город Колонн! Тайны вселенной лягут к ее ногам, а вместе с ними — безгранична власть над миром! Власть, которой можно упиваться, которую нужно лелеять, как новорожденного ребенка, которая даст невероятное, неземное блаженство. Такое же блаженство — почти такое — дают ночи с Конаном... Но он не желает ее, не хочет провести с ней жизнь!

Что ж, она утолит эту жажду другим способом — покорит мир!

Итилия встряхнула головой, освобождаясь от видений. Покорит мир?! Да она погибнет тут от голода и жажды! Одно утешение, только одно — умирать она будет в объятиях Конана...

Внезапно раздался странный, скрежещущий звук и одна из голов трехглавого дракона, изображенного древним ваятелем на створках двери, вдруг подалась, утонула, и двери медленно распахнулись. Култар, с безмерным удивлением, уставился на Конана, невозмутимо держащего за ноги, вытянувшуюся в струнку Итилию. Затем, сообразил, улыбнулся:

— Двери с секретом? Конечно... а потайной рычаг — на уровне пояса гиганта...

Итилия легко и грациозна, как черная пантера, спрыгнула с плеч Конана и рассмеялась над недавними страхами. Затем, опустила голову. Что она там надумала насчет смерти в объятиях любимого? Чепуха! Смерть — это всегда ужасно! И все же... Все же умереть в объятиях Конана, было бы не так уж плохо...

Она вновь рассмеялась. Теперь придется завоевывать мир...

В другие здания, стоящие рядами вдоль дороги, путники решили не заходить. Двигались к башням, золоченые крыши и шпили которых, сверкали на солнце, как начищенные доспехи вельможи. Дорога казалась бесконечной. Унылые, однообразные кубы домов, выстроенные, как по ниточке, сверкающие вдали шпили, возвышающаяся из-за горизонта башня-город. И тишина.

Мертвая, гнетущая тишина, нарушать которую неприличным стуком копыт, казалось кощунством, святотатством. Сколько тысячелетий назад залегла, угнездилась среди серых зданий эта мертвая и мертвящая тишина?

— Мне почему-то хочется заорать, но я боюсь, — прошептал Култар.

Итилия молча кивнула. Пристально и подозрительно посмотрела на Конана:

— Тебе, что — совсем не страшно?

— Неприятно, как-то, — признался Конан, — но страха нет.

— А, вот я — боюсь и не стыжусь этого, — сказал Култар с некоторым вызовом.

Чувствовалось, что ему невыносимо ехать в тишине, слушать цокот копыт и представлять, что, вот- сейчас, некие высокие великаны-мумии, вроде тех, песчаных, выглядывают из-за серых своих зданий и протянут к нему, Култару, огромные, желтые руки.

— Боишься — уговори хозяйку повернуть назад, — усмехнулся Конан.

— Она, мне не хозяйка, — тихо сказал южанин, — я к ней не нанимался...

— Как это «не нанимался»?! — воскликнула Итилия. — А кто радовался, как ребенок, когда я пообещала вам столько серебра, сколько вы сможете унести»?!

Култар затравленно оглянулся. Уже и позади, насколько хватало глаз, тянулись нескончаемые ряды серых, угрюмых зданий. Скоро, скоро город их проглотит, как пташка глотает муху! Им никогда не выбраться в тот мир, где они жили раньше. Да и казался теперь «тот мир» каким-то далеким, призрачным, ненастоящим.

— Сколько мы уже едем, а башни не приближаются, — пожаловался южанин, покосившись на Конана.

— Да, едем достаточно долго, пожалуй, пора сделать привал, — Конан остановил коня и осмотрелся.

Все вокруг серо, несмотря на ярко сияющее солнце. Серая мостовая, серые здания. Только вдали — все еще вдали — сверкают купола башен.

Култар уже распаковывал седельные сумки. Итилия недовольно хмурилась — ей натерпелось добраться до библиотек. Верблюды, получив свою порцию фуражного зерна, неторопливо жевали, изредка кивая головами, будто соглашаясь с какими-то своими потаенными мыслями. Лошади же, наоборот, все больше беспокоились, били копытами, отказывались от пищи.

— Что-то будет, когда мы достигнем башен, — покачал головой Конан, — лошади чуют беду.

Итилия облизнула сухие губы.

— Ерунда! — они просто не привыкли...

— К чему? — осведомился Конан.

— Не привыкли к этим громадным каменным домам, к этой серости.
— В городах, где они жили, всегда было достаточно каменных домов, разной величины.
— Да и в замках, — добавил Култар, — вот уж, где хватало камня и серости!
— Все равно, — упорствовала Итилия, — просто непривычная обстановка!
— А ты разве ничего не чувствуешь?! — взывал южанин.

Он только что нарезал ломтиками сухую лепешку и держал в руке нож, рукоятку которого сжал с такой силой, что побелели костяшки пальцев.

— Кое-что чувствую, — спокойно сказала Итилия, насмешливо глянув на нож.

Култар разжал ладонь и кривой, восточный клинок, звякнув, упал на мостовую. Конан невозмутимо перемалывал крепкими зубами высохшую до состояния древесины лепешку. Солнце клонилось к закату. Длинные тени протянулись на восток, раскрашивая зеброй мощеную улицу.

— Еще немного проедем и остановимся на ночлег, — бросил Конан, вставляя ногу в стремя.

— Какой-то выдастся наша первая ночь в мертвом городе? — пробурчал под нос Култар. Он поднял верблюдов и нехотя взобрался в седло.

Итилия долго успокаивала жеребца, при этом сама беспокойно оглядывалась, будто опасалась нападения невидимых врагов. Возможно, ей было бы легче увидеть целые полчища недругов, нежели, в звенящей тишине заброшенного города, ждать неизвестной опасности. Конан, проверив, легко ли меч покидает ножны, тронул каблуками коня. Караван двинулся дальше, вглубь Города Колонн.

6

На ночь остановились посреди улицы. К домам этим, серым, однотипным, пугающим, подходить не хотелось. Молча распаковали седельные сумки, вяло пожевали сухие лепешки. Култар покормил лошадей и верблюдов. Лошади опять почти ничего не ели.

— Воду бы надо найти... — как бы про себя пробормотал южанин, — без воды нам конец...

— Пока что — ни колодца, ни водоема, — Конан расстелил одеяло и лег, с удовольствием вытянувшись, — будем искать. Жалко, что птиц тут нет — они бы показали воду...

— Ни птиц, ни даже мух... — Култар искоса глянул на ряды безмолвных, серых зданий.

Солнце скрылось за горизонтом. Сумерки наступали, как безмолвная, но грозная сила. Тени постепенно исчезали — все поглощала вязкая тьма.

— И устала, и спать боюсь, — прошептала Итилия, — кажется, что стоит заснуть, как кто-то придет... кто-то страшный... не из нашего мира...

Кони тонко и тревожно ржали. Верблюды улеглись и спокойно пережевывали вечную свою жвачку. Их силуэты постепенно исчезали в темноте.

— Я, пожалуй, подежурю, — сказал Култар наигранно бодрым голосом, — все равно пока не уснуть.

— Давай, подежурь, — Конан зевнул, но, перед тем, как окончательно закрыть глаза, окинул улицу быстрым и зорким взглядом. Затем положил ладонь на рукоять меча и заснул.

Итилия расстелила одеяло у левой руки Конана, легла и свернулась калачиком. Дневная

жара постепенно уступала место ночной прохладе. Но не слышно было ни криковочных птиц, ни жужжания кровопийц-комаров, которые изредка налетали на спящих людей в том, другом, таком далеком теперь мире.

Конан проснулся внезапно, будто от толчка.

Тишина звенела в ушах тонкими, надрывными голосами. На небе ярко сияли чужие, незнакомые созвездия. Култар давно уже похрапывал, подобрав во сне ноги к животу. Итилия прижалась к руке Конана, в неосознанных поисках спокойствия и защиты.

Несколько минут Конан лежал неподвижно, до боли взглядываясь в темноту и пытаясь уловить малейший звук. Что же его разбудило? Заржала лошадь? Громко всхрапнул во сне Култар?

Нет, нет... Был другой, чужой звук. Звук, исторгшийся из этого, нового для них мира. Может, треснуло здание, отдавая накопленное за день тепло? Трудно сказать... Но внутри зреала странная уверенность, что разбудили его шаги. Крадущиеся, легкие, почти неслышные шаги. Так не может ходить гигант. Да и нет здесь давно никаких гигантов. Только огромные дома напоминают о них...

Но кто-то же шел? Кто-то же крался в темноте? Значит, есть тут, среди мертвых стен огромных зданий, какая-то жизнь. Нечеловеческая, неестественная жизнь...

Тишина наполняла голову тупой болью. Но Конан был уверен, что существо, подкрадывающееся к нему в темноте, где-то рядом, затаилось, распласталось на нагретых камнях и смотрит.

Это ощущение чужого, недоброго взгляда преследовало киммерийца с самого вечера, с тех пор, как удлинились тени, и солнце приготовилось отправиться на покой. Именно в такое время и начинает просыпаться вся мерзость: упыри, мертвецы, уроды-колдуны, днем спящие, или обернувшиеся корявой, горелой лесиной — если в лесу, либо же каменным идолом, если дело происходит в горах... Мерзость этого мира... Но — у Конана неприятно заныло сердце — они, ведь, в другом мире! И кто знает, какая нечисть обитает тут, в мертвом, заброшенном городе, в мире, где даже звезды на небе расположились совсем по-другому?

Вот! Конан чуть приподнял голову и прислушался. Вот этот звук, что разбудил его — тихие, крадущиеся шаги.

Медлить больше нельзя! Неизвестная тварь близко! Уже слышно ее зловонное дыхание! Нужно вскочить, разбудить остальных, выхватить меч! Но почему не слышатся ноги?! Почему вдруг тело стало таким чужим и непослушным?!

Пальцы не могут обхватить рукоять меча, руки — шевельнуться, даже крикнуть нет сил!

Конан понял, что на него наложено заклятие. Вероятно, не только на него, на Култара и Итилию — тоже. И они трое лежат беспомощные, как малые дети, перед неизвестным чудовищем, обладающим способностью насыпать на свои жертвы неподвижность. Как скоро оно нападет?

Отвратительный запах забивал горло, хотелось сдавить шею, перекрыть доступ этому смраду — если нет возможности вдыхать чистый воздух, лучше не дышать вовсе.

Голова кружилась, мысли путались. Конан почувствовал, что еще немного, и он уплывет, улетит в другую страну, за далекие синие горы, с белоснежными, сверкающими на солнце вершинами, где встретит его Кром, усадит за роскошный стол и будет угождать самыми изысканными винами...

Неимоверным усилием он разорвал чары. С рычанием, с криком, с боевым кличем

воина-варвара, вскочил на одеревеневшие ноги, выхватил меч. Тень, чернее ночи, сгусток могильной тьмы, зашипела и... рассеялась в темноте. Пахнул ветер и принес еще больший смрад, такой, что Конан с огромным трудом удержал в желудке остатки съеденной вечером лепешки. Застонал, зашевелился Култар. Итилия, стиснув зубы, поднималась с колен с саблей в руке.

— Что? Что это было? Кто это был? — Култар сплюнул, разминая руки и ноги.

— Я не могла шевельнуть даже пальцем, пока ты не вскочил, — простонала Итилия, — я все слышала, но не могла двинуться! Что за чудовища живут в этом городе?!

Конан, достал флягу и протянул женщине.

— Это всего лишь первая ночь! Ты все еще хочешь искать библиотеку?

Итилия промолчала. Сделав несколько глотков, передала флягу Култару.

— Конан, кто это был? — допытывался Култар.

— Откуда я знаю, кто это был?! — рявкнул Конан. — Ясно, какая-то нечисть! Умеющая насытить оцепенение. Следующий раз можем и вообще не проснуться!

Итилия сидела, обхватив голову руками. Култар раздал животным утреннюю порцию корма.

Посмотрел на восток, где тонкой полоской начинало светлеть небо и вопросительно глянул на Конана.

— Хозяйка решать должна! — усмехнулся киммериец. — Она нам серебром платит!

Итилия подняла бледное лицо. В черных глазах отражалась недавняя боль.

— Башни обследовать не будем! Библиотека должна быть в той горе... — она кивнула на прступающий в утреннем свете конус башни-города, — поскакем галопом, может, успеем до ночи хоть что-нибудь найти...

— Конечно, — мрачно отозвался Култар, — смерть свою и найдем.

Но Конан уже вскочил в седло. Привстал на стременах, глядываясь в серые рассветные сумерки.

— Не будем терять времени! — Конь его, чувствуя волю хозяина, рванул в галоп.

Только к вечеру они достигли башен. А до центральной башни-горы, пути было, как понял Конан, несколько дней. Ряды однообразных серых зданий закончились. Караван остановился перед ближайшей башней.

— Экая громадина, — проворчал Култар, — если скакать вокруг, так и за полдня не управиться.

Башня действительно была огромна. Сложенная из такого же серого камня, что и дома, круглая и пузатая, как бочка, она стояла, подпиная облака золоченым куполом. Громадный пандус приглашал осмотреть ее необъятные внутренности и найти там... Что?

Покой, отдых, знания, книги? Или голод, жажду, смерть? Узкие окна, в несколько рядов опоясывающие башню, глядели насмешливо и угрожающе.

— Ночевать на улице больше не будем, — бросил Конан, осматривая, высияющую перед ним, неуклюжую громадину, — придется рискнуть и остановиться в башне.

Никто не сказал ни слова. Итилия и Култар понимали что Конан прав. Чем бы ни грозила башня, на улице они едва не погибли.

— Заходим сразу и вместе с верблюдами! — Конан спешился и, ведя в поводу коня, осторожно ступил на лестницу, по которой приходилось карабкаться, как по горным уступам.

По счастью, ступенек было немного — люди и животные их быстро преодолели. Легкое

касание — и резные створки огромной двери «приветливо» распахнулись.

— Трехглавого дракона нет, — Итилия, запрокинув голову, рассматривала внутреннюю резьбу двери, — придется опять искать потайной рычаг.

— Жаль, нечего подставить... камень бы, какой... чтобы они не закрывались, — Култар вертел головой, но ничего на глаза не попадалось.

Двери плавно, с мягким шлепком, закрылись.

Башня, в отличие от серых зданий, имела, конечно же, несколько этажей. Вдоль стены, в потолочные отверстия уходила винтовая лестница с такими же ступеньками, как и на пандусе. Первый этаж представлял собой так же, как и в кубических зданиях, одну огромную комнату. Только каменных лежанок здесь было гораздо больше, и в центре стоял гигантский стол, или постамент, на который вполне можно было бы установить памятник какому-нибудь правителю. Но все это путешественники заметили потом.

Первое, что бросилось им в глаза, была вода! Водоем, огороженный высоким парапетом, занимал третью часть площади всего первого яруса башни. В центре возвышался каменный дракон — возможно, когда-то из его раскрытой пасти бил фонтан.

— Осторожно! — остановил Конан, бросившегося к воде Култара в тот момент, когда он уже вскарабкался на парапет. — Мы не знаем, пригодна ли для питья эта вода. Сначала пусть попробует один из верблюдов.

Култар нехотя согласился. Наполнив бурдюк, он подошел к самому худому верблюду.

— Пей, мой хороший, пробуй... — верблюд, не раздумывая, уткнул морду в бурдюк.

Послышалось его довольное хлюпанье. Другие животные, почуяв воду, выражали нетерпение — крутили головами и встряхивали гривами, лошади били копытами.

Конан заставил друзей продержаться не менее часа, наблюдая за напившимся верблюдом. Тот явно повеселел, лежал довольный, гордо глядя на томимых жаждой товарищей надменным оком. Наконец, Култар не выдержал и припал к заранее наполненному бурдюку. Конан понюхал, попробовал на язык — вода была кристально чистой. Покачав головой, он единым духом осушил половину бурдюка.

— Если в каждой башне есть вода — мы не пропадем! — Култар пил через равные промежутки времени, напитывая живительной влагой ссохшийся, обезвоженный организм.

— Интересно бы знать, — Конан в раздумье потер гладко выбритый подбородок, — откуда здесь вода? Она не течет с гор — гор тут нет; она не может быть дождевой — дожди тут явно редки, если, вообще, бывают, да и дождевая вода давно бы прогоркла, испортилась... Откуда же она?

— Может, подземные источники? — предположил Култар.

— Чтобы вода не портилась, она должна обновляться, — настаивал Конан, — здесь же нет течения, просто небольшой водоем...

— Что мы знаем об этом мире? — Итилия с трудом оторвалась от фляги, — что мы знаем о волшебстве тех, кто здесь жил? Вероятно, вода заколдована — и не портится.

— Вот, вот, — проворчал Конан, — именно что заколдована.

— Так мы пили колдовскую воду? — вскинулся Култар. — Как бы с нами чего не случилось...

— Например, превратимся в гигантов! — рассмеялся Конан.

Но время шло, а колдовство — если оно и было — никак не давало о себе знать. Путешественники чувствовали свежесть, прилив сил и хороший аппетит. Култар все чаще поглядывал на верблюда — душа требовала мяса.

— Даже если хозяйка согласится, — усмехнулся Конан, уловив настроение товарища, — нет дров, чтобы разжечь костер. А есть сырое мясо не по мне...

— Его можно нарезать тонкими полосками и провялить на солнце, — сказал Култар.

— О чем это вы говорите?! — в глазах Итили сверкали черные молнии. — Мы еще не умираем от голода!

Аппетит пришлось умерить, удовлетворяясь сухими лепешками. Но со свежей, прохладной водой даже сухое, как доска, тестоказалось прекраснейшим медовым караваем.

— Темнеет, — сказал Конан, кивнув на окна, будто занавесившиеся серой мглой, — пора подумать о ночлеге.

Веселое настроение вмиг улетучилось. Все вспомнили о ночном ужасе, что подкрадывался к ним прошлой ночью.

— Тихо, — шепнула Итилия, — слышите? Там, в воде...

— Ничего не слышу, — изменившимся голосом сказал Култар, Конан приложил ладонь к уху. Покрутил головой, улавливая звуки.

— Будто пузыри по воде... или...

— Или кто-то хочет выбраться из водоема. Мы же не знаем, какая у него глубина.... Конан, бесшумной тенью, прокрался к парапету. Долго стоял, всматриваясь в сумерки.

— Никого. Может, действительно тут бьет ключ... Или водятся рыбы.

— Кто-то водится, это уж точно, — пробубнил Култар.

Вскоре в башне совсем стемнело, только центральный постамент — или, все-таки, стол — еще освещался последними закатными лучами. Подозрительных звуков из водоема больше не доносилось, и друзья стали укладываться на ночь.

— Я дежурю первым, — сказал Конан, — затем, Култар, последней — Итилия.

Ночь, как ни странно, прошла спокойно. Правда, каждый дежурный слышал некие звуки, доносящиеся из водоема, но никто оттуда не вылез, не подкрадывался к спящим, и, скорее всего, звуки эти порождены были естественными причинами.

— Нужно промерить глубину, — сказал Конан, разматывая веревку и ища глазами, что бы привязать в качестве груза.

Култар протянул свой кривой, тяжелый нож. Убедившись, что камни поблизости не валяются, Конан привязал нож и, свесившись над парапетом, стал опускать веревку в воду. Култар и Итилия молча наблюдали.

Веревка полностью ушла под воду, не достала дна. Привязали вторую, но и она оставалась натянутой. Третьей веревки не было.

— Похоже, что дна у этого водоема нет, — сказал Конан, сматывая мокрые веревки.

— Разве так бывает? — Култар с ужасом смотрел в глубину, намереваясь заметить, когда покажется его нож.

— В Киммерии некоторые пропасти тоже не имели дна, — ответил Конан, — внизу клубились туманы и сколько ни бросай камни, звука падения не услышишь.

— Так, может, звук просто глух в тумане?

— А в других расщелинах туман не мешал услышать грохот разбившегося камня, — назидательно сказал Конан, отвязывая нож и подавая его Култару.

— Ладно, давайте напоим, как следует, животных, наполним бурдюки, и будем пытаться открыть двери, — нетерпеливо перебила Итилия, — мне придется опять влезть тебе на плечи, Конан.

Через некоторое время створки распахнулись. На сей раз, потайным рычагом служил

верхний лепесток одного из цветков, затерявшегося среди прочих цветов и деревьев, изображенных на дверях. В лучах утреннего солнца караван двинулся дальше, туда, где в синей дымке возвышалась гора-цитадель. Однообразие огромных башен угнетало так же, как и ряды вчерашних серых зданий, как привычный уже цокот копыт по плитам. Все понимали, что ехать придется несколько дней, что неизвестно найдут они вожделенную Итилией библиотеку или нет, а вот, опасности, грозящие смертью — найдут обязательно.

Ехали молча. Каждый вспоминал что-то свое, о своем думал. Култар вскинулся было однажды пошутить, но не нашла шутка поддержки и одобрения, заглохла, увязла в серой унылости башен, нависающих над караваном. Умолк и Култар. Опустив голову, ехал, вспоминая свое детство.

Родился, он где-то на юго-востоке, считай, на самом краю мира. И много было у него братьев и сестер. Да только не помнил он их толком, были они, вроде, такие же чернявые со слегка раскосыми глазами. Такими же, как у его отца. Еще у отца была небольшая, кучерявая бородка и хорошая, кривая сабля. Точил он ее, считай, что каждый день, блеск наводил, полировал. Но только не помогла ему сабля эта, острыя — налетели кочевники, изрубили отца на куски, мать в сарай утащили и еще долго раздавались оттуда ее крики, а всех детей, в том числе и его, Култара, связали и к седлам прикрутили. Потом подожгли дом и все постройки, забрали скотину и помчались степным вихрем на следующее село. Детей продали в рабство и Култар, разлученный с братьями и сестрами, несколько долгих лет провел на полях, под присмотром свирепого садиста-надсмотрщика. Спина у парня никогда не заживала, потому, что ежедневно стегал его садист кнутом, сплетенным из вяленых оленых кишок.

Как только улучил Култар момент — напился тогда и заснул надсмотрщик — сбежал он в леса, что чернели на севере от плантаций. Многие в тот день сбежали. Култар уже после, через несколько лет узнал, что садиста-надсмотрщика хозяин велел бить тем же кнутом до самой смерти.

Все рабы по очереди били, вымешали застарелую злобу, и издох, как шелудивая собака, злой надсмотрщик — забили его насмерть.

Долго потом скитался молодой Култар. Бывал в разных странах, нанимался к разным хозяевам, пока однажды не взял его в ученики старый воин-охранник у местного шаха. Научил обращению с оружием, фехтованию на мечах и саблях, стрельбе из лука. И еще много премудростей освоил Култар, в том числе и рукопашный бой, где вместо оружия использовались руки и ноги, колени и локти.

Долго служил он у шаха, даже и после того, как его учитель, постарев и одряхлев, оставил службу, а вскоре и вовсе отправился на небеса или, как толкуют некоторые, на серые равнины.

Накопив достаточно денег, отправился Култар-воин путешествовать. Хотел по свету походить, место хорошее подыскать, еще деньжат подзаработать, а уж потом обзавестись семьей и жить в свое удовольствие. Но напали однажды разбойники, чуть насмерть не зарубили, все деньги отняли, голого для смеха отпустили и вслед гоготали, хлопая себя по ляжкам и давясь от смеха.

И снова пришлось Култару деньги зарабатывать и копить. Нанялся он на службу в городе Шадизаре, охранять княжну. Вначале капитан Бруккис не хотел принимать неизвестно кого — без лошади, без оружия, но Култар вызвал его на бой. Капитан — с мечом, а он, Култар — и без меча, и без кольчуги. Вначале капитан, не был, конечно, по-настоящему, но потом, когда

выбил Култар у него из рук меч, бросился бить новобранца огромными кулачищами — уже всерьез.

Только ни один удар не достиг тела юноши — уворачивался Култар, уклонялся, отпрыгивал, уходил вбок. Рычал от злости капитан, и хохотали стоящие вокруг воины. А потом, когда надоело юноше это представление, изогнулся он и ударил Бруккиса каблуком в подбородок. Рухнул капитан, как подкошенный, унесли его, а Култару посоветовали уйти и заявиться только через пару дней, когда остынет капитан, когда пройдет гнев его бурный.

И когда пришел новобранец, Бруккис встретил его смехом, руку от души пожал и в отряд принял. А через какое-то время пришел в отряд великан-киммериец. И начались события вовсе невиданные... И опять не удалось Култару деньжат подкопить. Теперь, вот, обещала красавица Итилия серебром нагрузить, если в живых останемся...

Задумался Култар, задремал даже, вспоминая свою жизнь, и не заметил, что конь волнуется, что даже верблюды упираются и не хотят дальше идти. Конан и Итилия тоже коней еле сдерживали. Впереди, медленно, как оживший дом, двигалось на них чудовище.

Чем-то похож был ящер на черепаху, только величиной с двух слонов, с огромными рогами, направленными, и вперед, и назад, с ноздрями с бочку величиной и ногами-тумбами. Панцирь, наподобие черепашьего, покрывал большую часть тела, а несоразмерно маленькие, дремучие глазки, сонно смотрели перед собой.

— Не бойтесь, — крикнул Конан, управляясь с конем, — он похоже мяса не ест: на лапах нет когтей!

— Главное, не попадаться ему на дороге, — добавила Итилия, отъезжая в сторону.

Култар торопливо увел с дороги верблюдов. Громадная рептилия медленно проползала мимо, даже не поворачивая головы. Каждый шаг ее отзывался эхом, возникающим где-то за башнями, и сотрясал землю так, что она дрожала.

— Ну, хорошо, — сказал Култар, — мясом он не питается. А чем? Что он ест среди каменных домов и башен? Что-то я тут ни травы, ни деревьев не видел!

— Может, еще и увидишь, — Конан смотрел вслед медленно шагающему чудовищу, — а, может, он, вообще, не отсюда и попал случайно, как и мы.

— Все-таки какая-то жизнь тут есть, — задумчиво сказала Итилия, — не только призраки, насылающие оцепенение...

Ящер протопал по мостовой и скрылся, свернув за одну из башен.

— Сколько мяса уходит, — Култар потянул носом, будто вдыхал аромат жареного над углами, истекающего соком хорошего куска мяса.

Путешественники продолжили путь. Скоро предстояла опять ночевка, а центральная башня-гора даже не приблизилась. Все так же она синела вдали, грозная, недосягаемая.

— Если мы, в конце концов, и доедем до нее, — Конан ткнул пальцем в пространство, — представляешь, сколько времени потребуется, чтобы отыскать библиотеку! Если она, вообще, там есть...

— Ты предлагаешь вернуться назад?! — воскликнула Итилия. — Это невозможно... Смотри. Оглянись!

Конан нехотя оглянулся, ожидая увидеть ряды серых башен, но позади... ничего не было.

— Кром! Что это за шутки?!

На расстоянии полета стрелы реальность крошилась, будто рассыпались песчаные замки. Воздух дрожал, маревом устремляясь вверх, к синему, безоблачному небу. Закричал Култар. В его раскосых глазах метался ужас. Итилия звонко рассмеялась. Конан, догадываясь,

в чем тут дело, нахмурился. Култар недоуменно смотрел, то на хозяйку, то на исчезающий город.

— Вот видите, — опять засмеялась Итилия, — я уже кое-что могу! Я давно интересуюсь колдовством и научилась создавать иллюзии. Правда, они получаются не долговечными, и приходится очень долго сосредотачиваться.

Култар шумно выдохнул. Затем, сжав зубы, что-то сказал на непонятном языке. Итилия догадалась, что, вряд ли он ее похвалил. Конан был мрачнее тучи.

— Я не люблю, ни колдовство, ни колдунов! — он опять оглянулся — ряды серых башен высились, как ни в чем не бывало.

Друзья стояли перед башней-городом, подавленные ее величием и собственным ничтожеством. Само существование этого колосса казалось невероятным. Ну, ладно боги создали горы — огромные, увенчанные сверкающими на солнце снегами и ледниками, но это — боги! Они всемогущи, они создали все — горы, и моря, и землю вокруг.

Но тут... Ведь эта «гора» не создана — построена!

Хотя... построили-то ее, как известно, не люди — джины, демоны построили. Для них тоже нет ничего невозможного.

Так думал Конан, разглядывая, запрокинув голову, гигантское сооружение, уходящее вершиной в недоступную высоту. Что там внутри? Какие твари, какие чудовища прячутся? За время путешествия к башне-горе, они встречали еще несколько ящеров-черепах. Попадались и другие — поменьше, но зато и более щустрые. От одного даже пришлось спасаться бегством. Ночевали, как всегда, в башнях. Темная вода пузырилась, грозилась выпустить неких таинственных созданий — может быть, духов подземных вод — но, так никого и, не выпустив, затихала под утро вместе с караульными, впадавшими в необоримую дрему. Несколько раз, в сумерках, встречали друзья серые тени, сходные с той, что напустила на них окоченение. Не имея еще силы — пока не спустилась на город душная, вязкая тьма — тени не пытались причинить людям вред, а поскорее растворялись в воздухе, оставляя после себя стылый, удущливый смрад. Но кто знает, что было бы с людьми, заночуй они, как в первую ночь, на улице. Может, и не доехали бы до этой рукотворной горы...

Конан смотрел и смотрел на бесчисленные ряды окон, многократно опоясывающие огромное тело башни и думал: кто же смотрит на них, из этих окон? Кто скрежещет зубами от злости, или радуется предстоящей добыче, потирая костяные ладони. То, что Город Колонн обитаем, уже не было сомнений. Вот только обитали теперь тут не гиганты-нефилимы — гордые, надменные и мудрые — а всякая нечисть, заселившая, мало-помалу, опустошенный город. Природа пустоты не терпит. Любая образовавшаяся ниша сразу кем-то заселяется. Даже пустыня — уж, на что гиблое место — и то имеет своих жителей, чувствующих себя в горячих песках очень даже вольготно. Разные змеи, ящерицы, пауки — большие и малые, — не говоря уж о песчаных мумиях...

И ясно было, что вся жизнь, которая есть в Городе Колонн, прячется в этой рукотворной горе, в этом огромном муравейнике, в этом лабиринте невероятных, невиданных размеров...

Итилия так же молча смотрела на гору. Где-то же искать тут библиотеку? Да и есть ли она — вместилище сокровенных знаний, дарующих мудрость и могущество? А если и есть,

как найти ее — проверять каждую комнату, каждый зал, каждый этаж? Жизни не хватит... Да еще и эти.

Итилия, благодаря успехам в изучении колдовства, стала лучше других чувствовать невидимое, предвидеть опасность. Она не говорила Конану, что у башни их окружил целый рой невидимых существ, злобных, ожидающих только момента, чтобы застать врасплох, напасть, выпить кровь, разорвать плоть, насытиться, завладеть душой, и вечно мучить ее, не выпуская из кривых, кровавых когтей.

А Култар сидел в седле, не поднимая головы.

Не смотрел на ужасную обитель нечисти, населяющей Ирем, не хотел смотреть. Страшно было ему — бывалому воину, прошедшему через множество испытаний, видевшему много смертей и горя.

Множество широко распахнутых дверей приглашали непрошенных гостей войти в здание.

Войти, затеряться среди бесчисленных этажей, коридоров и переходов и стать легкой добычей для тех, кто населяет гору-муравейник.

Время было обеденное и друзья решили отдохнуть и подкрепиться перед тем, как пробираться внутрь. Расселись прямо на дороге, распаковали сумки, разложили сухие лепешки и фляги с водой. Трудно глотались, царапали горло сухие куски лепешек, смачивай-несмачивай водой — не помогало.

Конан мрачно поглядывал на украшенные затейливой резьбой распахнутые двери. Первобытным чутьем варвара угадывал ловушку. Знал, что туда придется там, в глубинах города-горы.

Но Итилия, раскрасневшись, с горящими глазами торопила мужчин-едоков, не терпелось ей окунуться в гибельный омут центральной башни Города Колонн. Пусть опасности, пусть смерть за каждым углом — уж как-нибудь, боги помогут, да и сами, авось, отобьются. Отбились же тогда, в первую ночь от гибельной тени, помогут боги и сейчас. А те... невидимые, что, принюхиваясь, ждут... может, и не нападут, побоятся...

— Придется весь караван внутрь заводить, — Конан дожевывал последний кусок, — разлучаться нельзя: потеряемся, сгинем поодиночке.

— Ясно, нельзя, — голос Култара чуть дрогнул, — только, как мы... где мы там... искать будем?

— Я думаю, — Итилия торопливо прикручивала седельные сумки, — что библиотека должна быть в самом центре.

Конан кивнул. Да, скорее всего, где-то в средине, в самой защищенной части огромного здания. Ведь в библиотеках хранилось самое ценное, что было у шаха Шаддата — знания. Сокровенные знания — о мире, о колдовстве, о богах и демонах, бесплотных духах и смрадных чудовищах. О том, как повелевать духами и демонами, как использовать в своих целях мертвцевов и чудовищ.

— Поди-ка, найти там центр... — проворчал Култар.

Конан первый вступил под своды конусообразной горы-башни. Следом, ведя в поводу коня и связанных веревкой верблюдов, двигался Култар. Последней, непрерывно оглядываясь, шла Итилия. Странные и страшные звуки слышались ей, словно гнусно хихикали над ее глупостью незримые преследователи, рычали, чавкали в пред-вкусении добычи. И видела она, как скользнули бесплотные тени вслед за караваном внутрь, как закружился вокруг них радостный хоровод мертвцевов, поблескивая белыми костями, злорадно взирая пустыми

глазницами.

Адракс, караванщик, которого она послала на смерть — он тоже тут, поняла женщина, вглядываясь в невидимые другим тени. Он был среди песчаных мумий, хотел отомстить, затащить ее в песок, задушить, умертвить, превратить в такую же, как и он, как они все, желтую мумию. И вот, он здесь. Ликует. Уж теперь, она не убежит, не спрячется в песчаном вихре, не ускакет на лихом, белоснежном скакуне!

Двери с тихим, но отчетливым щелчком закрылись. Все. Ловушка захлопнулась! Скоро, скоро протянутся к ним высохшие руки с отросшими когтями...

Итилия закричала. Конан быстро подошел к ней, твердо глянул ясными, синими глазами, словно омыл помертвевшую от страха душу чистой, прозрачной водой, несущей в себе свет неба и горных вершин.

— Они... — глаза женщины наполнились слезами, — они все тут... Они всегда шли за нами... Я не говорила...

— Я знаю, — спокойно сказал Конан, — догадался. Ты же все время оглядывалась. Это песчаные мумии? Ты их видишь?

— Иногда вижу, — прошептала Итилия, — они вошли вместе с нами.

— Эй, о чём это вы толкуете?! — воскликнул Култар. — Какие мумии? Почему ты раньше?..

— Приготовь меч и поменьше спрашивай, — процедил Конан.

Караван стоял в большом зале, совершенно пустом. Стены были так далеко, что многочисленные арки, ведущие, очевидно, в другие помещения, казались не больше мышиных норок. Потолок был выполнен в виде нескольких куполов, поддерживаемых рядами колонн.

— И тут колонны! — Култар настороженно озирался, сжимая рукоять меча.

Что-то приближалось. Воздух, казалось, загустел и заплесневел. Сладковато тянуло мертвечиной, разрушенным склепом. Конан обнажил меч и прислушался.

— Будто кто-то смеется... Далеко... И песок шуршит...

Итилия торопливо закивала. Да, да она чувствует, слышит, видит... Она виновата. Это она, в ослеплении привела друзей в ловушку, обрекла на гибель... Это ее жадность... Стремление к власти...

— Они должны будут принять зримый облик, облечься в плоть, — торопливо сказал Конан, — иначе, им нас не достать! А плоть, пусть даже и мертвую, засохшую, можно рубить! Не бойтесь! Готовьтесь к бою!

Вокруг зашелестело. Поднялся вихрь. В нос ударили удушливый смрад давно мертвых, изъеденных червями тел. Верблюды и лошади отбежали к закрытым дверям, сбились в кучу. Люди стояли спина к спине, выставив три клинка, ежесекундно ожидая нападения. Из вихря стали показываться желтые, мертвые лица. Иссохшие тела, истлевшая одежда. У некоторых мертвцов в костяных руках белели сабли. Напротив Итили появился сам Адракс, караванщик. Остановившийся взгляд тусклых глаз цепенел, лишал воли, заставлял руки опускаться, а ноги слабеть, дрожать. Конан успевал охватить взглядом всех мертвцов, даже тех, кто стоял за спиной. Заметил он и Адракса, приготовившегося напасть на Итилию.

— Он здесь главный! Достань его в первую очередь!

Женщина сделала молниеносный выпад. Не смотря на испуг, на дрожь в руках и коленях, она не растеряла воинского искусства. Свистнула сабля и с глухим стуком ударила по твердому, засохшему, одревесневшему телу. Желтая пыль фонтаном взметнулась в воздух,

распространяя удушливый запах гнилой и засохшей в процессе гниения плоти.

Голова с тусклыми глазами, кружась, отлетела в сторону. Мертвецы завыли. Перед Конаном и Култаром замелькали длинные руки с кривыми когтями. Три клинка пришли в движение — огромный меч. Конана, поменьше и полегче — Култара, и быстрая, как жало змеи, сабля Итилии.

За завесой желтой пыли падали мумии, вскакивали, вновь бросались на ненавистных людей, теряли руки и ноги, по-волчьи выли и на култышках опять кидались в атаку. Головы многих уже валялись на полу, злобно щелкая желтыми зубами. Отрубленные руки скребли когтями по камню, бились в судорогах, словно раненые змеи, пытаясь любой ценой, даже погибая, добраться до противника. Но сталь рубила, крошила, разносала в клочья высохшие тела, и скоро вокруг троих живых высилась груда искореженных, искромсанных мертвых. Судорожные движения постепенно замедлялись, мерзкая потусторонняя сила покидала мертвецов и их отрубленные члены, уходила, рассеивалась в воздухе. Пахло гнилью, растревоженной падалью. Желтая пыль забивала нос, покрывала толстым слоем потные лица, оседала на полу.

— Отойдем в сторону, — крикнул Конан, — Култар, забери животных.

На зубах скрипело. Дышать было невозможно. Конан и Култар непрерывно чихали и кашляли. Итилию вырвало.

Наконец, отойдя подальше от места схватки, друзья стали постепенно приходить в себя. Почистились, умылись. Прокашлялись, прополоскали горло.

— Никто не ранен? — спросил Конан, осматривая Итилию и Култара. — Если есть царапины, нужно промыть не жалея воды, лучше даже прижечь огнем!

По счастью, ни ран, ни царапин не было. Мертвецам противостояли три опытных воина, умеющих разить, оставаясь вне досягаемости противника.

— Ну, что же, — Конан тщательно обмыл меч, затем вытер о горб невозмутимого верблюда и только потом вложил в ножны, — двинемся дальше! Поищем вначале на первом ярусе, вдруг сразу повезет...

Култар с сомнением покачал головой, а Итилия пристально посмотрела на друга — не насмехается ли он, но Конан и не думал смеяться. Синие глаза смотрели спокойно и отрешенно.

Следующий зал, куда пришли путешественники, ведя за собой коней и верблюдов, был в точности таким же, как и первый. Громадный, со сводчатыми потолками и рядами колонн. Пустой. Со стен все так же смотрели ряды узких окон, прорубленных под самыми сводами. Выложенный из огромных плит пол. Далекие арки проходов в следующие залы... Ни коридоров, ни небольших, по меркам тех, кто когда-то населял этот необъятный дом, комнат...

— Похоже, весь первый этаж состоит из одинаковых залов, — сказала Итилия, нервно озираясь по сторонам.

— Тут все такое, — добавил Култар, — и квадратные дома, и башни, и, теперь вот, эта гора... Все одинаковое... Как они тут жили? Неужели не надоедало?

— Что мы о них знаем? — Конан остановился. — Только то, что они были гиганты. Наверное, им нравилось однообразие. Может, они считали его высшей справедливостью?

— Всем поровну? — усмехнулся Култар. — Никому не обидно. Нет неравенства, нет зависти, злобы...

— Зависть и злоба будут всегда! Всем поровну, а кто-то работал больше других. Ему

будет обидно. Обида породит, и злобу, и зависть...

— Вы слышите? — перебила Итилия. — Слышите шепот? Будто кто-то зовет... тихо-тихо... так, чтобы посторонние не слышали?..

— Ничего не слышу, — Култар посмотрел с недоумением, — ты опять что-то... Опять мумии?

— Нет, это другое...

Конан вздохнул:

— Давайте-ка, отдохнем и закусим... Сколько там у нас осталось лепешек?

Он сел, скрестив ноги и устремив взгляд куда-то за колонны, за стены. Култар распаковал сумки и пересчитал лепешки. Выходило по двадцать штук на каждого. Потом придется резать верблюдов...

Итилия от еды отказалась. Стояла, беспокойно оглядываясь, иногда что-то шепча пересохшими губами.

— Мы идем вдоль наружной стены. Окна и двери у каждого зала... — Конан рассуждал вслух, — стоит ли пройти через центр к другой стене? Может, там, в центре, и находится хранилище? Или, хотя бы водоем? Нам скоро понадобится вода.

После обеда пошли от наружной стены вглубь здания. На сей раз, сели на лошадей — хватит бить ноги — и неспешно двинулись вперед. Конан ехал во главе каравана, внешне спокойный, даже флегматичный, но готовый к любым неожиданностям и когда Итилия внезапно вскрикнула, вмиг очутился рядом с обнаженным мечом в руке.

— Мне показалось... показалось... — женщина дрожала, как в лихорадке, — что кто-то... хочет напасть... тянет лапы...

— Похоже, что пора возвращаться, — Култар прятал меч, оказавшийся в руке, помимо воли хозяина, — но серебро ты нам все равно... — он умолк, поймав грозный взгляд киммерийца.

— Я думаю, он прав, — мягко сказал Конан, — долго этого напряжения ты не выдержишь.

— Я чувствую, что она, библиотека, тут, в здании... но они... они окружают, хотят напасть...

Конан еще раз осмотрелся — пустота... Давящая, гнетущая пустота. Гулкое эхо огромных залов, бесконечные ряды колонн. Люди казались такими маленькими, такими ничтожными и беспомощными в этом жилище давно сгинувших великанов...

— Они нас не выпустят, — плакала Итилия, — как только они увидят, что мы повернули назад — нападут!

— Да кто — «они»!? — крикнул Култар. — Кто там на сей раз?!

— Я не знаю... но они все тут... они нас уничтожат...

Конан и сам постоянно чувствовал чье-то присутствие. Будто невидимые соглядатаи шли рядом. Может, это духи здания-горы? Ведь у каждой горы есть свои хозяева — духи. И неважно, что эта гора рукотворная... Или это не нашедшие успокоения души великанов, некогда живших здесь и уничтоженных богами за гордость и высокомерие?

Так или иначе, но кто-то действительно все время был рядом, и Итилия, обучавшаяся колдовству, чувствовала это сильнее других.

Конан прислушался. Тишина — угнетающая, звенящая тишина... Но она всегда царствовала в Иреме. Только цокот копыт нарушал ее, да говор пришедших под эти своды людей... Но теперь она — тишина — стала напряженной, натянулась, как веревка перед тем,

как лопнуть...

Скоро она взорвется воем, стоном, криками — чем-то еще, но взорвется обязательно, не может она длиться вечно...

Конан неосознанно сжал рукоять меча, и этот жест не ускользнул от внимания Култара. Его раскосые глаза беспокойно метались, отыскивая самое слабое, самое потаенное движение врагов... и не находили ничего. И от этого еще тревожней, еще тягостнее становилось на душе. Опытный воин, он готов был сражаться, убивать, получать раны, самому ранить врагов, но как вынести, длиющееся вечность, напряженное ожидание нападения? Его душа привыкла к видимым врагам. Вот они идут — пусть целые полчища, но их видно, они нападают, рубят, убивают... И на них можно и нужно напасть, дать выход злости, ненависти, разорвать, наконец, гнетущее ожидание атаки...

Но как быть, если это ожидание длится и длится?.. Тянется бесконечно? И не кого проткнуть мечом, сбить с ног, убить... Как долго сможет человек вытерпеть ожидание битвы с неизвестным, невидимым врагом?

Култар сглотнул комок, в очередной раз появившийся в горле, и хрипло сказал:

— Так что будем делать? Возвращаемся?

— Я же сказала, — выдохнула Итилия, — мы не можем...

— Но мы можем попытаться! Пусть они нападут! Это лучше, чем...

— Пока пойдем вперед, — спокойно сказал Конан, — пройдем через средину, посмотрим...

Он умолк: из-за колонны выглянуло и скрылось чье-то лицо. Или показалось, померещилось?

— Стойте здесь, — он тронул коня, решив обехать колонну с другой стороны. Если за ней кто-то прячется....

За колонной никого не было. Вернувшись, коротко пояснил: «Показалось».

Затем, нахмурившись, долго молчал, вспоминая, что видел. Желтое, неживое лицо. Пожалуй, похоже на высохшее лицо песчаной мумии. И, все же, другое. Но в чем отличие — сказать невозможно. Так ничего и, не решив, в дурном расположении духа, Конан повел караван в центр горы-башни, Култар тоже был хмур и мрачен. Он давно понял, что живыми отсюда не выбраться и хотел теперь только одного — как можно больше порубить нечисти перед смертью, тогда, может, богам понравится его доблость, и они примут его душу в свои сверкающие чертоги.

Итилия не могла унять дрожь в руках. Ей слышался шепот, переходящий в смех, чьи-то шаги, вздохи и стоны. Прошли несколько залов. Теперь свет проникал только через арки дверных проемов, и для путешественников наступили сумерки. Чем ближе к центру башни-горы продвигался караван, тем темнее становилось вокруг. Скоро колонны потонули в сгустившейся тьме, и с трудом можно было разглядеть гриву собственной лошади.

— У нас нет факелов и сделать их не из чего, — Конан остановил караван, — похоже, придется повернуть назад.

— У меня есть... — Итилия торопливо перебирала вещи в седельной сумке, — у меня есть камень. Купила у одного старика... Он клялся, что в полной темноте, камень начинает светиться... Вот... — она извлекла полупрозрачный камень, величиной с куриное яйцо.

Камень не светился.

— Сейчас еще светло... В полной темноте....

— Ты что — его ни разу не проверяла? — удивился Култар.

— Нет... я забыла про него.

— Поедем дальше, — решил Конан, — в темноту.

По мере сгущения сумерек, камень понемногу начинал испускать свет — очень слабый.

— При его свете мы все равно ничего не сможем разглядеть, — ворчал Култар, оглядываясь на верблюдов.

В следующем зале была уже кромешная тьма. Вероятно, на улице уже настала ночь. Камень давал достаточно света, чтобы разглядеть собеседника, но не более того. Поужинали все теми же лепешками, рассевшись вокруг камня-светлячка.

— Мне кажется, они опять нас окружают, — прошептала Итилия, кутаясь в плащ, — они вокруг и очень злы...

— А кто тут есть добрый? — усмехнулся Конан. — Вот, разве что эти гигантские черепахи?

Они просто шли по своим делам...

Теперь уже и Конан с Култаром, а не только Итилия — слышали шелест вокруг. Словно десятки губ, не приспособленных произносить слова, силились что-то сказать, кривились, брызгали слюной, шипели от злости. Но ничего нельзя было разглядеть в темноте.

— Что будем делать? — нервно спросил южанин, пробуя большим пальцем острие меча.

— То же, что и раньше, — невозмутимо ответил Конан, — рубить, как только они проявятся и нападут.

Култар с восхищением, смешанным с ужасом, посмотрел на киммерийца. Неужели ему не страшно? Неужели не стынет кровь в жилах? Не потеют ладони? Не дрожат противной, мелкой дрожью, колени? Не хочется вскочить и с диким криком рубить, крошить не важно что — лишь бы дать выход накопившемуся напряжению, которое рвется, наружу, которое уже невозможно сдержать — все равно оно вот-вот прорвет броню воли и выльется, выплеснется, как река, разрушившая запруду?

Но Конану тоже было страшно. Сидя у камня-светлячка, окруженный первозданной тьмой, он чувствовал поднимающийся из глубины души ужас. дикий, первобытный ужас варвара перед сверхъестественным. Но он закалил волю, занимаясь ремеслом вора, а, позже, воина-наемника, бойца, умеющего спокойно и расчетливо убивать, оставаясь при этом живым и, чаще всего, невредимым. Кроме того, природа наградила его не только физической силой, но и психикой — здоровой, необоримой, способной вынести непосильное для других напряжение.

Ночь прошла незаметно. Призраки не проявились и не напали. В зале чуть посветлело, и камень заметно потускнел. Усталые люди жевали надоевшие лепешки, запивая теплой, начинающей портиться водой.

— Они ушли, — Итилия устало поднялась, потрепала, по загривку заметно похудевшего жеребца, — но к ночи опять вернутся... Нужно возвращаться...:

— Давно бы так, — оживился Култар, — все равно мы при свете этого камня ничего не найдем! Только головы зря сложим!

— Возвращаемся, — Конан легко поднялся и усмехнувшись, добавил, — пока живы.

постепенно замирающим, теряющимся позади. Скоро достигли наружной стены. Знакомые ряды окон под сводами радовали глаз, а лучи восходящего солнца, освещавшие купола и колонны, вселяли уверенность в том, что удастся выбраться из Ирема живыми.

Невдалеке от выхода, Конан остановился.

— Ждите меня здесь до следующего утра. Если не вернусь — выбирайтесь сами.

Он повернул коня и поскакал вдоль наружной стены.

— Куда ты? — Итилия рванулась, было следом, но Култар успел подхватить под уздцы ее белоснежного жеребца.

— Будем ждать, как он сказал... Пока покормим животных. Фуражного зерна осталось на несколько дней... Да и то — впроголодь...

— Да мы и сами не очень жирам, — пробормотала женщина устало.

Потом, спохватившись, крикнула:

— Но куда он направился? И почему один?!

Култар помолчал, отмеривая зерно лошадям и верблюдам, затем, осторожно сказал:

— Он о чем-то догадался. Хочет проверить. Нам остается только ждать...

* * *

Конан проехал уже несколько залов, но лестницы, ведущей наверх, не было. Но где-то она должна быть, рассуждал киммериец, и, скорее всего, у наружной стены. Библиотека, если она, вообще, существует, может находиться, или в центре пирамиды, или где-то в подземелье, или на самом верху. В месте, которое что-то значит само по себе. Обойти все залы горы-башни невозможно. Остается попытаться проверить значимые места. Например, самый верхний зал.

Лестница нашлась через несколько часов пути. Очень широкая, со ступенями, напоминающими горные уступы. Казалось, она уходила к самому небу. Конан спешился, распаковал сумку и отдал коню все зерно, что еще оставалось.

— Ешь, — он ласково потрепал взмокшую от пота гриву — нам предстоит очень трудный путь.

* * *

К вечеру Итилия извелась. Несколько раз накричала на невозмутимого Култара. Едва не вылила воду из последнего бурдюка.

— Да, она немного испортилась, — уговаривал женщину южанин, — но кто знает, когда мы наберем новую... Лучше подождать — выпить всегда успеем.

То, что с ней разговаривали, как с ребенком, настолько разозлило Итилия, что она набросилась на Култара с кулаками. Южанин спокойно отбивал удары, не причиняя хозяйке вреда и оттого, что ни один удар не достигал цели, она злилась еще больше.

В конце концов, женщина прекратила атаки, и устало опустилась на землю.

— Он не придет... — шептала она, — он там погибнет, а мы погибнем тут без него...

— Он, по-моему, просто не может погибнуть — возражал Култар, — его могут ранить, оглушить, опрокинуть, но он встанет, отряхнется, перевяжет раны и снова кинется в бой!

Однако время шло, а Конан не возвращался.

Настала ночь. Опять шелестящие тени обступили согнувшихся над камнем-светлячком людей. Шептали, шипели, хихикали... Даже невозмутимые верблюды стали проявлять беспокойство. Лошади же с самого вечера испуганно ржали и били копытами.

Конан появился только под утро. Вышел из темноты, ведя в поводу шатающегося коня. Сел рядом с Итилией и долго молча смотрел на камень, свечение которого постепенно угасало.

— Разгрузи одного из верблюдов, — кивнул он Култару, — конь слишком измучен, а ехать нужно немедля.

Он снова замолчал, вспоминая бешеную скачку вниз по лестнице впереди катившейся за ним лавины щупальца, когтей и кожистых крыльев.

— Где ты был? — рискнула спросить Итилия.

— Наверху... Я думал, что библиотека может быть именно там...

— Ее там не было?

— Нет... — Конан вспомнил бесконечные ряды отшлифованных камней, величиной с хорошего барана, или небольшого теленка.

Прикасаясь к каждому камню, он слышал в голове чужой голос, спокойно и равномерно рассказывающий удивительные вещи. Самое странное было в том, что Конан понимал язык рассказчика, точнее, даже не понимал язык, а сразу же схватывал смысл сказанного, не смотря на то, что слова были до боли чужие — грубые и певучие, отрывистые и, в то же время, текучие, как вода с гор.

А потом появились Они. Обладатели когтей, крыльев и щупальца. Стражи сокровенных знаний, поставленные, как он успел узнать, древними богами, уничтожившими жителей Ирема.

Сражаться с разъяренной массой чудовищ было невозможно. Оставалось одно — бегство. И тут пришлось положиться на силу и выносливость коня. Сумасшедшая, бешеная скачка-падение вниз по лестнице! И вой, хрипение, шипение позади.

И, несмотря на опасность, на очень малый шанс уцелеть, острая жалось оттого, что не удалось послушать голоса, внимать которым можно было годами! Слушать, узнавать, запоминать, причащаться великой, недоступной ныне мудрости древних!

— Нет, — покачал головой Конан, — библиотеки там не было... Были твари, от которых нужно спасаться — бежать, как можно быстрее! Култар, верблюд готов? Едем!

Они беспрепятственно выехали из башни и помчались во весь опор. Шелест голосов некоторое время катился следом, но вскоре наступила тишина — они выехали за пределы досягаемости невидимых стражей горы-башни. А те, кто был облечен в плоть, имел клыки, когти, щупальца и крылья, благодаря которым едва не догнали Конана, очевидно, вообще, не выходили за пределы центральной пирамиды.

Скоро путники остановились, чтобы дать отдых уставшим животным. Раздали последние остатки зерна и выпоили всю воду.

— Ночевать будем, как и раньше, в одной из башен, там и наберем воды, — Конан кивнул на ряды башен, еще недавно казавшихся огромными, а ныне — после посещения цитадели — маленькими и словно бы игрушечными.

— Мне кажется, — Итилия опустила голову, — что мы полжизни провели в Иреме... А тот мир — наш мир — где-то далеко... Что он, может быть, вообще, не существует...

Сели на коней — а Конан, все еще на верблюда — и тронулись дальше. К вечеру вошли в

одну из башен.

— Коням придется поголодать, — печально сказал Култар, затем вздохнул и добавил, — верблюдам тоже.

Итилия отошла к водоему и, облокотившись о парапет, молча смотрела в глубину. Конан расстелил одеяло и лег, закинув руки за голову.

— Так ее там действительно не было — библиотеки? — Култар смерил глазами расстояние до парапета, где стояла Итилия. Услышать она не могла. — Не было? — повторил он, хитро улыбнувшись.

Конан посмотрел на товарища долгим взглядом. Ничего не ответив, вздохнул и закрыл глаза.

* * *

Обратная дорога всегда короче — в этом Конан убеждался не раз. Скоро закончились ряды башен, начались серые кубические здания, закончились и они — пошла колоннада. Кто-то, может, ветер, разбросал камни, из которых Конан сложил стрелу, указывающую на проход. Но место было найдено и проход — клубящийся туман, переходящий в песчаный вихрь — пройден без всяких приключений. Скоро закончилась и великая пустыня, в центре которой боги, или демоны, оставили лазейку для того, чтобы знающий, или мудрый, или безумный человек мог проникнуть в Ирем — Город Колонн.

* * *

— Конан, если я дам тебе столько серебра, сколько ты сможешь унести, — смеясь, проговорила Итилия, — ты оставишь меня без серебряных монет! Поэтому я дам тебе золота! Но столько, сколько сможет унести Култар, а не ты. Мне это выйдет дешевле!

Сидевшие за столом, уставленным обильными яствами, Конан и Култар равнодушно кивнули.

Налили еще по кубку ароматного, нежного вина.

— С тех пор, как мы вернулись, — прошептал южанин, — я не могу выспаться! В Иреме и то лучше спал! — Он посмотрел на двух рабынь, стройных и изящных как пара молодых ланей.

— А ты думаешь, я сплю? — хмуро спросил Конан.

— Нам пора собираться, — Култар заговорщицки подмигнул, — я куплю в Заморе замок... если хватит серебра.

— Если не хватит... — Конан зевнул так широко, что Култар успел увидеть все его зубы, белые и крепкие, способные разгрызть и кость, и лепешку из тех, что они ели в Иреме. — Если не хватит серебра, я добавлю золота!

Ник Харрис

Нашествие из-за Круга

1

На закате славного дня, наполненного благостными трудами и неизбежными заботами, степенный купец Курдебек беседовал со своим компаньоном — толстым Асланкарибом, трактирщиком. Они сидели на подушках в доме купца, неспешно пили легкое вино из запасов хозяина и разговаривали о погоде и женщинах. Причем трактирщик больше говорил именно о погоде, а купец чаще сворачивал на женщин. Никчемная беседа тянулась до тех пор, пока Асланкариб не заговорил о другом.

— Помниться ты, уважаемый Курдебек, нанимал охранником киммерийца Конана, заплатив втрое против обычного...

Купец погладил бороду, пригубил вино и только после этого сказал:

— Да, меня попросила одна женщина... направить Конана в Ксутал.

— Любопытно... — пробормотал трактирщик.

Курдебек посмотрел с осуждением. Он не любил слишком любопытных. Асланкариб сделал вид, что ничего не заметил.

— Недавно этот гигант-киммериец вернулся... — продолжал он, как бы в раздумье, — потом куда-то опять пропал... С ним еще был какой-то южанин... прицепился, как репей.

Купец равнодушно пил вино и поглядывал в окно, где последние лучи закатного солнца окрашивали сад и фонтан пурпурными красками.

«А где-то, может, бьют такие же фонтаны, только из крови», — некстати подумалось ему.

— Да... — сказал трактирщик, уловив взгляд компаньона и угадав его мысли, — будто кровь... Конан всегда... Не в крови, нет... Но там где он, там и кровь...

— А скажи, уважаемый Асланкариб, — ласково начал купец, — почему этот Конан так тебя интересует?

Трактирщик знал: если купец начинает говорить ласково, значит, дело плохо — он, или разозлился, или готовит какую-нибудь каверзу. В любом случае — плохо.

— Да, нет... Просто Конан часто ко мне захаживает. Раньше его сопровождал гном по имени Хепат... Теперь, я его что-то не вижу...

— Гномы — легенда! Уж ты бы должен об этом знать! — вспыхнул купец.

«Хорошо, — подумал трактирщик, — пусть высказывается, пусть кричит, только бы не вкрадчивые, ласковые слова», а вслух сказал:

— Легенды часто говорят правду. Только давнишнюю. Может, гномы и жили когда-то...

— А с чего это ты решил, что он был гном? — Курдебек с подозрением глянул в заплыvшие жиром хитрые глазки компаньона.

— Он сам так говорил. Что он-де, последний из какого-то там гномьего племени... Да и был он маленький, крепкий и с огромной бородой. Именно так легенды и описывают гномов.

— Да просто карлик, — успокаиваясь, сказал купец, — урод, каких много!

— Карлики всегда именно уродливы, — возразил трактирщик, — то голова больше, чем надо, то руки короткие... А у этого все было, как у человека, только меньше. Вот борода...

— Да демоны с ним, с этим гномом! — Курдебек опять стал злиться.

Манеры компаньона раздражали его невероятно. К чему он ведет? Хочет узнать что-то про Конана? Так и спросил бы напрямик! Нет, хитрая лиса, он любит выведывать все как бы ненароком, между делом. Засыпает словами, а сам принюхивается, ждет, ловит нужные сведения.

Купец допил вино и, досадуя на себя, налил еще. Он был ярый противник пьянства. Асланкариб ничего не замечал, или делал вид, что не замечал. С удовольствием пил вино, поглядывал вокруг, оценивая богатое убранство комнаты, бросал быстрые, пытливые взгляды на купца, наблюдая за его реакцией на те или иные слова.

«Ишь, лиса, — размышлял в свою очередь Курдибек, — нет, даже не лиса — шакал! Хитрющий шакал. Что он хочет узнать? Что-то о гномах? Или о Конане? Зачем?»

— Конан приходил, — спокойно продолжал трактирщик, — заплатил золотом и куда-то исчез.

«Понятно, — высветило купца, — он просто кочет, чтобы Конан оставил это золото у него!»

— Он был один, или с кем-то еще? — спросил Курдибек и отчего-то раз волновался.

— С этим, — Асланкариб пожевал губами, — с южанином, товарищем своим...

— Понятно, — разочарованно протянул купец.

Затем нахмурился, прислушиваясь к себе. Что он ожидал услышать? Что-то о женщине невероятной красоты? Купец завесился бровями. Да, именно об Итилии он и хотел услышать. И что ему далась эта... купчиха? По рассказам — красавица. Но ведь, врут! Точно врут! После долгого путешествия в страну Куш, после воздержания, тягот похода, любая женщина покажется красавицей! И все же... все же... Хотелось бы ее увидеть. Женщину с кожей, как шелк, волосами, как смоль, и глазами, как ночь со сверкающими звездами... Именно так ее описывали караванщики. Мерзкие развратники! Они только и думают о женщинах!

— Если он придет, Конан, — медленно сказал купец, — сообщи мне об этом... Хотелось бы с ним поговорить.

В глазах толстого Асланкариба зажглось такое любопытство, что купец злорадно улыбнулся.

Вот, пусть теперь подумает, почешет жирный загривок!.. Он притворно зевнул, и трактирщик засобирался домой.

— Всего тебе хорошего, мудрый Курдибек, — сказал он, льстиво улыбаясь, — пусть только прекрасные сны посетят тебя сегодня ночью. Пусть приснятся тебе черноокие, черноволосые красавицы, которых еще не видывал свет... Пусть одарят они тебя самыми нежными ласками...

— Спасибо, спасибо, — отвечал потрясенный купец, — и тебе желаю того же!

«Как это он узнал? О красавицах? О красавице Итилии... Угадал? Да, ведь я что-то говорил ему о компаньонке в стране Куш... Наверное, говорил...»

Он еще раз зевнул — на сей раз без притворства — подумал, какую наложницу выбрать сегодня на ночь, затем махнул рукой и в одиночестве отправился в спальню.

* * *

Конан привстал на стременах и взгляделся в струящееся марево. В такую жару хорошо сидеть у фонтана или в прохладной таверне, отдыхать, пить хорошее вино. Вместо этого

приходится тащиться по степи, высматривая старые, полузыбые ориентиры.

Култар придержал резвую гнедую кобылицу, купленную в тридорога у заезжего купца, и с надеждой посмотрел на товарища.

— Нет, — равнодушно сказал Конан, — кажется, мы слишком забрали на юг. Вернемся назад и возьмем севернее.

В темных, слегка раскосых глазах южанина отразилось разочарование. Но он промолчал, понимающе склонив голову.

— Расскажи мне еще про этот замок, — попросил он, заглядывая в лицо товарища, иссеченное шрамами и потемневшее от загара.

Конан чуть придержал коня и поехал шагом. Култар пристроился рядом.

— Я не знаю, может, этот замок уже растащили по камешкам... — начал киммериец, затем, подумав, добавил:

— Хотя, вряд ли... Я слышал, про него рассказывают страшные истории, а крестьяне слишком пугливы, чтобы брать там камни. Так что, скорее всего, стоит он заброшенный и ждет хозяина.

— И хозяином буду я! — воскликнул южанин.

Затем, опустив глаза, добавил, — если ты не против, конечно.

— Я не против, — засмеялся Конан.

— Ты говорил... его владелец погиб...

Конан понял, что придется рассказать всю историю.

— Его звали Кушух. На нем висело проклятие, и я помог его снять...

— А какое проклятие? — перебил Култар.

Конан поморщился...

— Он не мог давать сдачи, когда его бьют. А били его всегда — знали, что надо бить и что он не сможет защищаться. Такое было проклятие.

— За что? И кто его наложил? — допытывался Култар.

— Наложил какой-то маг. Он к тому времени умер. А за что? — Конан нахмурился, вспоминая. — Кажется, он в деревне бил всех, кого ни попадя. Сильным был. И коварным, как я потом понял.

— И ты снял проклятие?

— Нет, я помог найти волшебное зелье, — Конан надолго замолчал.

Они ехали молча по пыльной, выжженной солнцем степи, а позади, из-за горизонта, величественно вставали синие горы.

— Мы нашли это зелье в замке, который то исчезал, то появлялся, — продолжил Конан, — в подвалах замка... А, испив из чаши, Кушух меня предал и оставил погибать за закрытыми дверьми среди сундуков с сокровищами. Правда, один сундук был набит не камешками, а скелетами!

— Как же ты выбрался?

Конан смотрел, казалось, куда-то за горизонт. Синие глаза его подернулись поволокой воспоминаний.

— Двери открывались только снаружи. В конце концов, один человек их открыл... — киммериец нахмурился и продолжал, — не человек... зорг — искусственное создание... Хороший был воин. Для этого он и был создан — убивать.

— Но ты его одолел? — в глазах Култара смешались суеверный ужас и восхищение.

— Иначе меня бы здесь не было... Он обращался с саблей, как виртуоз-музыкант с

флейтой... Пробить его защиту было невозможно... Мне удалось отрубить ему ноги... Вероятно, просто повезло.

Култар покачал головой.

— Повезло? — он усмехнулся. — Тебе, Конан всегда везет... Нет, тут дело не в везенье. У тебя какое-то предназначение... И ты просто не можешь погибнуть!

— Еще как могу! Много раз чуть было не погиб!

— Вот именно «чуть». — Култар рассеянно почесал за ушами гнедую кобылу. Та с благодарностью замотала головой, встряхивая пышной гривой.

— Ну, вот, — продолжал Конан, — а потом я пробрался в замок...

— В какой замок? Тот, что мы ищем?

— Ну, да. Кушух построил его, пока я был... точнее, пока меня не было в этом мире. Он набрал сокровищ и успел построить замок за год.

— Ну а ты — набрал сокровищ?

— Где-то в этих краях у меня зарыт горшок с алмазами... Несколько раз хотел поискать...

— То есть, как? — не понял Култар. — У тебя зарыт клад, и ты до сих пор...

— Каждый раз мне что-то мешало. Я даже стал думать... — Конан замолчал и оглядел степь.

Жаркое марево струилось вокруг, как бы отсекая их от действительности.

— Ну? — торопил южанин.

— Я стал думать, что это сокровище... Словом, что его невозможно найти. Оно как бы прячется. Ведь добыл-то я его в призрачном, исчезающем замке!

Култар обтер лицо и шею, выжал платок и повесил его сушиться на седельную сумку. Жара донимала даже его — родившегося далеко на юге.

— Ну, ладно... Пробрался ты в замок...

— И разделялся с предателем. Выпив зелье, он помолодел и снял заклятие. Мог защищаться. Схватил ятаган...

— Дальше ясно, — кивнул Култар.

— А замок стоит где-то в этих местах. Его нужно только привести в порядок.

— Ну, а... слухи... — протянул южанин.

— Крестьяне говорят, что Кушух до сих пор бродит по замку... мертвый и страшный. И на кого он посмотрит, тот долго не живет...

Конан махнул рукой.

— Долго не живет, но успевает рассказать, что мертвец на него посмотрел! — добавил он со смехом.

Култар подавленно молчал. Ехал, опустив голову.

— Да все это чепуха! — Конан протянул руку и хлопнул товарища по плечу, отчего тот чуть не слетел с лошади.

— Разве мало мы видели живых мертвецов? — тихо спросил южанин. — Все это может быть и не чепухой...

Конан еще раз привстал на стременах и осмотрелся.

— Ага, вот развилка, где мы выбрали южную дорогу. Теперь поедем севернее.

Он стиснул каблуками бока вороного коня, также купленного совсем недавно, ринулся в галоп и исчез в пыльном облаке. Култар поскакал следом, жмурясь от пыли и фыркая, как жеребец, увидевший молодую кобылу. Скоро Конан пустил коня шагом и Култар вновь смог

задавать вопросы.

— Так ты считаешь слухи про мертвого Кушуха чепухой?

— Послушай! — Конан посмотрел на товарища, как на неразумного ребенка. — Ты сам сказал: разве мало мы видели живых мертвецов? Отобъемся! Не в первый раз.

— Значит, ты веришь, что...

— Все может быть. Отобъемся.

— Хорошо бы... — Култар почему-то не испытывал особого воодушевления от возможной битвы с мертвецом.

— Тебе нужен замок? — Конан потерял терпение. — Нужен? Когда мы посчитали наши деньги, выяснилось, что замок со всеми полями, лугами, скотом и рабами на них купить невозможно! А тут тебе — готовый! Нужно только его заселить, купить рабов, стада... На это денег хватит.

— Да, конечно... — южанин поежился, словно ехал не по раскаленной степи, а среди снегов, — конечно... просто... честно сказать — страшно мне.

— Ничего, я помогу справиться с призраком Кушуха! Я не боялся его живого — не побоюсь и мертвого!..

2

Замок подавлял мрачной неодушевленностью. Бывают постройки, в которых чувствуется веселая, добрая душа строителя. Бывают наоборот — злые, пустые, даже если и заселены людьми. Да и люди в них становятся мрачными, подозрительными, угрюмыми. Конан бывал и в тех, и в других. Видел людей добрых и веселых, живущих в домах излучающих свет; видел и злых, мрачных, обитающих пусть даже и во дворцах, но таких же неприветливых, неуютных. Какой дом, таков и хозяин. И кто тут на кого накладывает печать — поди, разберись! Не то дом влияет на хозяина, не то — наоборот.

Так и замок Кушуха. Не было в нем души. А если и была, то черная, злая, подлая. Башни по углам цитадели чем-то напоминали скалящиеся черепа. Угрюмая стена, местами недостроенная, грозила рухнуть на голову, навеки погрести под собой человека — не ходи, не смотри на замок, не смейся, не улыбайся...

— Ну вот, — Конан показал куда-то правее бреши в стене, — там есть подземный ход, по которому я и проник в цитадель, чтобы наказать предателя.

Култар вздохнул. С некоторых пор он стал ненавидеть все подземные ходы...

— Так этот замок — сейчас ничей? — уточнил он, спешиваясь, и явно намереваясь устроить долгий привал.

Конан посмотрел, как товарищ распаковывает седельные сумки, достает вино, хлеб и вяленое мясо, торопливо раскладывает все это на одеяле, и понял, что он на самом деле очень боится. Ну, что ж, придется действительно пердохнуть и подкрепиться. Конан спешился и сел к столу.

— Скоро вечер, — Култар смотрел на замок, — наверное, лучше бы начать его осмотр с утра...

— Пожалуй, — промычал киммериец, пережевывая вяленую оленину, — хотя, можно сделать факелы и...

— Нет, нет, — Култар замахал руками, — лучше дождаться утра.

— Мы могли бы переночевать в замке, в покоях Кушуха, — улыбнулся Конан, — там, как

я помню, была хорошая кровать. Не думаю, что ее утащили.

— К чему забираться в этот каменный мешок, когда можно спокойно переспать на свежем воздухе? — Култар угодливо подлил другу вина.

— Ну... как хочешь. Этот замок будет твой — можешь спать в нем, можешь — рядом.

— Пока — лучше рядом.

День действительно клонился к вечеру. Посвежело. Синеющие на горизонте Карпашские горы подернулись вечерней дымкой.

Култар расседлал и стреножил лошадей, отвел их в низину, где трава еще не выгорела. Конан прилег, забросив руки за голову. На западе небо оставалось светлым, на востоке синева сгустилась до такой степени, что стала уже не синевой, а чернотой.

Появились редкие звезды. Конан вспоминал вероломного Кушуха. Его обман. Почему он, Конан, так слепо доверился злодею? Позволил заманить себя в ловушку! Неужели не видел двуличности спутника? Видел. И, в общем, был начеку. Но, вот... Попался.

Он живо вспомнил сокровищницу, ставшей ловушкой, сундуки с драгоценными камнями и последний сундук — набитый скелетами тех, кто подобно глупой мыши, попался в мышеловку. Да, он, разумеется, отомстил предателю. Разрубил его на куски...

Интересно, Конан усмехнулся, если Кушух действительно бродит по замку — то, в каком виде? Собрал себя из кусков? Склейл? Сшил? Или бродит его бесплотный дух? Но тогда и боятся нечего — приведение может только пугать. Чтобы причинить физический вред, ему нужно облечься в плоть. А плоть можно рубить! Да, любопытно — в каком виде им встретится бывший товарищ?

Конан поймал себя на мысли, что уже не сомневается в том, что Кушух действительно бродит ночами по замку. А ведь, это пока только разговоры, слухи! А еще интересно — узнает его Кушух, если встретит? Узнает своего погубителя? Захочет отомстить? Или побоится, что его вновь разрубят на куски?

— Чему ты улыбаешься? — спросил севший рядом Култар.

— Вспомнил про мертвого хозяина замка — в каком он виде... Я-то его разрубил на несколько кусков!

— Не надо об этом к ночи, — Култар откашлялся, — скажи лучше, где можно дешевле всего купить рабов?

— А ты сам был когда-нибудь рабом? — привстал Конан.

— Был... — ответил Култар так тихо, что понять его можно было только по губам.

— Значит, был? А теперь сам хочешь рабов купить!

— Что же делать? Такова жизнь. Ты — или раб, или рабовладелец!

— А вот, я — и не раб и не рабовладелец.

— В конце концов, станешь или тем, или другим. Такова жизнь и не нам ее менять...

— Не нам? А кому? — Конана вдруг заинтересовал разговор.

— Ну... богам, наверное...

— Богам до нас и дела нет! Они даруют нам жизнь и волю. А дальше мы — сами по себе!

— Это ты так думаешь... другие думают совсем иначе.

— Что мне другие? Я знаю, что все именно так! Много раз проверял на себе!

Стемнело. Замок теперь выглядел просто огромным сгустком тьмы. Где-то невдалеке прокричала ночная птица.

— Ну, хорошо, — примирительно сказал Култар, — пусть боги нас бросили. Но все

равно мы — ничего изменить не сможем!

— Почему?

— Ну... что мы можем сделать вдвоем? Ровным счетом ничего.

— А если не вдвоем? Если нас будет много?

— Не знаю... — Култар растерялся, — я не знаю, что надо делать...

— Вот в этом и беда, — наставительно сказал Конан, — многие шахи, короли, маги, волшебники пытались что-то изменить, а получалось только хуже!

— Наверное... оно само должно как-то меняться... со временем.

— Возможно, — Конан вздохнул и закрыл глаза, — ты хорошо лошадей стреножил? Не убегут?

— А почему они должны убегать?

— Может, кто напугает...

— Кто? — Култар силился рассмотреть в темноте громаду замка, ничего не видел, и от этого было только хуже.

Конан не ответил. Он спал. И даже не положил у правой руки обнаженный меч, значит, считал ночевку совершенно безопасной. Култар расстелил одеяло, подумал, вынул меч и положил под руку. Затем оглядел густую тьму безлунной ночи и лег.

Утром, седлая лошадей, Конан спросил:

— Ты ночью не просыпался?

— Нет, а что?

— Так, ничего, — киммериец одним прыжком вскочил в седло, — я просыпался. Мне показалось, что в окнах замка мелькал свет.

Култар слегка побледнел.

— Так значит, все рассказы — правда? — он седлал гнедую кобылу, изредка поглядывая на замок.

— Я не думаю, что приведению нужен свет, — усмехнулся Конан, — в любом случае разберемся на месте.

Скоро подъехали к стене. Вблизи замок производил еще более мрачное впечатление. Окна-бойницы смотрели на посетителей пустым, мертвым взглядом. Стены успели кое-где порости темным лишайником. Казалось, что замок заброшен уже многие столетия. Ворота были закрыты, но недостроенные стены позволяли без особых хлопот проникнуть внутрь. Окованные железом дубовые двери цитадели, были, однако, распахнуты настежь. Несмотря на плотно мощеный двор, по обеим сторонам двери росли высокие кусты.

Конан остановился, медленно, как бы в раздумье, посматривая по сторонам.

— Ты ничего не чувствуешь? — спросил он подъехавшего Култара.

— Я еще со вчерашнего дня чувствую страх.

— Я не об этом, — Конан помедлил, — знаешь, меня как-то укусил волк-оборотень.

Култар с ужасом отпрянул, ожидая страшного превращения друга в свирепого зверя. Конан коротко хохотнул.

— Не бойся. Старик-знахарь мазал меня очень вонючей мазью... Я переборол заразу... А вот, Хепат, гном — я о нем тебе рассказывал — нет. Он превратился...

Култар нетерпеливо вздохнул. Потрепал по холке кобылу — она отчего-то стала волноваться, тоненько ржать, нетерпеливо переступать копыта.

— Так вот, — продолжал Конан, не сводя глаз с кустов у дверей, — спасая друга, я отправился в замок королевы демонов Эн-Кастера, где, в конце концов, Хепат и погиб...

— Но он излечился?

— Да. И погиб в схватке с демоном... Как-нибудь расскажу всю историю, — он помолчал, вспоминая последний бой Хепата.

Култар встревожено озирался по сторонам. Конан все смотрел на кусты.

— Эскиламп, самый лучший волшебник нашего времени, сказал мне после того, как я, с помощью мази, переборол заразу оборотня, что теперь я стану куда лучше чувствовать... предчувствовать, что ли, опасность... и все другое. Короче, во мне все равно течет некая доля крови волка-оборотня.

Култар опять с ужасом отпрянул и сделал охранительный знак. Кобыла его все более тревожилась. Конан опять засмеялся, но не слишком весело.

— К чему это ты? — спросил Култар, не сводя с товарища пристального взгляда.

— А к тому, что я теперь лучше, чем раньше, чувствую опасность. За кустами кто-то прячется. Кто-то очень опасный. Злобный. Я прямо кожей ощущаю его злобу.

— Что же будем делать? Может бросить этот замок... и вообще купить простой дом, завести совсем небольшое хозяйство... — южанин обнажил меч, с тоской глядя на кусты, которые теперь шевелились, будто живые.

— Как только мы повернем коней, оно нападет. Тут можно не сомневаться. Так что, приготовься к бою! — спокойно сказал Конан.

Огромный меч описал дугу и нацелился на невидимого пока противника.

Култар управился, наконец, с кобылой. Теперь на его лице застыло выражение отчаянной, мрачной решимости. Какой бы страх и тоску он не испытывал — боевая выучка помогла отбросить ненужные эмоции и быть готовым к сражению.

— Вот он! — воскликнул Конан, железной рукой удерживая коня, пытавшегося взвиться на дыбы, сбросить наездника и скрыться, ускакать от ужасного существа, вылезшего из кустов, Култар так же одной рукой крепко держал узду, а второй — меч, который был, хоть и короче, и легче меча киммерийца, но достаточно длинным, чтобы разить противника, оставаясь вне пределов досягаемости его когтей.

Существо, вылезшее из кустов, скорее всего, было неразумным. В маленьких, белесых глазах читалась только злоба и ненависть. Ни единого проблеска разума.

— Что это за тварь? — Култар вполне овладел собой, был холден, расчетлив и готов к бою. — Я таких не видел!

— Мы многое не видели в этой жизни и многое не увидим, — философски заметил Конан, наблюдая за приближением монстра.

Страшилище состояло, казалось, из одних суставчатых членов и когтей. Оно походило на огромного, высохшего паука, давно умершего и оживленного колдовской силой. И эта ужасная мумия передвигалась с такой быстротой, что глаз просто не мог уследить за ее движениями. Так, рывками, двигаются некоторые насекомые — после незаметного движения застывая каждый раз уже на новом месте. Именно так и приближалось чудовище.

Конан видел, что обычным способом отразить его атаку будет невозможно. Оставалась надежда на завесу из стали, когда умелый воин раскручивал меч так, что блеск его клинка походил на прозрачный, стальной занавес. И как бы ни старался противник, он не мог миновать смертельного удара врачающегося меча. Риск состоял в том, что неопытный боец мог попросту потерять меч и остаться безоружным.

Рывок — и чудовище застыло в нескольких метрах от Конана.

Еще рывок... и крутящийся, как крыло ветряной мельницы, клинок киммерийца отсек

корявшую, высокую и покрытую жестким волосом конечность.

К сожалению, другой лапой чудовище успело разорвать бок вороному коню. Смертельно раненый жеребец, испуганно кося глазом на вывалившиеся из его живота внутренности, взвился на дыбы и упал на спину. Конан едва успел соскочить и чуть не оказался в объятиях твари. Култар в мгновение ока спешился — сражаться на лошади с таким созданием оказалось опасно — взмахнул мечом, и вторая лапа чудовища упала на мостовую. Но монстр, казалось, даже не заметил потери двух конечностей. Так же молча, он бросился в атаку, теперь уже на Култара. Южанина спас только меч друга — Конан, как мясник, коротко «хекнув», разрубил чудовище на две части, каждая из которых, уже на земле, брызгаясь кровью, старалась добраться до ненавистных двуногих, вооруженных такими убийственно длинными когтями.

Горестно качая головой, смотрел Конан на умирающего вороного коня. Затем, одним быстрым и точным ударом прекратил мучения благородного животного. Култар же растерянно оглядывался — его гнедая кобыла в страхе унеслась неизвестно куда.

— Ее не найти, — с досадой сказал он подошедшему Конану, — увидев, как тварь распорола бок твоему жеребцу, она так рванула, что сейчас, наверное, уже доскакала до Шадизара!

Из разрубленного тела чудовища и отрубленных конечностей медленно вытекала густая бурая жидкость. Судорожные подергивания продолжались еще некоторое время, затем тварь затихла.

— И сколько их, таких, еще бродит по замку? — задумчиво сказал Култар, трогая носком сапога когтистую лапу.

Конан застыл, прислушиваясь к себе.

— Ничего пока не чувствую. Может, эта и не в замке жила. Вылезла из какой-нибудь расщелины, — он кивнул на скалистые холмы, теснившиеся вокруг.

Култар внезапно пронзительно вскрикнул, затем прыгнул в сторону и ткнул мечом в землю.

— Эта мерзость вылезла у него из пасти! — на острие клинка извивалось змееподобное существо, не больше локтя длиной, с множеством маленьких ножек и большими выпуклыми глазами.

Конан подошел ближе, пытаясь рассмотреть странное создание, с которого стекала слизь, вперемежку с кровью.

— Клянусь Кромом! У него разумный взгляд! В глазах предсмертная тоска и укор.

— Оно сидело внутри, — Култар стряхнул с меча издахающее существо, — и выползло, почувствовав, что хозяин убит!

Конан присел и осторожно потрогал маленькие лапки с острыми крючками на конце.

— Кто из них был хозяин, это еще надо разобраться...

— Ты думаешь, оно сидело внутри и отдавало приказы? — Култар вспомнил совершенно бессмысленный взгляд напавшего на них чудовища и осмысленный — этой маленькой многоножки.

— Возможно, что и так, — Конан выпрямился и в задумчивости попытался расчесать черную спутанную гриву, обрамлявшую его гладковыбритое, темное от загара лицо.

— А, может, это просто паразит, вроде глиста? — с надеждой спросил Култар.

— Может и так. Но на всякий случай не зевай слишком широко. А то запрыгнет такая тварь!.. — Конан захохотал, но, взглянув на погибшего коня, помрачнел.

— Мы теперь оба безлошадные, — печально сказал Култар, — что будем делать?

— То, что и намеревались! Пойдем осматривать замок! — Конан снял с убитого коня седельную сумку и водрузил на плечи Култара.

Тот безропотно принял ношу, пытаясь поудобнее устроить ее на спине.

— Неси пока ты, — пробормотал Конан, — потом я. Так и пойдем. Там у нас еда и питье, бросать нельзя.

— Ясно, что нельзя, — Култар вздохнул и поспешил вслед за другом.

Конан уже скользнул внутрь цитадели и южанин на какой-то миг остался один. Вновь нахлынули старые страхи, предчувствие беды и неминуемой гибели. Он еще раз убедился в том, как хорошо и надежно рядом с Конаном, и как плохо и неуютно одному, особенно в таком месте, где на тебя из кустов прыгают твари-зомби, которым отдают приказы сидящие внутри слизистые многоноожки.

3

Замок встретил путешественников прохладой и сыростью. Казалось, тепло просто не может проникнуть за эти стены. По коридорам гуляли сквозняки. Голые камни, узкие окна, пустые, гулкие залы — все это производило впечатление опустошенности, навевало уныние.

— Все-таки мародеры здесь поработали, — сказал Конан, осматриваясь, — в прежние времена на стенах висели гобелены. Посмотрим, в каком виде спальня.

По винтовой лестнице поднялись на второй этаж. Конан стремительно шел впереди. Казалось, он вновь переживает то время, когда любой ценой спешил отомстить изменнику, жаждал его крови. Нагруженный Култар едва успевал за ним. Пройдя по длинному коридору, Конан свернулся за угол и оказался в небольшой комнате.

Здесь располагалась охрана. Следующая дверь вела в спальню. Подошел тяжело дышащий Култар.

— Здесь, — негромко сказал Конан, — его спальня.

Он медленно протянул руку, взялся за резную дверную ручку и замер. Култар с нарастающим напряжением следил за каждым движением друга. Почему он медлит? Южанин быстрым движением скинул с плеч сумку и осторожно, чтобы не наделать шума опустил ее на пол. Ему показалось, что где-то далеко за стенами замка завыли волки. Странно — утром волки не воют. Ночью — другое дело. Почему же медлит киммериец? Чего-то опасается? Чувствует опасность?

Конан, опустив руку, стоял перед дверью. Видения прошлого, вперемежку со странными фантазиями, проносились перед его мысленным взором. Вот он входит в спальню бывшего товарища, а ныне заклятого врага и предателя. Тот нежиться в постели. Его взгляд!.. Он знал, он чувствовал, что расплата придет, и он был рад, что нестерпимое ожидание, наконец, кончилось... Кровавые куски на полу — то, что было некогда человеком. Человек дышал, ходил, жил, предавал...

Теперь он превратился в куски кровавого мяса...

Куски внезапно собрались воедино, и перед Конаном вновь встал его бывший товарищ — предатель Кушух. Но теперь выглядел он так страшно, что горло сдавливали спазмы, и воздух почти не проникал в легкие. Висящий на кровавой нитке глаз... Раскрытый в вечном крике рот, выбитые ударом меча зубы....

Медленно протягивает мертвец корявые, изрубленные руки... Конан не может

пошевелиться, не может дышать. Скрюченные, окровавленные пальцы с отросшими ногтями, больше похожими на когти, вот-вот сомкнутся на горле. Нужно выхватить меч и рубить, рубить!.. Нет сил даже пошевелиться. Наваливается странное оцепенение. Нужно бежать, не видеть этих страшных глаз!.. И на это нет сил... Мертвое — и не мертвое — тело приближается, окутывая смердящим облаком гниющей плоти и протухшей крови, разинутый рот кривится в ухмылке, когти уже почти коснулись горла... Тянется, тянется мучительное мгновение, все меньше остается в легких воздуха, темнеет в глазах...

Нет, это просто видения! Это колдовской морок! Конан с криком разрывает окутавшую его пелену и видит встревоженные глаза Култара.

Все прошло. Он по-прежнему перед дверью в спальню и нужно эту дверь открыть, сделать несколько шагов, как тогда, дойти до кровати, как тогда, в руке должен быть обнаженный меч — как и тогда, нужно наказать предателя!

Изрубить его на куски! Вот он — прямо перед ним! Стоит и ухмыляется — мерзкий ублюдок, изменник, предавший товарища! Смерть ему, смерть!

С рычанием Конан разорвал и эту пелену. Вновь перед ним глаза Култара, расширенные от ужаса. В руке он держит меч — собрался защищаться? От кого? Ах, да! В руке Конана тоже обнаженный меч. Он мог броситься на друга и изрубить его на куски, как того...

О, Кром! Ты даешь людям жизнь и волю — и больше не заботишься о них! Но все же обрати на меня взор и помоги! Помоги сейчас одолеть наваждение!

Лицо Култара превращается в кровавую маску Кушуха! Култар — Кушух! Кушух — Куштар!

Кром, помоги! Он — враг — хочет броситься на меня? Поднимает меч? Нужно отбить удар и нанести укол в сердце! Но это же друг?! Да, но тот, тоже был другом! Пока не стал врагом. Так нужно ли ждать, когда этот станет врагом?! Лучше убить его сейчас! Убить и разрубить на более мелкие куски, чтобы он не смог собрать себя, как тот, что сейчас сидит за этой дверью! Кром, помоги!

В очередной раз спала пелена. Култар с отчаянием в глазах отбивал удары.

— Стой! Все прошло! Я пришел в себя. Это тот, кто за дверью! Это он насыпает морок!

Конан рывком открыл дверь. С хриплым криком ворвался в спальню. Голые доски кровати.

Ковры, когда-то висевшие на стенах, исчезли. Открыта потайная дверь, через которую он тогда пробрался в спальню. Никого нет. Осторожно подошел и встал позади Култара.

Пусто. Тихо. Тяжело дыша, приходил в себя Конан, осторожно переводил дыхание Култар.

— Он, его дух, насыпал морок, — киммериец вложил меч в ножны.

— Я понял... — Култар также спрятал меч, — ты меня чуть не убил! Повезло, что движение у тебя были замедленны. Как во сне.

— Я и был во сне. И еле проснулся, — Конан шумно выдохнул.

Встряхнул головой, прогоняя остатки видений. Медленно вышел из спальни. Теперь нужно отдохнуть. Может быть, перекусить.

Пройдя в обеденный зал с множеством отполированных каменных столов и скамеек, друзья сели и распаковали седельную сумку. Неторопливо пережевывая жесткое мясо, Конан вспоминал недавнее наваждение. Похоже, было, что мертвого Кушуха действительно могли видеть в замке.

Не его самого, конечно, а его дух, призрак, его мерзкую сущность-предателя. И этот дух

мог насыпать виденья, морок. Да, местные крестьяне, увидев такие картины, какие сегодня видел он, конечно же, без памяти бросались наутек, как испуганные перепела, внезапно увидевшие перед собой оскаленную морду собаки.

Култар налил вина:

— Осталось совсем немного. Большой бурдюк с вином был у меня... А теперь у того, кто поймал кобылу!

Конан кивнул:

— Да, повезло кому-то. И лошадь, и вино.

Он надолго замолчал. Хмурился. Качал головой. Култар не мешал раздумьям товарища. Молча ел, стараясь не хрустеть сухими лепешками.

— Нужно привезти в замок хорошего колдуна, — сказал, наконец, Конан, — мечом тут ничего не сделаешь.

— Эскилампа?

— Пока до него доберешься... Попробуем найти в ближайшем селении.

— Хорошего? — с сомнением спросил Култар.

— Какой будет... — вздохнул Конан, — и еще нужно купить лошадей, пусть даже это будут самые захудальные клячи.

* * *

Колдун, на которого указали жители ближайшего селения, оказался до того старым, что оставалось только удивляться тому, что он еще ходит. Древний стариk, всклокоченные седые космы, морщинистое лицо с выглядывающим из впалых щек носом, кривые зубы, среди которых особенно выделялся не сточенный годами клык. Облик злобного лешего...

Глянув на посетителей выщетшими, водянистыми глазами, он злобно прошамкал:

— Деньги только вперед и только серебром.

— А золотом? — сухо спросил Конан.

— Золотом — еще лучше, — в потухших глазах старика зажегся алчный огонек.

— А кулаком по шее? — уточнил Конан.

Он был уверен, что колдун струсит и согласиться работать даже и даром, лишь бы заезжие рыцари не гневались.

Стариk быстро окинул взором посетителей, оценил могучее сложение одного и гибкость другого, учел уверенность, невозмутимое спокойствие обоих и запричитал:

— Нет, господа, по шее — не надо... Дадите, сколько пожелаете, сколько посчитаете нужным... После того, как я сделаю то, что вам надо...

— Нам нужно расколдовать замок Кушуха! — встяжал Култар.

Увидев, как округлились глаза старика, Конан с досадой крякнул. Не стоило говорить об этом сейчас. Нужно было отвезти колдуна в замок и поставить перед призраком носом к носу. А теперь он будет отказываться.

Страх в глазах местного мага перерос в ужас. Покрытые старческими пятнами руки затряслись, рот приоткрылся и Конан почувствовал несвежее дыхание.

— Пусть господа не гневаются... Замок — проклятое место... Там не только призрак бывшего хозяина... Там еще змеи с ногами — они заползают спящим людям в рот и превращают их в зомби... Я не смогу... не смогу.

— Ты должен хотя бы попробовать! — Конан приподнял колдуна за шиворот и хорошенко встряхнул.

— Хорошо, хорошо, пусть будет так... Я попробую...

— И еще: покажи, у кого можно купить самых лучших коней!

Старик покачал головой:

— Можно, конечно, найти коней. Самых лучших... из тех, что есть у нас в селении... Но подойдут ли они таким важным господам?

— Подойдут, подойдут! — Конан отпустил колдуна. — Иди, собирай свои чаши, зелья... готовься... Потом пойдем коней покупать.

«Самые лучшие кони» оказались такими клячами, что Конан всерьез опасался, смогут ли они выдержать седоков. Ничего не оставалось, кроме как попробовать. К всеобщему удивлению, клячи довольно уверенно держались на ногах, неся на спине даже такого гиганта, как Конан.

По-царски заплатив униженно кланяющимся продавцам, друзья поехали к замку. Лошадь колдуна была под стать хозяину и отставала даже от купленных кляч. Ехали так медленно, что копыта лошадей даже не поднимали пыль, а конь старого колдуна, казалось, вообще, плыл по воздуху.

— Конан, — прошептал Култар, наклонившись к товарищу настолько близко, насколько было возможно, чтобы не выпасть из седла, — я заметил, что лошадь старика... не дышит.

— Что?! — искренне удивился киммериец. — Как это, не дышит?

— А так... бока ее неподвижны. А на глазах сидят мухи, и она их не сгоняет.

— Ты хочешь сказать, что колдун едет на мертвой лошади? — Конан оглянулся.

Теперь он смотрел на старика немного по-другому. Позади, на лошади, которая действительно не дышала, ехал непонятный человек, спокойно и даже властно поглядывая на своих нанимателей. Глаза его стали темными, осанка — гордой.

— Как тебя зовут-то, старик? — спросил Конан, пристально всматриваясь в новый облик колдуна.

— Чандлер, — с достоинством ответил тот.

Затем усмехнулся и добавил:

— Я вижу, твой друг заметил, что мой конь давно мертв. Что делать — я к нему привык и хочу, чтобы он послужил мне еще пару столетий.

— Сколько же тебе лет? — почтительно спросил Култар.

— Полторы тысячи... Я думаю, пора сделать привал. Скоро ночь, а ночью бродить по замку не решусь даже я!

— Хорошо. Тебе виднее, — Конан спешился и потянулся, хрустя суставами.

Култар хотел помочь старику слезть с лошади, но тот легко спрыгнул сам и, упругой походкой подошел к киммерийцу.

— Ты — Конан. Я тебя сразу узнал.

— Откуда? — спокойно спросил Конан и кивнул Култару, чтобы тот достал походную снедь.

Южанин раскрыл сумку, которую трижды проклял, пока тащил на себе в деревню, достал лепешки, мясо.

— Как только вы пришли, я раскинул мысленную сеть... Ты — друг Эскилампа.

Конан кивнул, ожидая продолжения.

— Эскиламп — хороший мальчик, — колдун улыбнулся, обнажив два ряда белоснежных

зубов, — способный. Немного легкомысленный, но способный. Он, вместе с другими пытается поддерживать равновесие в этом мире.

— А ты?

— И я с ними. Вам повезло, что вы пришли ко мне. Я послан сюда Советом, чтобы закрыть Путь.

— Пожалуйста, — попросил Култар, переставая жевать, — расскажи все по порядку!

Колдун устроился поудобнее, устремил взгляд куда-то вдаль и обыденным тоном сказал:

— Твари из-за Круга давно пытаются преодолеть грань, проделать проход. Кушух, сам того не ведая, помог им — открыл Путь. Первыми пролезли многоножки, за ними пойдет другая нечисть, если я не справлюсь.

— А почему же ты раньше...

— Я ждал тебя, Конан. Все предопределено и на Земле, и за ее пределами. Ты должен был появиться. И ты пришел. Мне нужен твой меч, твое умение.

— Так чего же ты придуривался? — Конан неодобрительно посмотрел на сидящего перед ним мужчину средних лет с темным взором, полным мудрости и печали, на сеть морщинок вокруг его глаз и внезапно понял, как нелегка ноша колдуна. Настоящего колдуна.

— Не так просто выходить из облика, который принял... Для жителей селения я — старый шарлатан. Так лучше, удобнее.

— Ты говорил, что тебе — полторы тысячи лет... — начал Култар.

— Хочешь послушать мою историю? — усмехнулся колдун.

— Да... расскажи, — Култар вопросительно посмотрел на Конана.

Тот кивнул и подготовился слушать.

— Ну, что же — ночь длинная, можно и рассказать...

Я родился далеко, за краем обитаемой земли, в дебрях, кишащих дикими зверями, чудовищами и разной мелкой тварью. Отец мой был простой охотник... — колдун немного помолчал, вспоминая дни детства, тряхнул головой, словно освобождаясь от назойливых мошек, и продолжал, — мать была первой красавицей в селении.

Насколько я помню, на нее всегда заглядывались молодые охотники, но никто, даже вождь не смел ее тронуть — таковы были наши обычаи. Отец часто уходил на охоту и пропадал несколько дней. Иногда приносил дичь, иногда сам еле возвращался, весь израненный, и тогда мы питались старым, выветренным, вяленым мясом, кишащим червями. До тех пор, пока отец не выздоравливал и не приносил с охоты свежее мясо, которое мы не только ели, сколько могли, но и солили, вялили впрок.

Так текла жизнь наша и всех тех, кто жил вместе с нами в небольшом селении в джунглях. Я уже подрос, когда мне рассказали, кто же мой настоящий отец...

За девять месяцев до моего рождения в селение пришел странный и страшный человек. Возможно даже и не человек. Я до сих пор не знаю, кем же был мой настоящий отец, тот, кто зачал меня, осквернив, ставшую после его заклинаний беспомощной, мать. Совершив свое черное дело, он ушел, сверкая глазами. И толпа охотников, сбежавшихся на крики матери, видевших весь ее позор, в страхе расступилась, давая дорогу страшному пришельцу.

Когда он ушел, мать, до того лежавшая с оголенным ногами, животом, и все тем, что женщины прячут от мужчин, вскочила и, закрыв лицо ладонями, убежала в хижину. Охотники, пристыженные своей трусостью, молча разошлись по домам. Вернувшийся отец хотел убить оскверненную мать, но не смог — она была слишком красива, и он слишком ее любил. После такого проявления слабости, другие охотники к отцу стали относиться

пренебрежительно и он, собрав пожитки, ушел в джунгли, чтобы больше не вернуться. Ушел подальше от позора, от ухмылок бывших товарищей.

— О, я им отомстил! — с жаром воскликнул колдун.

Было видно, что рассказ захватил его, всколыхнув самое сокровенное.

— Я им отомстил. Когда я подрос и овладел тайной наукой — а она давалась мне сама, без всяких усилий — я отомстил. За насмешки над отцом, за поругание матери! Они потом, после ухода отца, ходили к ней по несколько человек каждую ночь! Оскверненную женщину можно использовать, как угодно — этого обычай не запрещал...

Они приходили к ней — одинокой, опозоренной, беззащитной — пили опьяняющие напитки, а затем... Затем издевались над ней, кто как хотел... Каждому хотелось позабавиться с бывшей первой красавицей селения. И она, после бегства — да, бегства — отца, не могла отказаться им, самодовольным трусам, не защитившим ее от пришлого колдуна. Каждую ночь она ублажала их ненасытную похоть, а наутро, еле живая, шла в джунгли собирать коренья, чтобы прокормить себя и зародившуюся в ней новую жизнь.

Я отомстил! Когда мне было пятнадцать лет, а я был не по годам рослый и сильный, да к тому же уже умел колдовать и подчинять людей всего одним словом — я пришел в селение, где издевались над матерью. К тому времени мы жили отдельно. Мать всем надоела, и ее попросту выгнали из селения.

Я пришел и наказал их! Я заставил всех женщин раздеться и лечь, а мужчин смотреть на это. Я потрудился и обесчестил каждую. Каждую! А мужчины, эти жалкие трусы, обливаясь слезами, смотрели на своих жен, ставших беспомощными, как когда-то моя мать. Я сделал это, а потом подходил и долго смотрел в глаза каждому охотнику. Затем приказал им не убивать своих оскверненных женщин — жить с ними, смотреть на них, вспоминая, как я, на глазах у всех, делал с ними все, что хотел. Вот так. А к двадцати годам я знал уже все колдовские науки. Откуда — неизвестно. Знания приходили ко мне сами — по мере того, как я взрослел. Видимо, зачавший меня колдун — или демон, или, вообще, существо из другого мира, принявшее наш облик, — вложил мне эти знания прямо в кровь. Может, у них там, так и бывает... — колдун опустил голову и долго молчал.

Конан и Култар так же молча ждали продолжения.

— Когда моя мать повесилась... мне было около тридцати лет. Да, она повесилась не в силах видеть во мне того... осквернителя. Я походил на него и обликом, и колдовским умением. Она убила себя. Вынесла все — и позор, и бесчестье, и издевательства мужчин, но не смогла вынести превращения сына в страшного колдуна, который одним мановением руки мог поднять человека в воздух, или загнать под землю... Она повесилась. Я оживил ее и долго еще она, мертвая, «жила» на свете... Только... Только не ела, не пила и почти не разговаривала... Это страшно. Видеть тусклые, мертвые глаза матери, это страшно. Но я терпел. Я просто не мог ее похоронить. С помощью колдовского умения я нашел отца, перенес его к себе и заставил жить с мертвой. С той, кого он бросил, отдав на дальнейшее поругание. Он быстро сдал, похудел, зачах и умер. Мне было его не жаль. Он заслужил то, что получил.

Еще через несколько лет меня призвали в Совет. Там уже знали мою историю и мое искусство. Они взяли с меня клятву — страшную клятву колдуна — что никогда я не употреблю свою власть во вред человечеству. Только на благо. Они познакомили меня со строением мира, показали мир невидимый, и мир призрачный, показали иные миры, существующие рядом с нами...

— А ты бывал в Иреме? Городе Колонн? — спросил Конан.

— Конечно. Совсем недавно и ты там побывал, — колдун улыбнулся, — и счастливо избежал наказания за дерзость. Знания, таящиеся в Иреме — не для простых смертных. И не потому, что человек может натворить много бед, овладев тайными знаниями. Просто слабый мозг не выдержит, воспалится, погибнет от перегрузки, а в Иреме, я узнал много нового. Собственно курс обучения, который составил Совет, включал в себя посещение Города Колонн. Для этого он и оставлен на Земле в одном шаге от нашего мира. Вот, пожалуй, и все. А теперь я должен, с вашей помощью, закрыть проход, иначе миру, который мы знаем, грозит беда.

— Значит, ты — не человек, — помолчав, сказал Конан.

— Наполовину я человек по матери. Кто был мой отец — не знаю...

Конан зевнул и расстелил одеяло, собираясь спать. Култар с тревогой смотрел на друга. Неужели на него не произвел впечатления рассказ колдуна? Сам южанин дрожал, не то, от страха, не то, от непонятного возбуждения. А Конан спокойно укладывается спать рядом с... нечеловеком.

— Ложись и ты, — сказал колдун, — я покараулю, да и подготовлюсь к завтрашней встрече.

Култар лег, успев заметить, что Конан положил меч под правую руку. Значит, он не уверен в полной безопасности предстоящей ночевки. Интересно. Почему же он был так спокоен?..

Утром колдун сидел все в той же позе, будто превратившись в статую. Конан и Култар разложили лепешки, намереваясь закусить. Колдун от еды отказался, отрицательно помотав головой. Он был настолько сосредоточен, что, казалось, не видел ничего вокруг.

В замке по-прежнему было холодно. Волшебник Чандлер шел первым, быстро осматривая комнаты и залы. За ним с обнаженными мечами двигались Конан и Култар.

— Чувствуете холод? — колдун быстро оглянулся. — Тепло забирают те, кто появился из-за Круга.

Он остановился так внезапно, что Конан чуть не сбил его с ног.

— Где-то здесь... — руки Чандлера описали плавную дугу и остановились над полом. Слегка согнувшись, он замер.

Конан вновь почувствовал мысленную атаку. Виденья поплыли перед глазами, но на сей раз, прорвать пелену оказалось проще. Вероятно, сказывалось противодействие колдуна. Позади сопел Култар. Возможно, ему тоже пришлось бороться. Конан оглянулся. Лицо южанина превратилось в маску ужаса. Но вот глаза его прояснились, он отдышался и уже осмысленно посмотрел на друга. Конан кивнул и вновь повернулся к колдуну, который стоял все так же неподвижно.

— Затягивает, — глухо пробормотал Чандлер, напрягаясь всем телом, — не могу противостоять... Конан, постарайся уцелеть, в этом залог успеха... Ты нужен, чтобы...

— О чём это он? — прошептал Култар.

Конан внезапно ощутил падение. Так было в детстве, когда он, ради смеха, бросался в воду с высокой скалы. Затем навалилась темнота, в которой изредка мерцали крохотные огоньки, возможно звезды. Опять падение, на этот раз, более долгое. Мерцания. Точки звезд, превратившиеся в длинные, вращающиеся черточки... Головокружение... Пустота и одновременно тяжелый камень в желудке... Тошнота... Конан стиснул зубы, так, что заболели челюсти. Падение... Суставы, будто выворачиваются... Желудок уже у самого

Поднявшись на ноги, Конан осмотрелся, все еще чувствуя тошноту. Серая, унылая равнина вокруг. Потрескавшаяся, обезвоженная земля. Твердая, как железо, короста. Поодаль встают горные массивы. Некоторые пики извергают дым, вперемежку с огненными языками. Небо над головой — низкое и серое, наполненное дымом.

Конан чувствовал такую усталость, будто целый день крутил колесо, подающее воду в хозяйствский фонтан. Он опустил голову. Да, так было когда-то... Колесо, крики надсмотрщиков, хлесткие удары бича — рабство...

Для того чтобы изгнать из памяти старые видения и взбодриться, Конан длинно и замысловато выругался. Стало легче. Он вздохнул и пошел по направлению к горному массиву. Оставаться на месте — значит, погибнуть от жажды. В горах должна быть вода...

Дымящиеся пики оказались гораздо ближе, чем можно было предположить. Несколько часов быстрой ходьбы и начались предгорья. Жажда уже давала о себе знать — пересохло во рту, в мыслях виделся только горный ручей с чистой, хрустальной водой. Из такого можно пить часами, пить, не отрываясь, наполнять нутро живительной влагой, радуясь каждому глотку.

Горы уже нависали над самой головой. Конан заглядывал в каждый распадок, под каждый камень. Но воды не было. С болью он заметил, что горные пики не покрыты шапками снегов. Значит... Значит, воды тут может не быть вовсе.

Тяжело дыша, он присел на камень, размысливая о дальнейшем пути. Попытаться перевалить через хребет? Может, за ним таится цветущая долина? Или, наоборот, найти самый глубокий распадок — вдруг там бежит ручеек?.. Или спряталось небольшое озеро с блестящей, как зеркало, поверхностью, в которой отражаются облака?.. В озеро можно погрузиться с головой, нырнуть поглубже и пить там, в глубине холодную, как северный ветер, воду. Пить и пить... Вынырнуть, отдышаться, и снова пить...

Конан еще раз посмотрел наверх. Да, горные пики достаточно высоки — в родной Киммерии горы такого размера всегда были покрыты снегом. Чистым, как душа ребенка, белым, как крылья лебедя... Можно брать горстями такой снег, набивать им рот и, не ожидая, пока он растает, глотать, обжигая живот и весело смеясь...

Послышился далекий звук рога. Померещилось? Но вскоре стал слышен и топот копыт. Судя по звуку, приближался небольшой отряд тяжело вооруженных рыцарей. Они выехали из-за холма и остановились на расстоянии нескольких метров, угрожающе покачивая копьями. Человек двадцать на вороных конях в полном вооружении. Кроме копий, у каждого на поясе висел короткий меч, к седлу был приторочен боевой топор и щит. Латы блестели на солнце, отливая серебром.

— Кто ты чужеземец? — один из воинов, очевидно, главный, поднял забрало. На Конана глянули серые глаза с недобрый прищуром. Лицо рыцаря было гладко выбрито и украшено несколькими шрамами.

— Вы хотите знать мое имя? Я — Конан из Киммерии!

Предводитель недобро усмехнулся:

— Как далеко находится твоя страна? Мы о ней даже не слышали.

— Моя страна далеко на севере... Сюда я попал случайно. Заброшен непонятной

силой, — спокойствие Конана, стоящего перед острыми наконечниками копий, произвело впечатление.

Рыцари о чем-то тихо посовещались. Затем предводитель хрюплю рассмеялся.

— По виду ты хороший воин. Скоро мы это проверим. Ты будешь выступать на арене и, если останешься в живых, тебя наградят и отпустят домой.

Выступать на арене! Конан задохнулся. Они хотят сделать из него гладиатора!!! Одним быстрым движением он выхватил кинжал и метнул его в рыцаря, так неосторожно поднявшего забрало. Длинный клинок вошел в глаз и поразил мозг. Рыцарь даже не успел поднять руки — он был мертв раньше, чем это осознали другие. Когда же они опомнились, Конан уже стоял в нескольких метрах от того места, куда разом вонзились два десятка копий. Предводитель еще падал с лошади, а Конан уже отбивал атаки конников.

По счастью, местность изобиловала крупными валунами, и сражаться на конях рыцарям было неудобно. Некоторые из них спешились, другие пытались управлять лошадьми, наталкиваясь на валуны, и друг на друга.

Воспользовавшись замешательством, Конан, не вкладывая меча в ножны, побежал к видневшимся неподалеку скалам. Успевшие спешиться рыцари стали забираться на коней, что было непросто, учитывая их тяжелые латы, конные — сразу же бросились вдогонку. Конан заметил, что ни луков, ни арбалетов у противника не было. Значит, можно, забравшись на скалу, отражать атаки нескольких человек одновременно. И когда конники, лавируя между валунов, подъехали, он уже стоял на вершине небольшой, но довольно крутой скалы. Рыцари вновь спешились, и Конан усмехнулся, глядя на их замедленные движения — он всегда предпочитал латам легкую кольчугу. Сейчас, похоже, они поймут, что тяжелые латы чаще всего бываю обузой, хотя и защищают лучше простой кольчуги.

Рыцари, как муравьи, полезли наверх. Одного Конан проткнул, когда он поднял руку, цепляясь за камни, другого столкнул сапогом, третьего оглушил ударом меча по шлему и он, глухо вскрикнув, сполз на землю. Некоторые метнули снизу кинжалы, отбить которые не представляло труда. Скоро уже несколько мертвых рыцарей лежали у подножья скалы. Конан хохотал. Азарт битвы вытеснил недавние страхи перед сверхъестественными силами, забросившими его невесть куда,upoение боем наполнило душу грозным весельем, а привычная тяжесть меча в руке придавала сил и уверенности.

Рыцари совещались, собравшись в круг.

Наконец, один поднял забрало и вышел вперед.

— Ты хороший воин, но побеждаешь бесчестно, убивая не готовых к схватке людей. Спускаясь, и будем биться один на один!

— Я тебе не верю! — крикнул Конан.

— Я даю слово!

— А я не знаю цену твоему слову!

Даже со скалы Конан заметил, как налились гневом щеки рыцаря, как заиграли желваки и засверкали глаза.

— Я прощаю тебе, чужеземец, дерзкие слова. Мои товарищи подтвердят: если ты победишь — можешь идти куда хочешь!

Стоящие рядом рыцари дружно закивали. Затем все подняли забрала. Лица у некоторых были совсем юными, другие бугрились шрамами и рубцами.

Конан раздумывал. Рискнуть и принять вызов? Или продолжать отражать атаки, стоя на скале? Они пошлют кого-нибудь за арбалетами, а сами будут караулить...

— Хорошо. Я верю твоему слову. Спускаюсь.

Конан соскользнул со скалы, внимательно глядя на столпившихся рыцарей. Говоривший вышел вперед.

— Я — Вэрлоу, второй человек в клане Дракона. Схватка будет честной. Каждый бьется тем оружием, которое сам выберет. Победитель получает доспехи и деньги побежденного — таковы правила.

— Согласен, — Конан взял меч наизготовку, пристально глядя в глаза рыцарю. Перед выпадом, внезапным броском зрачки расширяются — по этому признаку можно предугадать действия противника и среагировать раньше, чем тот начнет атаку.

Рыцари образовали большой круг, предвкушая хорошее развлечение. Второй человек в клане Дракона — первого, очевидно, Конан убил, метнув кинжал — так же приготовился к битве.

— Начинаем по счету «три»!

Кто-то из рыцарей тут же стал считать: «один, два, три».

Меч Вэрлоу описал короткую дугу и обрушился на то место, где только что стоял Конан. Зрители зашумели. Второй выпад также не достиг цели. Зарычав, рыцарь стал непрерывно наносить яростные удары — Конан отбивал, ускользал, отпрыгивал и... улыбался. Второй человек в клане Дракона был неважным воином. Да еще и тяжелые латы!.. Не желая убивать, Конан выбрал момент и оглушил рыцаря мощным ударом по шлему. Вэрлоу опустил руки и тяжело рухнул на землю.

Рыцари загомонили все разом. Затем, почтительно склонив головы, приблизились. Никто из них не обнажил меча, и Конан счел это хорошим знаком.

— Ты, хороший воин, Конан из Киммерии, — сказал один из них, — мы держим слово и отпускаем тебя — ты свободен. Пока же мы предлагаем тебе оказать нам честь и разделить с нами трапезу.

Конан молча склонил голову. Рыцари — многие, из которых, сняли латы и стали похожи на обычных людей — расстелили полог, поставили кувшины с вином, жареное мясо, фрукты. Конан заметил, что многие из плодов ему неизвестны.

— Нет ли у вас воды? Я долго шел по пустыне.

— О, да, конечно, — к нему придвинули целый бурдюк с родниковой водой.

Вскоре к «столу» подсел пришедший в себя Вэрлоу. Потирая макушку, он молча взял, услужливо протянутую кем-то, кружку. О схватке не говорили, будто ее и не было. Рыцари ели, пили, разговаривали о погоде и лошадях, изредка бросая любопытные взгляды на бывшего противника.

— Я бывал на севере, — сказал Вэрлоу, — но страны с названием «Киммерия» там нет.

— Я же говорил, что заброшен в ваш мир демонами! — Конан почти ничего не ел, только пил воду.

— Как же ты думаешь вернуться?

— Не знаю...

Один из рыцарей — старый воин с огромными седыми усами — задумчиво сказал:

— В горах живет старый колдун, я думаю, он может помочь. Только добраться до него очень нелегко...

— Расскажи мне, где его искать, этого колдуна, уж я доберусь.

Рыцари почтительно посмотрели на огромный меч Конана и дружно закивали.

— Нужно дойти до окаменевшего рыцаря, — это там, — рассказчик указал на распадок

между двумя горными пиками, — затем идти строго на восток... В конце концов, дойдешь до пещеры колдуна. Попросишь его, и он поможет... если захочет...

— Про него у нас ходят разные слухи, — словоохотливо добавил молодой рыцарь с едва пробивающейся бородкой, — говорят, что он продался демонам и служит им.

— Еще говорят, — сказал другой, — что колдун требует в качестве платы душу просящего... на несколько дней... Что он делает с душой — не знает никто.

— Не стоит верить всем слухам! — перебил Вэрлоу.

Рыцари замолчали. Повисла напряженная тишина. Казалось, все чего-то ждут. Вэрлоу откашлялся и с усилием сказал:

— Конан из Киммерии, ты победил меня в честной схватке и можешь забрать мои доспехи и деньги...

Конан расслабился — вот чего они ждали. Выполнения условий рыцарского поединка.

— О, благородный рыцарь, — Конан с трудом удерживался от улыбки, — мне не нужны ни доспехи, ни деньги. Дайте мне лучше воды и пропитания на дорогу.

— Ну, конечно! — Второй, а ныне, вероятно, первый человек в клане дракона, так явно обрадовался, что сидящие вокруг рыцари опустили глаза.

— Конечно, мы дадим тебе воды, вина и еды столько, сколько ты сможешь унести! — он покосился на могучую фигуру Конана и продолжал:

— Я бы отдал тебе и коня, но в горах он бесполезен.

Рыцари тут же, по знаку Вэрлоу, собрали все продукты в огромный тюк, который Конан без труда взвалил на плечи.

— Счастливого пути тебе, рыцарь! — Вэрлоу чинно пожал пришельцу руку и с неудовольствием глянул в сторону, где лежали его убитые товарищи.

— Прощайте, благородные рыцари, — ответил Конан и легко зашагал в указанном направлении, нисколько не сгибаясь под тяжестью тюка с продуктами.

* * *

«Окаменевший рыцарь» оказался просто высокой скалой, отдаленно напоминающей опирающегося на копье воина. У «рыцаря» Конан решил заночевать, ибо дело шло к ночи, а карабкаться по крутым склонам в полутьме всегда рискованно. Он распаковал тюк и устроил царский ужин.

Вино, правда, у рыцарей было не самого лучшего качества, но — кто знает — может, в этом мире лучшего и не бывает. В том, что он оказался в ином мире, Конан не сомневался. Другой мир...

Так же, как и мир, где правила короля демонов Эн-Кастера, или — совсем недавно — мир, в котором стоял Город Колонн. Из тех миров он знал, как выбраться; из этого — нет. Только и всего. Не исключено, поэтому, что он останется тут навсегда. Придет в город, где живут благородные рыцари, не умеющие толком сражаться, победит пару раз на турнире, завоюет славу и деньги... Гм, Конан усмехнулся, если тут все такие бойцы, как его недавний противник, завоевать и то, и другое будет несложно.

Он сложил продукты и прилег, забросив руки за голову. Если разобраться, что его держит в том, родном мире? Какая разница, где бродить с мечом на поясе и несколькими монетами в кармане? Вспомнился Култар — верный спутник его последних месяцев.

Эскиламп — веселый колдун... Итилия — любящая его и, наверное, многих других, женщина... Странная тоска сдавила грудь. Если он останется в этом мире, он никогда больше не увидит ни одного знакомого лица.

И — что? Появятся новые знакомые... Точно так же, как появились в том, в старом мире... Как ни рассуждай — ничего страшного... И все же... Почему так сосет под ложечкой при мысли о потере его мира? Разум говорит — ничего: что потерял там, найдешь тут, а душа, сердце — не хотят с этим мириться! Нет, он пойдет к волшебнику и попросит помощи, какую бы плату тот не потребовал...

Утро выдалось пасмурным и хмурым. Низкие тучи нависали над самой головой, укрывая туманным, одеялом горные вершины. Пахло дождем. Несколько капель упало на лицо Конана, пока он увязывал тюк с продуктами...

Идти предстояло на восток, как раз туда, где золотыми змейками уже сверкали молнии. Грома пока слышно не было, но гроза явно приближалась. Конан поморщился. Лезть на перевал по скользким камням мало радости. Пока же предстояло идти по распадку. Передернув плечами, чтобы ровнее уложить на спине свою ношу, он отправился в путь. Вскоре перед ним высился перевал. Тучи грозили раздавить, наливаясь черной злобой. Грязнул, наконец, гром. Конан искал глазами хоть какой-то скальный козырек или, лучше, пещеру, где можно было бы переждать грозу. Заметив на расстоянии полета стрелы темный вход в расщелину, он почти бегом устремился туда. Редкий кустарник, росший на пути, цеплялся колючками за одежду, будто стараясь не пустить или, хотя бы, оцарапать незваного гостя.

Прямо перед ним, извиваясь огненной змеей, молния злобно ужалила камни. Гром расколол горные вершины и скалы. И тут же с неба низверглись потоки мутного дождя. По счастью, вход в пещеру темнел неподалеку и Конан нырнул в нее, как в мрачный, черный омут.

Пещера оглушила темнотой и запахом. После вспышки молнии, в глазах киммерийца плясали огненные змеи и теперь, окунувшись в затхлый мрак, он не видел даже собственных рук. Но слух ему не отказал, и он услышал тяжелое дыхание хозяина пещеры. Слишком шумное для обычного хищника — льва, пантеры или медведя.

Кроме того, Конан услышал ряд резких, коротких вздохов, характерных для принюхивающегося животного. Значит, обитатель пещеры его почувствовал и, скорее всего, нужно ждать немедленного нападения. Мысли понеслись вскачь. Попытаться выскочить, убраться из пещеры? Но для этого нужно повернуться спиной, а это верная гибель. Зверь сейчас нападет. Возможно, он уже в прыжке. Повернуться спиной, значит, немедленно умереть. Нет, можно только пятиться, выставив перед собой меч и осторожно нащупывая дорогу.

Мгновения растянулись до бесконечности. Проклятая слепота! Конан очень медленно, оставаясь в боевой готовности, отступал к выходу. Но он был уверен, что монстр не даст ему выйти, не упустит добычу, которая сама пришла к нему в логово.

Однако ничего не происходило. Дыхание неведомого существа по-прежнему оставалось ровным и тяжелым. Конан недоумевал. Любой зверь давно бы уже напал. Значит?.. Значит, хозяин пещеры — не зверь? Во всяком случае, он, похоже, разумен. Хотя и не каждый, даже очень глупый зверь, бросится на острый клинок. Что такое торчащие острые предметы, знают все.

— Кто же ты такой? — пробормотал Конан, даже не предполагая, что получит ответ.

— А кто ты? Я не вижу тебя... Давно уже ничего не вижу... — голос был ломанным и

хриплым, будто обладатель его давно забыл человеческую речь. Кроме того, Конану ясно представилось, как трудно огромной глотке, привыкшей, конечно же, издавать другие звуки, произносить слова.

— Я — человек... — Конан. не знал, следует ли назвать свое имя.

Он не опускал меч, но напряжение спало. Похоже, что чудовище действительно его не видит. И, кроме того, оно, кажется, намерено поговорить.

— Че-ло-век... Давно я не беседовал с человеком...

Глаза Конана, наконец-то, стали привыкать к темноте. Хоть с трудом, но он различил неподвижную черную массу в дальнем конце пещеры.

— А кто ты? Демон?

— У вас, людей, — голос завибрировал: возможно, его обладатель пытался засмеяться, — слишком примитивные понятия... Демон, бог... Других разумных существ вы не знаете — не хотите знать... Я — не демон, и не бог... А сюда пришел умирать... Мне много тысяч лет, я устал жить...

Конан не знал, следует ли вежливо побеседовать с умирающим существом, или просто повернуться и уйти. Может, удастся что-то узнать об этом мире...

— Я из другого мира. Заброшен сюда чьей-то злой волей. Иду к колдуну — он живет в горах на востоке — просить помощи.

На сей раз, голос более точно воспроизвел человеческий смех. Конан, прищурившись, увидел устремленные на него — сквозь него — два огромных, бельмастых, незрячих глаза.

— Ты хочешь получить помощь от того, кто вырвал тебя из привычного мира и перенес сюда?! Сам отдаешься ему в руки? Похоже, ты неразумен!

— Так это он?! Я не знал... — Конан вложил меч в ножны. Теперь он видел, что лежащий в углу монстр совершенно безопасен. Все еще напрягая зрение, он различал, огромное змеиное тело, свернувшееся кольцами, поникшие кожистые крылья с когтями на концах и в средине. Дракон? Похоже, очень старый дракон протиснулся в щель, чтобы спокойно встретить смерть. На какое-то мгновение киммерийцу стало жаль умирающую Тварь, но он вспомнил о своем незавидном положении и задумался над более насущными вопросами.

— Посоветуй, что мне делать! Ты — стар и мудр. Я же — новичок в этом мире.

Дракон долго молчал. Только тяжко хрюнул легкими. Конан уже решил, что старик о нем попросту забыл и собрался уходить. Но дракон ответил:

— Застань его врасплох,,оглуши, свяжи и повесь над огнем. Пусть расскажет о своих планах и поклянется отправить тебя обратно. Но будь осторожен — ему служат такие силы... и такие существа... — дракон передохнул и продолжил, — что, скорее всего, ты попросту лишишься головы... Но то, что он не сможет использовать тебя в своих целях — уже хорошо. А теперь иди, я устал...

Конан повернулся и вышел из пещеры. Дождь прекратился, по небу носились клочки разорванных ветром туч. После смрада драконьей пещеры, свежий воздух пьянил, как вино. Омытые камни, блестели в лучах пробивающегося солнца.

Значит, оглушить и связать — Конан нахмурился — наверное, не легко подкрасться незамеченным к волшебнику такой силы! Оглушить и связать! Ничего другого, кроме этого совета старого дракона, не приходило в голову. Колдун, скорее всего, следит за каждым шагом своей жертвы, раз уж перенес ее сюда... Оглушить и связать... А потом, повесить над огнем... Пусть расскажет и поклянется... А велика ли будет цена этой клятвы?

Второй день Конан лежал в засаде, неподалеку от жилища колдуна — темной, вросшей в землю башни, Из примыкающих к ней пристроек выходили люди, вероятно, помощники. Расположившийся на поросшем кустами холмике Конан, был отчего-то уверен, что колдуна он узнает сразу. Мельтешащие — входящие-выходящие, бегающие люди — явно только ученики. Человек десять-пятнадцать. Все молодые и опасности не представляют.

Один из учеников внезапно направился прямо к холмику, где лежал Конан. Миг — и он, с поднятыми руками, в знак того, что пришел с миром, предстал перед киммерийцем.

— Мир тебе, пришелец. Учитель просит тебя пройти к нему и побеседовать. Он давно ждет.

Конан почувствовал, как кровь опалила жаром щеки. Как это понимать? Ловушка? Но если колдун знал о его местонахождении, он давно мог бы его уничтожить.

Кряхтя с досады, Конан поднялся. Помощник колдуна едва доставал ему до подмышки. Молча, не оглядываясь, он пошел к башне. Конан зашагал следом; щеки горели от стыда — сидел в засаде, как пятилетний ребенок, решивший спрятаться от родителей, чтобы его не наказали за съеденную крынку меда! Позор!

Против ожиданий, башня колдуна оказалось просторной и светлой, хотя окон в ней почти не было, только узкие щели под самой крышей.

— Я сделал светящиеся стены, — ответил волшебник на невысказанный вопрос.

Был он высоким, гибким и довольно молодым. Карие глаза смеялись. Черная борода, без примеси седины, ровно и аккуратно подстрижена.

— Проходи, садись, Конан из Киммерии, так, кажется, тебя зовут в твоем мире, — колдун указал на резное кресло из темного дерева.

Рядом стоял небольшой стол, накрытый для легкого обеда: в прозрачных, чистых, как бриллиант, кувшинах — вино, в вазах — фрукты.

— Угощайся, — колдун был настроен добродушно и выглядел, как обычный человек. Чем-то напоминал Эскилампа.

Конан налил в прозрачную же кружку вина и выпил единым духом. Колдун по-доброму засмеялся. Затем, вмиг стал серьезным.

— Ты встречался с драконом. Надеюсь, ты понимаешь, что драконам верить нельзя, даже если они стары и умирают?

Конан вопросительно поднял бровь... Волшебник продолжал:

— Драконы настолько лживы, насколько злобы! Даже издыхая, стараются погубить других. Готов поспорить, что он рассказал про меня ужасные вещи.

— Он сказал, что это ты выдернул меня сюда.

— Тут он не солгал...

— И посоветовал оглушить тебя и подвесит над огнем.

— Зачем? — искренне изумился колдун.

— Чтобы ты не смог сделать очередную пакость.

— Вот как раз, пакости делал он! А я только занимаюсь тем, что предотвращаю их последствия! Мы, таким образом, существуем уже не одну тысячу лет.

Конан допил вино и надкусил диковинный и невиданный им ранее фрукт.

— Почему же ты не сразился с ним открыто?

Фрукт был похож на яблоко, но имел вкус банана.

— Открытая схватка не имела смысла. Вместо него пришлют другого дракона, или, вместо меня — другого колдуна.

— Кто пришлет?

— Те, кто правит за Кругом. Там тоже идет противоборство, как и везде.

Конан слегка поморщился. Бананы он не слишком любил. Не попробовать ли вот этот?..
Только вначале, нужно попробовать вино вон из того кувшина...

— Зачем ты меня сюда перенес?

— Я тебя спас. Колдун Чандлер — смотритель части вашего мира — погиб сразу после того, как обнаружил тварей, появившихся из-за Круга. Их оказалось слишком много. Он не смог справится. Если бы я тебя не перенес, ты был бы уже мертв. Хуже того — ты бы служил ИМ, будучи мертвым.

Волшебник, пригубил вино, задумчиво качая головой.

— Я думаю, теперь вместо Чандлера будет Эскиламп. Он уже вполне созрел. Возмужал, полностью освоился. А ты должен ему помочь.

— А если я не хочу ввязываться в ваши дела? — Конан налил вино из третьего кувшина, пригубил, одобрительно кивнул, и выпил до дна,

— Тебе придется, Конан, от твоего желания ничего не зависит. Во всех мирах идет борьба. В вашем — тоже. Обе стороны привлекают самых лучших — и колдунов, и воинов.

— И когда же она кончится, эта борьба?

Волшебник удивленно глянул на собеседника.

— Никогда. Она будет продолжаться вечно. Только так и можно поддерживать равновесие

— Ясно, — кивнул Конан, выбрав из чаши гроздь винограда.

— Поэтому, если ты отдохнул и закусил, я немедленно отправлю тебя на помощь Эскилампу. Он уже все знает.

— Я не попробовал вино еще из двух кувшинов. Да и хотелось бы закусить получше...
Мясо у тебя есть? И простой, черный хлеб?

Колдун засмеялся — совсем, как Эскиламп и хлопнул в ладоши. Помощники накрыли стол более основательно. Конан втянул запах жареного мяса и одобрительно хмыкнул.

5

Обратный переход совершился без тошноты головокружения. Конан стоял перед входом в таверну толстого Асланкариба. Двое пьяных, ошарашенные его появлением, таращили мутные глаза.

Не раздумывая, он вошел в заведение. Жирный хозяин угодливо поспешил принести вина и стоял рядом, не то желая что-то сказать, не то ожидая приказаний.

— Ну, что у тебя за дрянь?! — Конан брезгливо отставил кружку.

— Прости, господин, но это самое лучшее... — глазки трактирщика испуганно забегали.

— Только что я пил вино... вот это был вкус!

— Только что?..

— Неважно, — Конан отмахнулся от Асланкариба, как от назойливой мухи, — скажи, Эскиламп у тебя не появлялся?

— Нет, давно его не видел... А с тобой, хотел поговорить мой партнер. У него, кстати, и

вино получше!

— Ну, что ж, пошли, — Конан поднялся и направился к выходу. Трактирщик семенил следом.

Курдебек встретил гостей ласково и предупредительно, однако, благодарно посмотрев на компаньона, все же кивнул в сторону двери. Асланкариб тут же засобирался — таверну нельзя надолго оставлять без присмотра. Купец провел Конана в зал для приема гостей и усадил за богато накрытый стол.

— Садись, гость дорогой, отведай моего вина, фруктов...

Выждав положенное время, Курдебек заговорил о том, что его интересовало.

— А скажи мне, Конан... Моя партнерша из далекой страны Куш... Итилия... Она действительно так прекрасна, как говорят? Ты ведь ее видел?

Конан, отдав должное угощению, откинулся на спинку кресла и задумчиво устремил взгляд в пространство.

— Да, она очень красива.

— Расскажи мне о ней, — попросил купец, и так, как киммериец молчал, добавил, — я хотел бы ее увидеть...

— Чтобы ее увидеть, нужно самому отправиться с караваном. А словами ее трудно описать... Да и не мастер я рассказывать.

— Я понимаю — ты воин, — Курдебек был противен самому себе, но ничего не мог поделать. Заискивающая манера будто прилипла к нему в беседе с этим варваром.

— Черные, как смоль, волосы... — начал Конан, — распущенны по плечам... Черные глаза... Загорелое лицо и тело...

«Проклятый варвар, — Курдебек чуть не лопнул от злости, — он спал с ней! Конечно... он такой... такой... воин, мужчина. Но ведь и я не старик! Она должна меня полюбить!»

— Я собираюсь поехать к ней и предложить объединить наши деньги, дома... Словом, хочу взять ее в жены.

«И зачем я ему это говорю? Зачем я вообще его позвал? Чтобы он подтвердил, что она красива? Я и так это знал...»

— Желаю удачи.

«Еще один выгодный жених добавится в кучу отвергнутых».

— Ты согласишься сопровождать меня, в качестве охранника?

«Что я делаю?! Зачем он мне там нужен?!»

— Не могу. У меня неотложные дела.

«Только недавно вырвался из ее объятий».

— Жаль. Очень жаль.

«Хватит заискиваться перед этим варваром!»

Взгляд купца вдруг показался Конану странно остекленевшим. Нетвердой рукой Курдебек взял бокал с вином, пригубил, поставил на стол.

— Но все же, — продолжал купец странно менявшимся голосом, — если я очень хорошо заплачу?

«Что со мной?! Я будто засыпаю!»

— Нет, не могу.

«С чего это он так резко изменился?»

— Я заплачу столько, сколько ты скажешь!

«Мой разум словно окутан ватой... Я говорю не то, что хочу...»

— Не могу, не обижайся.

«Он хочет меня увезти подальше от...»

— Деньги, камни — все, что захочешь!

«Я умираю... моими устами говорит кто-то другой...»

— Мне пора, — Конан поднялся, пристально глядя на купца. Он был уверен, что так просто уйти не удастся.

Купец явно хотел увезти его из страны. Зачем? И почему остекленели его глаза? Изменилась манера говорить? Будто говорил не он, а кто-то другой... Будто...

Конан вспомнил о многоножках, управляющих телами своих жертв. Колдун в том, другом мире, сказал, что тварей прорвалось слишком много!.. Не сидит ли одна из них внутри его собеседника? Что делать, если это так? Убить его и раздавить выползшую тварь? Но убить уважаемого купца... А в многоножку никто не поверит!

— Мне пора, — повторил он, ожидая реакции Курдибека-зомби.

Как ни странно, ему позволили уйти. Купец только рассеянно кивнул, оставшись сидеть и не проводив гостя. Конан окончательно убедился, что перед ним уже не человек. Ибо уважающий себя хозяин всегда проводит гостя до дверей, пожелает счастливого пути, здоровья и благополучия.

На улице, у дверей купеческого дома его встретил Эскиламп.

— У нас очень много дел, Конан. Ты в курсе событий?

— Подозреваю, что в купца Курдибека вселилась многоножка.

— Значит, в курсе, — оживился колдун, — и не потребуются долгие объяснения.

Они шагали по опустевшим улицам Шадизара. Черный плащ волшебника развивался, как пиратское знамя. Он шел так быстро, что даже Конан, с его огромными шагами, с трудом за ним поспевал.

— Почему эта вдруг на улицах ни души?

— За время твоего отсутствия тут много чего произошло...

— И ты теперь вместо Чандлера?

— Да. Это был великий волшебник... Слишком много их навалилось... Он не успел подготовился... Странно — у него же был огромный опыт.

— Что-то слишком многое стало в последнее время странным, — с неудовольствием сказал Конан.

Эскиламп, против обыкновения не смеялся и не улыбался. Был мрачным и хмурым. Конан посмотрел с тревогой. Устал? Навалились заботы... Или... Не хотелось бы думать... Колдун поймал взгляд друга и улыбнулся.

— Нет, я пока еще не зомби. Но никто не знает, что будет с нами завтра.

— Куда мы идем?

— За город. Не может же Гаэланд опуститься
посреди Шадизара!

— Опуститься-то как раз сможет, — усмехнулся Конан, — вот, только что будет потом...

Эскиламп промолчал. Что-то напряженно обдумывал. Замолчал и Конан. Не стоит мешать волшебнику обдумывать план предстоящего сраженья. И все же, где-то внутри шевелился маленький червячок подозрения — уж слишком он сегодня не похож на себя.

— Как там, твой ученик? — через некоторое время, не без умысла спросил Конан.

Интересно, помнит ли многоножка то, что знал и помнил человек? Если Эскиламп одержим созданием из-за Круга (что это за Круг такой?), то он может и не знать про

чернокожего мальчика Бриана — его ученика.

— Ученик? — рассеянно переспросил колдун. — А... ученик... Бриан... У него все идет хорошо. Осваивается, понемногу...

Ответ не внес ясности. Наоборот, внес сомнения. Складывалось впечатление, что многооножка покопалась в разуме своего зомби и выдала ответ. Конан мысленно выругался. Если и Эскиламп...

Вышли, наконец, за городскую стену. Колдун уверенно зашагал к ближайшей роще.

— Лошадка там, — он кивнул на раскаивающиеся деревья, — похоже, катается на травке.

Конан отметил, что волшебник не засмеялся. Раньше — непременно залился бы смехом. Слишком серьезно положение? Вторжение существ из другого мира... Тут, конечно, не до смеха.

«Лошадка» Эскилампа — крылатый ящер с красивой кличкой Гаэланда катался, подминая молодые деревья. Узрев приближающихся людей, он встал на кривые лапы и вытянул морду, принюхиваясь. Затем вдруг раскрыл клыкастую пасть и зашипел. Конан помнил, что ящер его, мягко говоря, недолюбливал, как, наверное, и всех остальных людей, исключая взраставшего его хозяина. Но на сей раз, он шипел именно на него.

— Не узнал, — натянуто засмеялся Эскиламп, — ничего, сейчас принюхается и узнает.

Ящер действительно непрерывно втягивал воздух и ноздри его, то расширялись до размеров пивного бочонка, то склонялись, как раковины устрицы. Эскиламп медлил.

— Похоже, это он тебя испугался, — колдун глянул на Конана с неприязнью, — тебе лучше отойти...

Киммериец стоял неподвижно.

— Отойди! Иначе, он может броситься!..

Конан молча обнажил свой огромный, сверкающий вороненой сталью меч. Всегда веселые глаза Эскилампа заметались.

— Ты должен мне верить! Ящер просто не узнал меня!

— Такого не может быть, — острье клинка коснулось горла волшебника. Эскиламп застыл.

Ящер продолжал шипеть и клацать зубами. Роща затихла. Умер ветер, замолкли птицы. Только шипение огромного крылатого существа нарушило теперь эту странную тишину...

— Ну-ка, произнеси хоть одно заклинание и пусть оно действует, — холодно бросил Конан.

Теперь он был уверен. Реакция ящера не оставляла сомнений.

Гаэланд зашипел сильнее. Стоящий перед Конаном человек — или его подобие — стал меняться. Поплыли, как размазанные краски, черты лица, удлинились руки, ноги стали массивнее и короче. Огромные, кривые когти прорвали сапоги.

— Убей его, Конан, — послышался далекий голос, — убей, это существо из-за Круга...

Не раздумывая, Конан взмахнул мечом, и безобразная, рогатая и клыкастая голова, покатилась по траве, пачкая ее чистую зелень черной, пузырящейся кровью. Еще раз сверкнул меч, и туловище монстра оказалось распластанным надвое.

— Теперь садись на Гаэланда, — голос Эскилампа раздавался, казалось, откуда-то сверху, — он отвезет тебя ко мне... к нам. У нас тут жарко, так что — приготовься.

С отвращением глядя на дергающиеся останки убитого существа, Конан вытер клинок о траву и приблизился к ящеру. Нахмутившись, нехотя вложил меч в ножны.

Только боги могут знать, как себя поведет без хозяина это чудовище — любимый «конь» Эскилампа. Помнит ли он его, Конана? Помнит, что несколько раз возил его на своей горбатой спине? А если не помнит — не решит ли пообедать?

О; наконец, теперь ящер был настроен, казалось, благодушно. Он позволил Конану влезть на спину, разбежался и взмыл в небо. Облака белыми башнями плыли где-то далеко внизу. Нестерпимо яркое солнце слепило глаз, Газаланд мерно работал крыльями, изредка осматриваясь по сторонам, как беспечная птичка.

Конан, как и раньше, крепко держался за нарост на костлявой спине ящера. Бивший в лицо ветер превратился в ураган, когда «конь» сложил крылья и ринулся вниз. Облака туманом пронеслись мимо, и перед взглядом киммерийца открылось поле боя.

Зеленая, окруженная невысокими холмами долина, которой, казалось, сами боги положили быть местом отдыха, превратилась в кровавое поле боя. Лязг стали, вопли раненных и умирающих рев, визг, боевые кличи доносились даже до Конана, оглядывающего долину с высоты птичьего полета. Отряды закованных в броню рыцарей местами теснили, но чаще сами были теснимы противником. На одном из флангов бились наемники. Вместо тяжелой брони они предпочитали кольчугу. Были более маневренны и слаженны в бою, нежели аристократы-рыцари. Ящер, снизившись, летал кругами, очевидно, выискивая хозяина, и Конан смог хорошо разглядеть противника. В основном это были клыкастые и когтистые чудища — главная ударная сила тварей из-за Круга. Но среди них попадались и люди, во всяком случае, внешне похожие на людей существа. Несколько таких рыцарей — закованных в черные, отливающие синевой латы — были, очевидно, командирами отрядов, состоявших из чудовищ. Конан слышал команды, выкрикиваемые ими на чужом языке.

Ящер увидел хозяина и, издав звук, похожий на тосклиwyй скрежет собаки, опустился на поляну перед шатром, рядом с которым стоял одетый во все черное Эскиламп. Конан соскочил с костлявой спины и подошел к волшебнику. Тот отдал последние приказания вестовым и повернулся к товарищу.

— Ты как раз вовремя. Нас, как видишь, теснят на всех флангах. Принимай командование.

Власти Заморы возложили эту почетную обязанность на меня, а я могу брать в помощники кого захочу!

— Вряд ли рыцари меня послушают, — Конан внимательно осматривал поле боя.

— Они и меня не слушают, — засмеялся Эскиламп, — они, правда, сражаются доблестно и оттягивают на себя основные силы противника. И то хорошо. Командуй наемниками. Вместе с ними, кстати, сражается и Култар... если еще жив. Сейчас тебе приведут самого лучшего коня. А пока расскажи, как ты догадался, что у таверны тебя встретил мой двойник?

— Он не смеялся, был рассеян, не точно отвечал на вопросы! — Конан все смотрел на поле боя.

— Они — что? Все вылезли из-за того самого Круга?

— Нет, вылезли колдуны, черные рыцари и многоноожки. Трансформировали наших животных в монстров. И... вот результат!

— Скажи, там только чудовища или среди них есть и колдуны?

— Колдунов я подавил почти всех. А специальный отряд их уничтожил. Остался один главный. Если его убить — монстры упадут замертво. Его волю я подавил, но к нему не могу пробиться: слишком сильна охрана. Вся надежда на тебя.

Подвели огромного вороного коня, закованного в блестящие на солнце латы.

— Это конь одного павшего рыцаря, — грустно сказал Эскиламп, — садись и пробивайся к наемникам. Их, как видишь, уже окружают. Пробьешься — тогда веди оставшихся в живых клином на ставку противника, вон там, на холме, он указал тонкой рукой на восток, где черной точкой виднелся шатер, — убьешь главаря: мы победили.

— Ну, что ж, повеселимся! — Конан вскочил на коня и обнажил меч.

— Пospеши! Я не могу долго держать их главного колдуна — он слишком силен.

Окруженные со всех сторон наемники, образовывали круг и стойко отбивали атаки. Когтистая нечисть лезла напролом, не считаясь с потерями.

Три черных рыцаря стояли поодаль и непрерывно выкрикивали приказания. А, может, просто подбадривали свою чудовищную рать. Подъезжая к полю браны, Конан увидел, что обстановка изменилась к худшему. Аристократы-рыцари почти все были перебиты, наемники держались из последних сил. Флангов более не существовало — были островки сопротивления, окруженные кишащей нечистью.

С боевым кличем варвара Конан напал на ближайшего черного рыцаря. Тот не ожидал атаки с фланга и был зарублен, прежде чем успел сообразить, что происходит. Остальные двое лавиной ринулись навстречу неожиданному противнику.

Конан успел заметить, что вооружены они короткими, тяжелыми мечами. Значит, нужно лавировать и попытаться использовать преимущество своего длинного клинка. Не допускать ближнего боя, тем более, с обоими сразу. С гиканьем поскакав навстречу противникам, Конан в последний момент увел коня в сторону и, вытянув руку, достал мечом второго рыцаря. Его украшенный черными перьями шлем, вместе с головой покатился по истоптанной, политой кровью земле. Из обезглавленного туловища хлестала самая обычная, красная кровь. Оставался еще один — из тех, что командовали тварями, атакующими наемников. Он остановился и зычно закричал на отрывистом, ломанном, лающем языке, очевидно призывая на помощь своих чудовищных воинов. Конан напал на него, не теряя времени. На сей раз, схватка длилась несколько долгих минут. Рыцарь умело отбывал удары и наносил внезапные уколы из неожиданных позиций. И, все же, прежде чем клыкастые монстры сообразили, что хозяину требуется помочь, Конан проткнул его мечом, одним мощным ударом пробив, и латы, и кольчугу.

Наемники, увидев пришедшего на помощь воина на вороном коне, так быстро расправившегося с командирами чудовищ, перешли от обороны к атаке. Конан со своей стороны врезался в толпу нечисти, раздавая удары направо и налево. Разорвав кольцо нападающих, он крикнул:

— Я послан Эскилампом. Нужно пробиться к ставке врага!

Наемники, издав дружный клич, разом устремились на противника. Киммериец заметил, что чудовища, после смерти командиров стали вялыми и неповоротливыми. Наемники теперьправлялись с ними без труда.

— Конники, за мной! Строимся клином!

Наемники вмиг выстроились за его спиной боевым клином и ощетинились копьями и мечами. Эти профессионалы, свирепые в бою безжалостные убийцы хорошо знали свое дело. От четкой слаженности зависела их жизнь, и каждый воин-наемник понимал это, как нельзя лучше Конан был уверен — идущие за ним не дрогнут, не подведут, не остановятся. Даже смерть встань она на пути — огромная, безглазая, с косой в костяных руках — не смогла бы остановить этот поток рычащих, ревущих, бешеных убийц.

С замирием сердца наблюдал Эскиламп за продвижением отважных воинов. Словно морской корабль, рассекающий пенистые гребни, разрезал оборону врага отряд наемников во главе с огромным варваром-киммерийцем. Вот отброшены на обе стороны крылатые змеи с шипастыми хвостами, смяты собакоголовые, поросшие густой шерстью, обезьяны с дубинками в корявых лапах, осталась только прорвать кольцо черных рыцарей — личную охрану колдуна.

Кровь текла из прокущенной губы Эскилампа, посылающего импульсы силы и ярости в подмогу измотанным воинам. Кровь брызгала из-под меча Конана, с плеча рубившего шипящую нечисть. Кровью давно были окрашены клинки и копья наемников, их лица и доспехи. Кровавый след тянулся за отрядом, обильно смачивая и без того сырую, утоптанную землю. Время застыло...

Эскиламп, стискивая тонкие руки, выкрикивает заклинания... Изрядно поредевший клин продвигается вперед... Свалка у самого шатра... На помощь охране идут чудовища... Нападают со всех сторон... Продвижение клина замедляется... Они останавливаются!.. Их теснят! Пытаются отбросить назад... Заклинания, дарующие силу!.. Вперед! Не отступать! От этой атаки зависит судьба нашего мира! Битва кипит с новой силой. Волшебник кричит, мир содрогается, реальность изгибается, дрожит зыбким маревом...

Вперед, киммериец! Если тебя ранят, или убют — мир погибнет! Вперед! На тебя, на твою силу, на твоё умение, ловкость, быстроту — вся надежда! Вперед! Убей врага! Достань его! Убей!

Конан бьется уже у самого входа. Ворвался в шатер! Оставшаяся горстка наемников, отражает яростные атаки нечисти... Есть! Киммериец выезжает из шатра, поднимая на острие меча рогатую голову главного колдуна! Победа!

Эскиламп обессилено опускается на траву. По всему полю падают и бьются в судорогах чудовища. Оставшиеся в живых наемники что-то кричат. Конан скачет, выставив голову врага на всеобщее, обозрение...

* * *

Столы были накрыты прямо на центральной площади Шадизара. Всеобщее веселье не омрачили даже большие потери среди доблестных рыцарей, составляющих цвет воинства города. Огромные бочки лучшего вина стояли меж столами, и каждый мог наливать сколько захочет. Туши быков и баранов жарились на вертелах над огромными кострами. Слуги и рабы не успевали подавать вино и закуску. Музыканты играли так радостно и громко, что говорящий с трудом слышал собеседника. Но это было и неважно! Каждый, прежде всего, говорил сам! Говорил, смеялся, радовался, пил и ел!

И как-то все забыли, что командовал битвой волшебник Эскиламп, а главаря врагов убил варвар Конан, чудом прорвавшийся сквозь заградительное кольцо охраны. Может, потому, что друзья не стали садиться среди знати и говорить велеречивые тосты. Конан, Эскиламп и Култар весь в сочавшихся кровью бинтах — скромно уселись среди солдат-наемников, пили наравне с ними и ели так же, как они — отрывая зубами куски дымящегося, истекающего соком мяса. Потом запивали вином из простых глиняных кружек, громко смеялись и вместе со всеми радовались избавлению от нечисти, коварно проникшей в наш ласковый, светлый мир из-за Круга.